

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVII _ nr. 1

Revistă indexată în bazele de date
SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2021

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Responsabil de volum/responsible for volume: dr. **Ghenadie Sîrbu**

Secretar de redacție/editorial secretary: **Livia Sîrbu**

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Ștefan cel Mare si Sfânt bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul double blind peer-review
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели double blind peer-review
All the papers to be published will be reviewed by experts according the double blind peer-review model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Виталий Окатенко (<i>Харьков</i>), Сергей Скорый (<i>Киев</i>). Бронзовое блюдо с позолотой из Второго Караванского кургана раннескифской поры (Украинская Левобережная Лесостепь)	5
Татьяна Кузнецова (<i>Москва</i>). Античные традиции в генезисе зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка	17
Natalia Mateevici (<i>Chişinău</i>), Mihaela Iacob (<i>Bucureşti</i>), Dorel Paraschiv (<i>Tulcea</i>). Colecţia de ştampile de amfore greceşti din câteva situri getice din nord-estul Dobrogei	34
Nikolai Jefremow (<i>Greifswald</i>), Andrei Kolesnikov (<i>Moskau</i>), Elena Bolonkina (<i>Krim</i>). Neue Namen in den Keramikstempeln von Knidos in der Sammlung des Historisch-archäologischen Museums in Kerč (Krim)	41

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Сергей Рыжов , Валентина Шумова , Александр Дяченко (<i>Киев</i>). Исследования на поселении западнотрипольской культуры Колодистое II	46
Александр Могилов (<i>Киев</i>), Юрий Ляшко (<i>Каменка</i>), Сергей Руденко (<i>Чигирин</i>). Скифское всадническое погребение в бассейне р. Тясмин	59
Сергей Агульников , Виталий Железный (<i>Кишинев</i>). Могилиник ногайской культуры у с. Казаклия	81
Vasile Paul Scrobotă (<i>Aiud</i>), Elena Gherman (<i>Iaşi</i>). Cercetări de supraveghere arheologică la obiectivul colegiul „Bethlen Gabor” din municipiul Aiud, jud. Alba. Campania 2012	99

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Mariana Gugeanu , Maria Geba (<i>Iaşi</i>). Investigaţii non-invazive aplicate textilelor arheologice de la Mănăstirea Căpriană	113
--	-----

RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Stanislav Țerna , Mariana Vasilache , <i>Figurinele antropomorfe din etapa Cucuteni A din interfluviul pruto-nistean: (în baza colecţiilor Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei)</i> Biblioteca Tyragetia, 31. Chişinău 2019, 264 pagini şi 63 planşe. ISBN 978-9975-87-562-2 (Илья Палагута, Санкт-Петербург)	120
---	-----

IN HONOREM

К юбилею археолога Анатолия Федоровича Гуцала (Александр Могилов, Виталий Гуцал, Киев)	125
--	-----

Doctorul habilitat EUGEN SAVA la 65 ani (Mariana Sîrbu, <i>Chişinău</i>)	128
---	-----

IN MEMORIAM

In memoriam colegului şi prietenului Oleg Leviţki (Alexandru Furtună, <i>Chişinău</i>)	133
---	-----

In memoriam Olga Larina (15.11.1952 – 01.2021) (Sergiu Bodean, <i>Chişinău</i>)	134
--	-----

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION	137
---	-----

INFORMAȚII ŞI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE	138
--	-----

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE	139
--	-----

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Виталий Окатенко, Сергей Скорый

Бронзовое блюдо с позолотой из Второго Караванского кургана раннескифской поры (Украинская Левобережная Лесостепь)

Keywords: Scythians, archaic, Second Karavan Barrow, Near-Eastern import, Seversky Donets river-basin.

Cuvinte cheie: Sciți, arhaic, tumulul 2 de la Karavan, import din est, bazinul râului Sever-Donet.

Ключевые слова: Скифы, архаика, Второй Караванский курган, Ближневосточный импорт, бассейн Северского Донца.

Vitalii Okatenko, Sergey Skoryi

Bronze plate with gilding from the Second Karavan barrow of the early Scythian period (Ukrainian Left-Bank Forest-Steppe)

The article is devoted to a unique find of Near Asian origin - a bronze plate with chased ornamentation and gilding, found in the Scythian archaic barrow № 2 near the Karavan village, near the town of Lyubotin, Kharkiv region (Seversky Donets basin).

We had an opportunity to conduct an independent study of this product. There are several opinions about the place of manufacture of this plate. Some authors associated the Karavan plate with Achaemenid Iran and dated by the 7th-6th centuries BC. Others saw in it, not without reason, Assyrian products, determining the time of the product by the 9th-8th or the 3rd quarter of the 8th - early 7th centuries BC.

We believe that the opinion about the Assyrian roots of this product is quite convincing. According to the Karavan plate's closest analogy - in terms of the ornament- on the bronze-based pix from the collection of the Metropolitan Museum, we find it possible to extend the chronological framework of the production of the plate in Assyria to the whole 7th century BC.

Vitalii Okatenko, Sergey Skoryi

Vas de bronz aurit din tumulul 2 de la Karavan din perioada scitică timpurie (din stânga silvestrele ucrainene)

Articolul este dedicat analizei unei descoperiri de unicat, specifică Orientului Apropiat – un vas din bronz aurit ornamentat prin batere, descoperit în tumulul scitic nr. 2 de la Karavana, în apropierea orașului Liubotin, regiunea Harkov (bazinul Seversky Donets).

Noi am avut fericita ocazie de a studia acest vas de import. Există mai multe păreri despre locul de producere al acestor recipiente. Unii autori au asociat această descoperire cu Iranul achemenid și, respectiv, l-au datat cu sec. VII-VI a.Chr. Alții, l-au atribuit produselor asiriene, determinând încadrarea acestuia în sec. IX-VIII a.Chr. sau în al treilea sfert al sec. VIII – începutul sec. VII a.Chr.

Noi considerăm că este destul de convingătoare ideea despre rădăcinile asiriene. Având în vedere că cea mai apropiată analogie a ornamentului de pe vasul de la Karavan este cel de pe pixida de bronz din colecția Muzeului Metropolitan, considerăm argumentată posibila extindere a segmentului cronologic în cadrul căruia ar fi fost produs acest vas asirian – pentru întreg secolul al VII-lea.

Виталий Окатенко, Сергей Скорый

Бронзовое блюдо с позолотой из Второго Караванского кургана раннескифской поры (Украинская Левобережная Лесостепь)

Статья посвящена рассмотрению уникальной находки переднеазиатского происхождения – бронзовому блюду с чеканным орнаментом и позолотой, обнаруженному в скифском архаическом кургане №2 у пос. Караван, близ г. Люботин Харьковской области (бассейн Северского Донца).

Мы имели возможность непосредственно изучать данное импортное изделие. Существует несколько мнений о месте изготовления данной посуды. Одни авторы связывали караванское блюдо с Ахеменидским Ираном и, соответственно, датировали VII-VI вв. до н.э. Иные видели в нём, не без основания, ассирийскую продукцию, определяя время данного изделия IX-VIII или 3-ей четвертью VIII – началом VII вв. до н.э.

Нам представляется вполне убедительным мнение об ассирийских корнях данного изделия. Учитывая наиболее близкую аналогию караванскому блюду по орнаментальному оформлению, известному на бронзовой пиксиде из собрания Метрополитен Музея, считаем возможным расширить хронологические рамки, в которых могло быть осуществлено производство данного сосуда в Ассирии на весь VII в. до н.э.

Около трёх десятилетий назад, в 1993 г., у пос. Караван, вблизи г. Люботин Харьковской области (бассейн р. Северский Донец, Украинская Левобережная Лесостепь) (рис. 1) неизвестными лицами, с применением землеройной техники, варварски были разрушены 2 кургана, относящиеся к раннескифскому времени.

По сведениям некоторых старожилов на момент ограбления, один из них (№1) был высотой около 1,0 м, а второй (№2), находящийся поблизости, отличался большими размерами, и имел до разрушения высоту до 5,0 м. На нём во время Великой Отечественной войны была огневая позиция, вследствие чего верхушка была разрушена [Okatenko 2014, 4; 2014a, 255].

Как сообщают предшественники, насыпи упомянутых курганов были потревожены еще до ограбления 1993 г., при строительстве очистных сооружений Караванского спиртзавода [Chernenko, Bandurovskii 1998, 154].

Бронзовое блюдо, о котором пойдёт речь в настоящей работе, наряду с иными предметами, было обнаружено в 1993 г. в ходе ограбления кургана №2. Конкретные условия находки его в кургане, к сожалению, не известны.

В процессе расследования обстоятельств разрушения памятника, А.В. Бандуровскому и Ю.В. Буйнову, доценту Харьковского университета им. В.Н. Каразина, удалось изъять у местных жителей пос. Караван упомянутое блюдо и половину серебряного наконечника ритона в виде протомы бычка [Buinov 1993-1994, 4; Bandurovskii, Buinov, Degtiar' 1998, 148].

В настоящее время блюдо хранится в Научных фондах Института археологии НАН Украины (Киев)¹. Данный артефакт известен в науке исключительно по рисунку, опубликованному в своё время А.В. Бандуровским, Ю.В. Буйновым и А.К. Дятярём [Bandurovskii, Buinov, Degtiar' 1998, 149, рис. 4, 2], позже тиражированному в иных работах [Bandurovskii, Chernenko 1999, 29, рис. 2; Alekseev 2003, 381, рис. 10, 11; Kisel' 2003, 132, №37; Grechko 2010, 205, рис. 58, 2], иногда с искажениями указанного первоисточника [Bandurovskii, Buinov 2000, 195, рис. 54, 2]. Кроме того, в некоторых изданиях приводятся достаточно различающиеся параметры блюда, особенно, его диаметра и

высоты бортика [Bandurovskii, Buinov, Degtiar' 1998, 148; Bandurovskii, Chernenko 1999, 30], что, разумеется, вносит путаницу в истинное положение дел.

Пожалуй, наиболее хорошая по качеству и формату копия упомянутого рисунка блюда воспроизводится на титульной странице в сборнике Люботинское городище, предшествующем монографии Б.А. Шрамко [Liubotinskoe gorodishche 1998, 7] (рис. 2). Однако, и в ней есть неточности по сравнению с самой вещью, о чём речь пойдёт ниже.

Итак, *бронзовое блюдо с позолотой*. Сразу же отметим, что этот факт отнюдь не однозначно присутствует в работах, где речь идёт о данном изделии. В некоторых из них о какой-либо инкрустации блюда драгоценным металлом нет ни слова. В других, написанных А.В. Бандуровским с соавторами, речь идёт либо о золотой плакировке блюда [Bandurovskii, Buinov 2000, 67], либо ошибочно отмечается, что она – серебряная [Bandurovskii, Chernenko 1999, 30]. Однако в монографии А.В. Киселя, вышедшей несколько позже, чётко говорится о золотой инкрустации [Kisel' 2003, 71, 132].

Блюдо в плане имеет круглую форму (диаметр внешний 25,3 см, диаметр внутренний 24,4 см), плоское дно и расположенные под тупым углом, плавно отогнутые стенки, высотой 3,5 см. По краю блюда проходит ровный бортик шириной 3,5 см. Толщина стенки блюда до 0,3 см.

С одной стороны, на стенке блюда, возле устья, на расстоянии 4,0 см друг от друга, расположены 2 колечка-шарнира, к которым первоначально крепилась ручка (рис. 3-4). На рисунке блюда в плане в работах А.В. Бандуровского и соавторов колечки-шарниры показаны неверно, а на профиле сосуда вполне правильно (рис. 2, ср. рис. 4). Интересно, что ручка на блюде была только с одной стороны.

Дно блюда в разной степени повреждено сквозными лакунами коррозии и окислов, вследствие долгого пребывания в земле – от нескольких довольно больших отверстий до маленьких дырочек (рис. 3-4).

С внутренней стороны дно блюда украшено довольно сложным растительно-геометрическим орнаментом, нанесённым с помощью чеканки, занимающим лишь центральную часть дна. Детали орнамента хорошо определимы на

1. Номер хранения находки в Научных фондах Института археологии НАН Украины №ТЗБ-62.

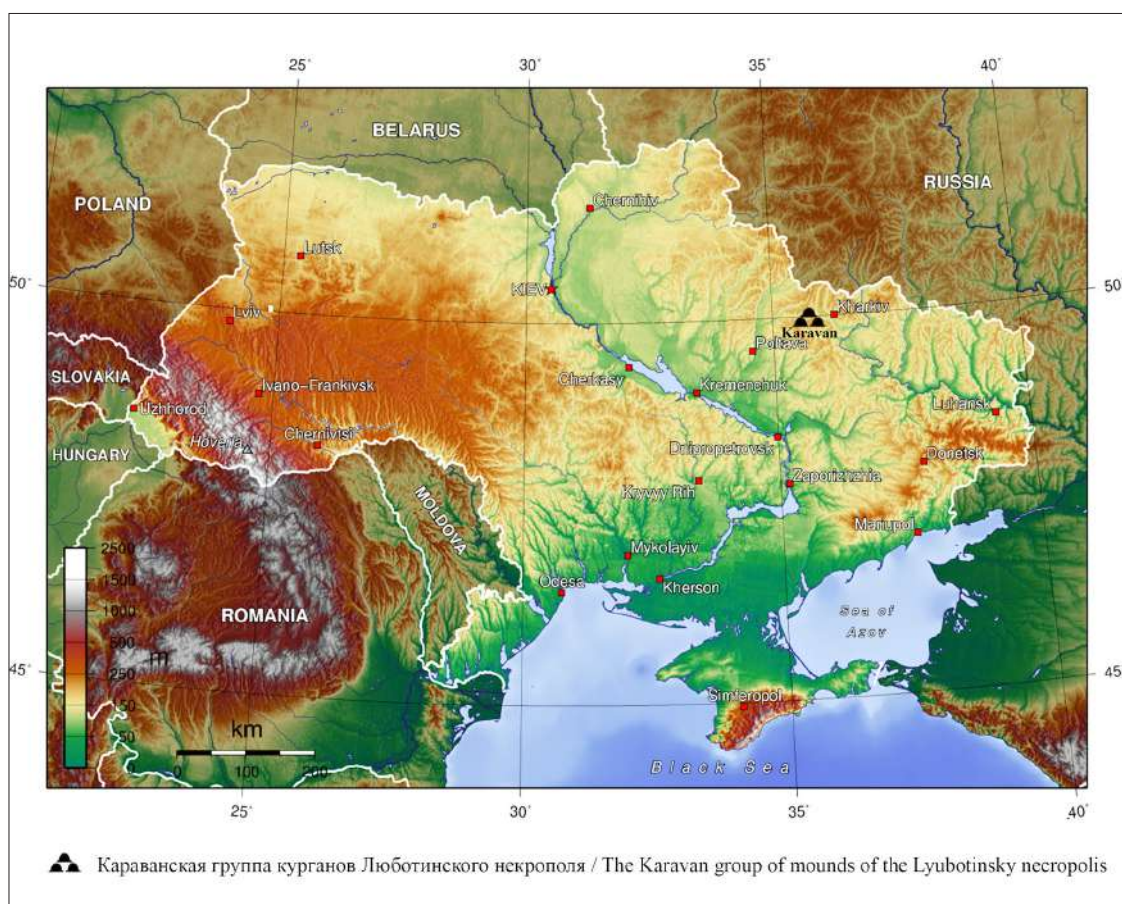

Рис. 1. Местоположение курганов у пос. Караван Харьковской области (Украинская Левобережная Лесостепь).

Fig. 1. The location of the barrows near the village Karavan of the Kharkiv region (Ukrainian Left-Bank Forest-Steppe).

самом предмете, качественных фото (рис. 5) и тщательной прорисовке² указанного участка, сделанной по упомянутым фото (рис. 6).

В центре композиции расположена восьмилепестковая розетка, каждый лепесток которой окаймлен двойной линией. В кругу розетки, также окаймленном двойной линией, – небрежно нанесённые косые насечки, возможно, для закрепления оправы (?) какого-либо украшения (рис. 5-6).

Затем располагаются 3 окружности, увеличивающегося диаметра, изображённые различным числом гравированных линий.

К слову сказать, на рисунке в работах А.В. Бандуровского и его соавторов некоторые детали этого орнамента переданы неточно или не обладают должным качеством.

Первая окружность нанесена 7 концентрическими линиями (на рисунке А.В. Банду-

ровского их шесть), следующая за ней, вторая – 6 линиями, наконец, третья окружность также 6 линиями (на рисунке их показано лишь 5).

Между первой и второй окружностями расположен фриз в виде заштрихованных сеточкой равнобедренных треугольников (21 изображение). Кстати, этот орнамент, вполне, напоминает элемент декора предскифской и раннескифской столовой инкрустированной посуды. Стоит отметить, что эта деталь орнамента на упомянутом первоначальном рисунке блюда изображена слишком идеализировано (рис. 2). Между второй и третьей окружностями также расположен орнамент, но не геометрический, а растительный в виде стилизованных цветков лотоса, соприкасающихся лепестками. Бутоны у последних также заштрихованы сеткой, как упомянутые треугольники первого фриза, чего также не видно на большинстве некачественно опубликованных ранее рисунках рассматриваемого блюда.

2. Прорисовка орнамента выполнена И.С. Бaeвой, которой авторы выражают искреннюю признательность.

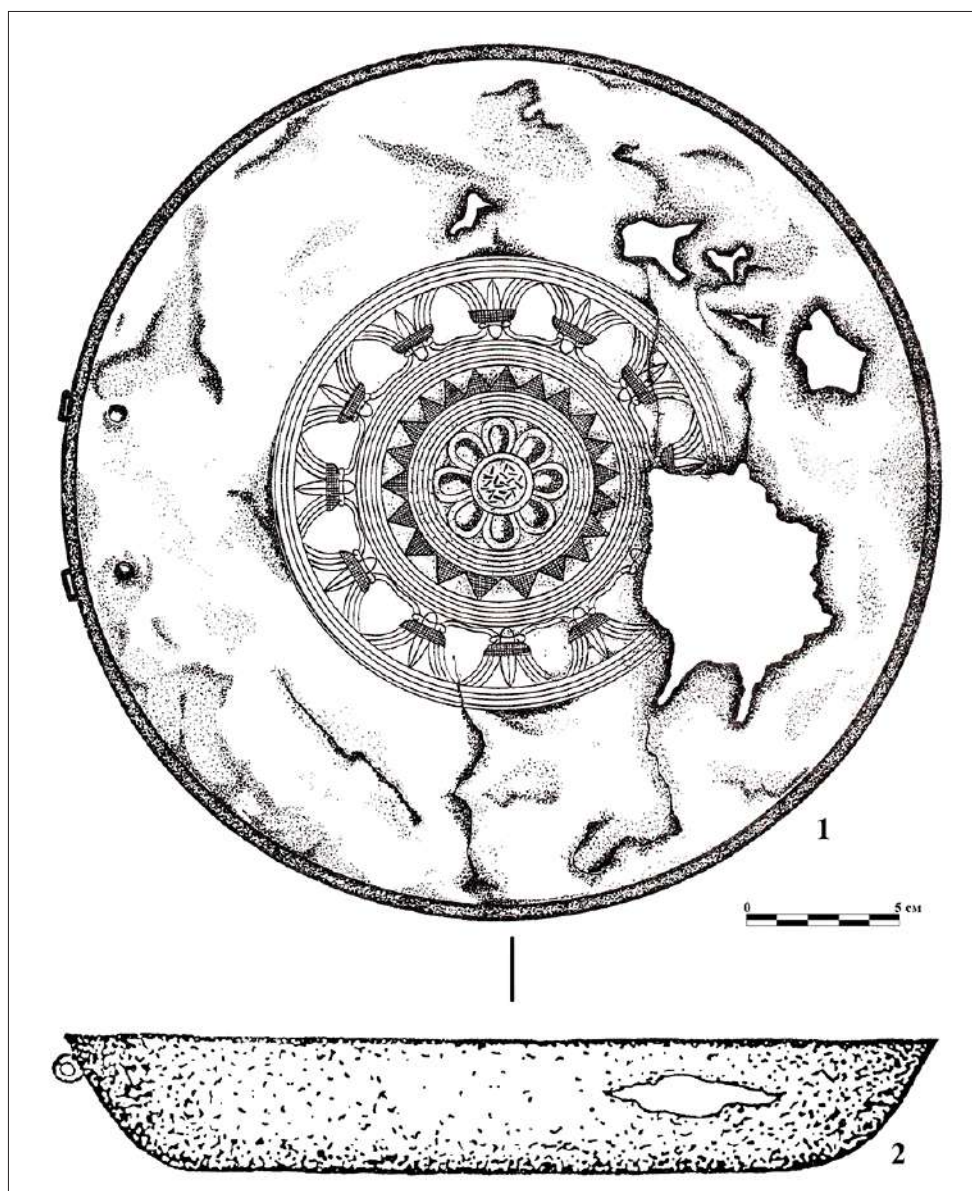

Рис. 2. Бронзовое блюдо из Второго Караванского кургана. Иллюстрация из работ А. В. Бандуровского с соавторами и последующих авторов, по: Бандуровский, Буйнов, Дегтярь 1998, 149, рис. 4, 2 (по: В. Омельченко).

Fig. 2. Bronze plate from the second Karavan barrow. The illustration from the works of A.V. Bandurovskii with co-authors and subsequent authors, after: Bandurovskii, Buinov, Degtiar' 1998, 149, fig.4, 2 (after: V. Omelchenko).

В связи с разрушением участков дна блюда сохранилось изображение 12 цветков, но, судя по ритму их нанесения, в районе утраченной части дна был ещё один цветок лотоса, т.е. первоначально их было тринадцать. На рисунке же блюда из Второго Караванского кургана, тиражированном в ряде работ, изображено только 11 цветков лотоса.

Внутренняя поверхность блюда, во всяком случае, в районе орнамента, судя по сохранившимся отдельным участкам, была покрыта

тонким слоем золота в технике плакирования (рис. 3; 5).

Прямые аналогии данному изделию пока не известны.

Бронзовое блюдо из Второго Караванского кургана с момента первой публикации привлекло внимание исследователей. И если *переднеазиатское происхождение* данного артефакта сомнения ни у кого не вызывало, то по вопросам касательно места изготовления данного изделия, даты, путей попадания его в

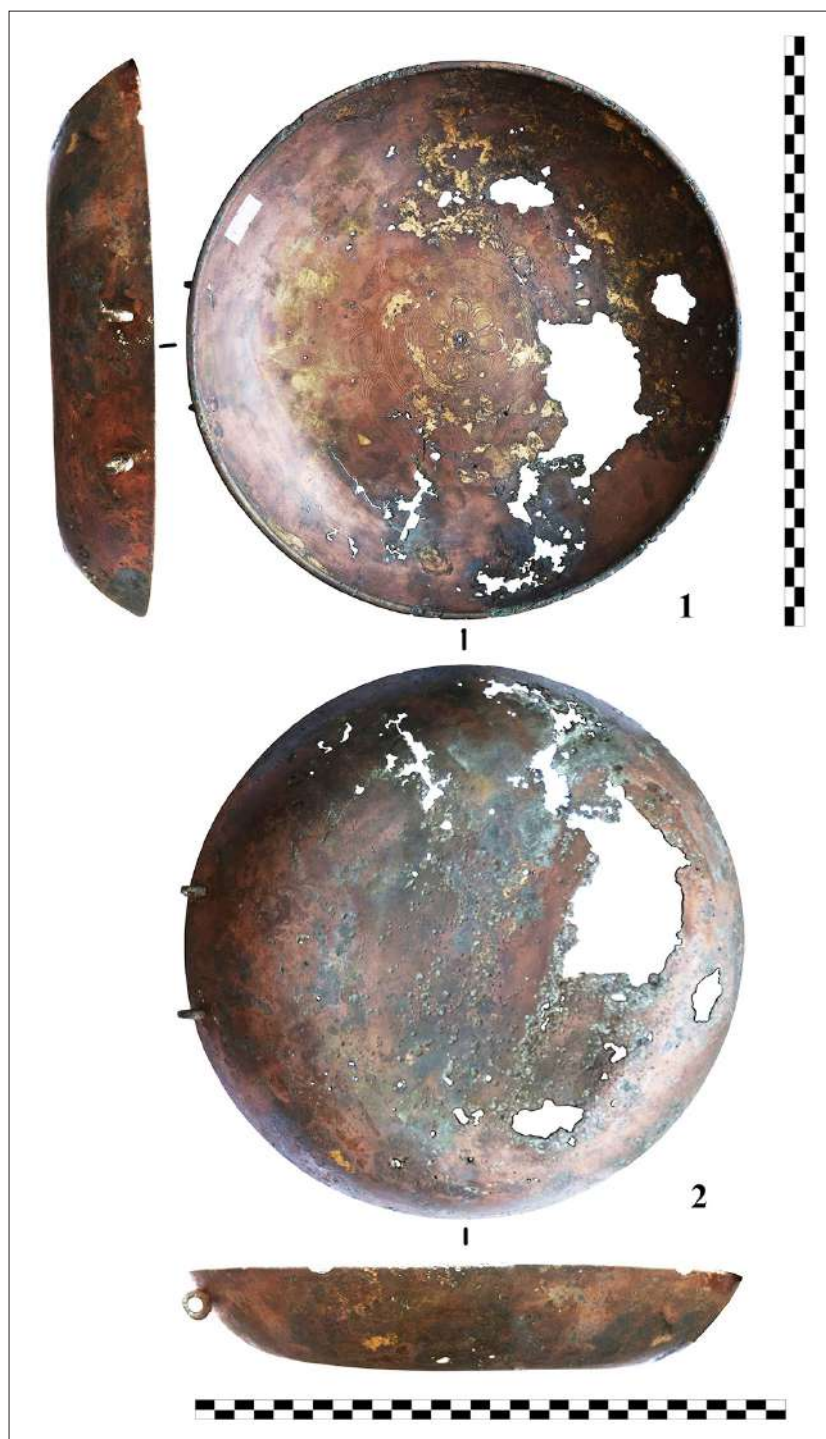

Рис. 3. Бронзовое блюдо с позолотой из Второго Караванского кургана. Лицевая и оборотная стороны с профилями. Фото авторов.

Fig. 3. Bronze plate with gilding from the Second Karavan barrow. Front and back sides with profiles. Photo by the authors.

лесостепной ареал Украины предлагались различные версии.

В своё время А.В. Бандуровский и Е.В. Черненко трактовали блюдо как *ахеменидское изделие*, относили его к группе вещей VII-VI вв. до н.э. и предполагали три возможности попадания его в Лесостепь: в результате неких торговых отношений, переднеазиатских походов или скифо-персидской войны. В двух последних случаях это изделие рассматривалось в качестве трофея [Bandurovskii, Chernenko 1999, 30]. Первая версия маловероятна, что отмечалось и самим авторами. В ещё большей степени нет основания соотносить данную находку с событиями скифо-персидской войны конца VI в. до н.э. поскольку комплекс Второго Караванского кургана (об этом будет далее), как минимум, на столет древнее.

А.В. Бандуровский и Е.В. Черненко указали на элементы сходства находки из Каравана с известным серебряным блюдом из «комплекса» Зивие или Саккызского «клада» (Иранский Курдистан) [Ghirshman 1961, 87, pl. XLIII; 1964, 109, Abb. 142], что и позволило определить дату караванского блюда VII-VI вв. до н.э. [Bandurovskii, Chernenko 1999, 30].

Элементы близости этих сосудов, по их мнению, в следующем: 1) инкрустация, от-

личным от основного металлом – в Зивие серебряный сосуд, имеет золотое покрытие, в Караване – бронзовый; 2) в центре дна у обоих сосудов – розетки, правда, у сосуда из Зивие она – 16-ти лепестковая; 3) у блюда из Зивие также несколько выделенных орнаментальных кругов различного диаметра, нанесённых концентрическими линиями [Bandurovskii, Chernenko 1999, 30].

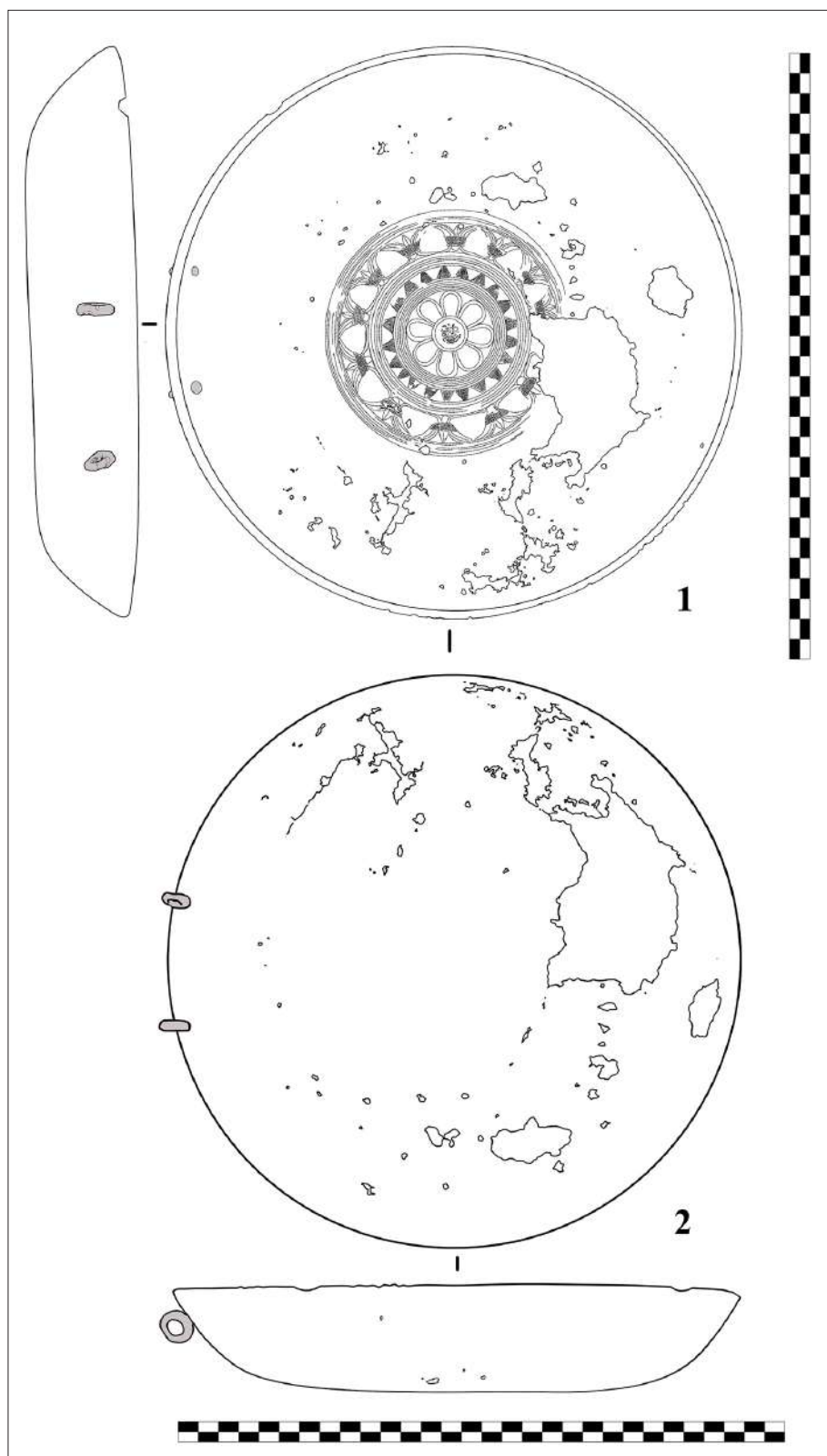

Рис. 4. Бронзовое блюдо с позолотой из Второго Караванского кургана. Прорисовка лицевой и оборотной сторон с профилями.

Fig. 4. Bronze plate with gilding from the Second Karavan barrow. Drawing of the front and back sides with profiles.

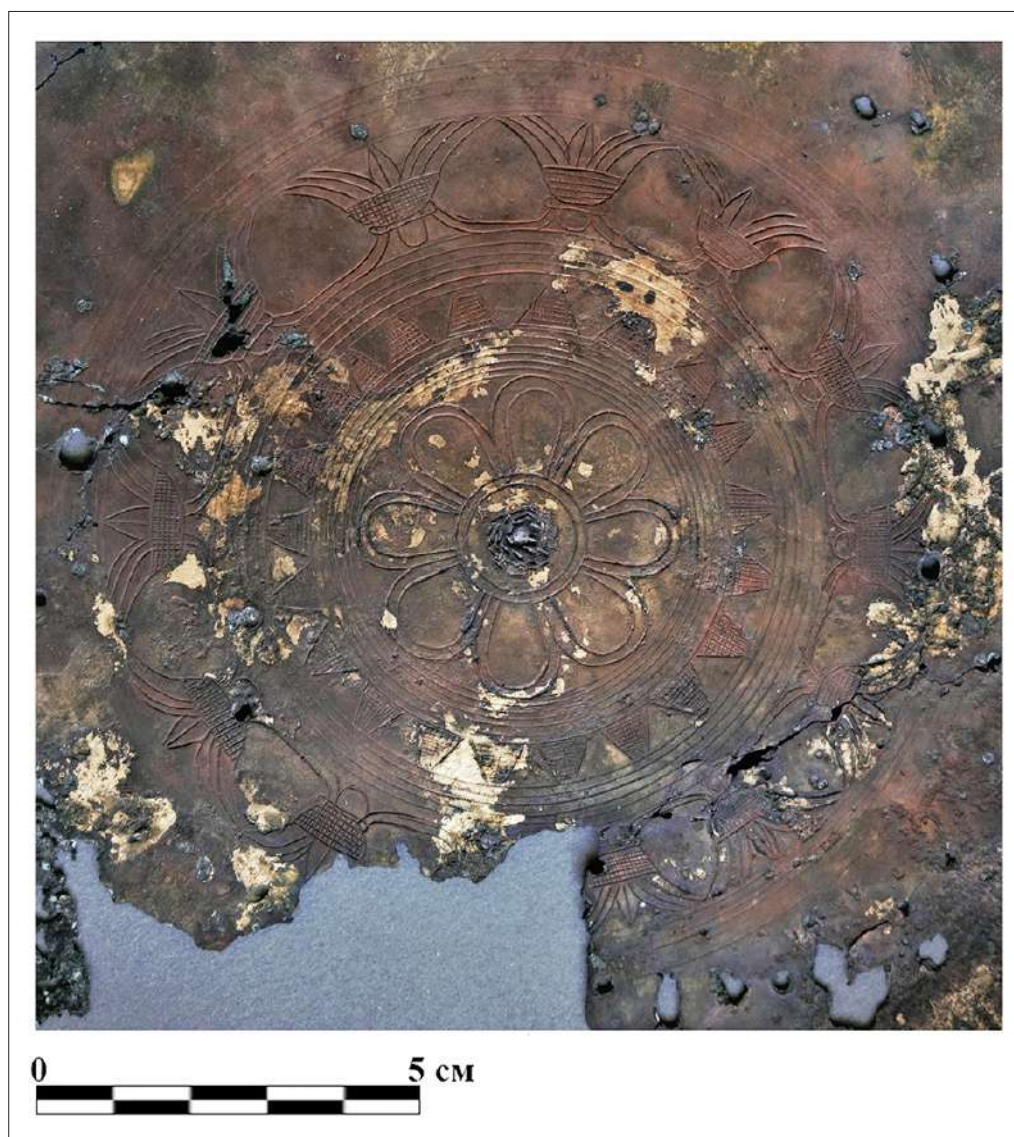

Рис. 5. Орнамент центральной части блюда. Фото авторов.

Fig. 5. Ornament of the central part of the plate. Photo by the authors.

А.В. Бандуровский и Е.В. Черненко отмечали также, что розетка на караванском блюде находит аналогии на рельефах Персеполя VI-V вв. до н.э. [Bandurovskii, Chernenko 1999, 30].

А.В. Бандуровский с соавторами также указали на близость оформления центральной части Караванского блюда многолепестковой розеткой и золотой чаши из Первого Келермесского кургана в Закубанье, относящегося к VII в. до н.э., раскопанного Д.Г. Шульцем в 1903 г. [Bandurovskii, Buinov, Degtiar' 1998, 150; Bandurovskii, Buinov 2000, 67].

А.Ю. Алексеев писал об этом блюде, как об изделии, украшенном *ассирийским орнаментом*

IX-VIII вв. до н.э. [Alekseev 2003, 112, ris. 10, 11-12], сравнивая декор караванского сосуда с изображениями на ассирийских щитах на каменных рельефах последней трети VIII в. до н.э., ссылаясь при этом на труд Бартеля Хроуды [Hrouda 1965, Taf. 23; 27-28]. Однако объективности ради, следует отметить, что, несмотря на то, что декор ассирийских щитов в определённой степени перекликается с орнаментом караванского блюда (на них также изображены разнообразные розетки, а на одном и равнобедренные треугольники), видеть в них прямые аналогии нельзя [Alekseev 2003, 381, ris. 10, 12].

Весьма обстоятельно к изучению караванского блюда подошёл В.А. Кисель [Kisel' 2003,

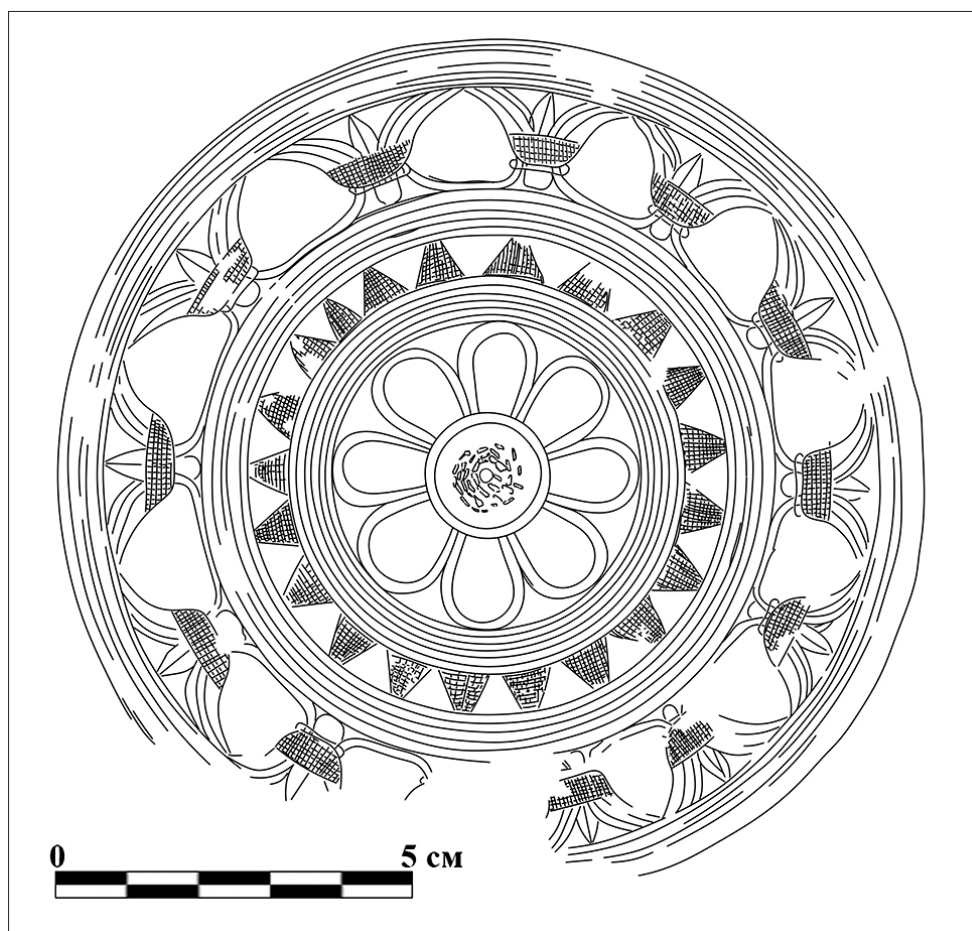

Рис. 6. Прорисовка орнамента центральной части блюда (по И. Баевой).

Fig. 6. Drawing of the ornament of the central part of the plate (according to I. Baieva).

71-72], указав, что сам тип низких металлических уплощённых сосудов был свойственным для ряда ближневосточных культур, приведя при этом в качестве аналогий чаши, найденные в Кармир-Блуре [Piotrovskii 1970, kat. 62]. Не уникальной является и боковая ручка на караванском сосуде: таковые встречены, например, на блюдах в ряде курганов у с. Нартан, хотя в деталях отличаются от ручки из кургана №2 у пос. Караван, крепящейся на шарнирах [Batchaev 1985, 47, tab. 39, 42; 48, 38-39]. Данные сосуды по форме не характерны для местной кобанской культуры, хотя и украшены кавказским орнаментом [Batchaev 1985, 47; Kisel' 2003, с.71].

А.В. Кисель отметил [Kisel' 2003, 71], что по технике исполнения (металлопластика) блюдо из Караванского кургана может быть сопоставлено с известным зеркалом из Четвёртого Келермесского кургана и фрагментированным серебряным ритон, украшенным золотыми

аппликациями из Третьего Келермесского кургана (раскопки Д.Г. Шульца, 1904 г.) относящихся ко 2-ой половине VII в. до н.э. [Alekseev 2012, 108], а точнее – к 650-627 гг. до н.э. [Galanina 1997, 190]. Кроме того, караванское блюдо объединяет с келермесским зеркалом наличие розетки в центральной части изделия.

Следует заметить, что, серебряное зеркало из Четвертого Келермесского кургана действительно содержит в центральной части многолепестковую розетку, что напоминает ситуацию на блюде из Второго Караванского кургана. Однако сопоставление указанных келермесских изделий (зеркала и фрагментированного ритона) с блюдом из Второго Караванского кургана, с точки зрения техники декорирования, не совсем корректно.

Как уже отмечалось, центральная часть караванского изделия украшена в иной технике – не металлопластики, а плакирования золотом.

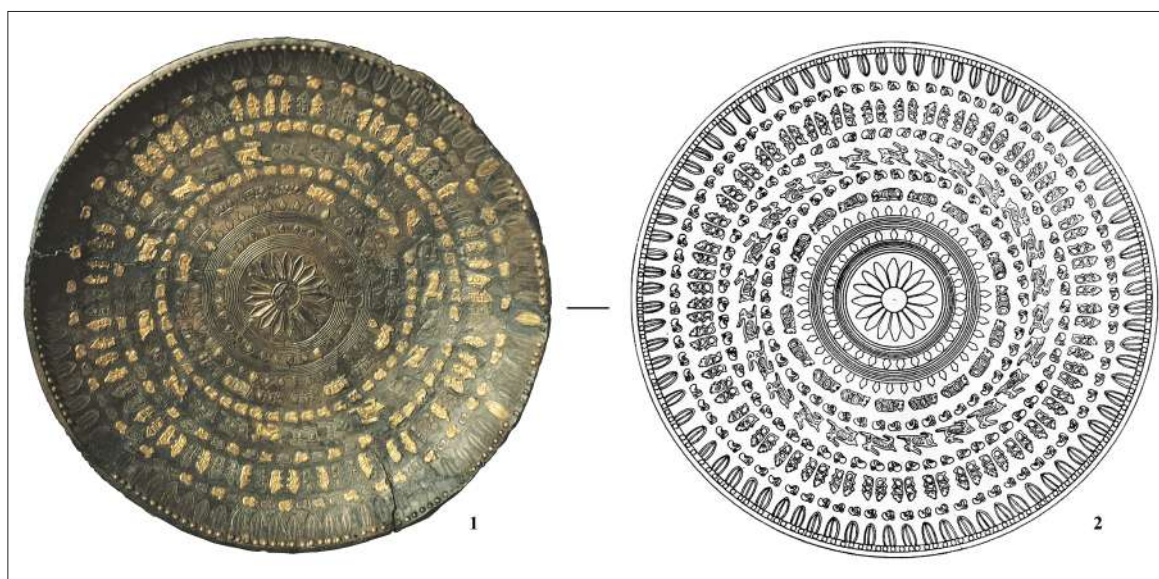

Рис. 7. Серебряное блюдо с позолотой из Зивие, лицевая сторона (по: Ghirshman 1961, 87, pl. XLIII; 1964, 109, Abb. 142).

Fig. 7. Silver plate with gilding from Ziwiye, front side (after: Ghirshman 1961, 87, pl. XLIII; 1964, 109, Abb. 142).

В.А. Кисель также придерживается мнения об «ассирийских корнях» в оформлении блюда из Каравана, подчёркивая, в частности, что сложносоставные розетки известны в Ассирии с IX в. до н.э. Что же касается лотосовидного орнамента, то он отмечен в целом ряде ассирийских древностей: рельефе из Нимруда правления Ашшурнасирпала (883-859 гг. до н.э.), настенной росписи дворца Саргона II (721-705 гг. до н.э.) в Хорсабаде, на одежде Ашшурбанипала (669-631 гг. до н.э.) на рельефах в Ниневии. Учитывая эти факты и аналогию на ассирийском щите (приводимую А.Ю. Алексеевым), В.А. Кисель предлагает датировать караванское блюдо последней третью VIII – началом VII вв. до н.э. и видеть в нём продукцию *ассирийских мастеров* [Kisel' 2003, 72].

Упомянутые исследователи совершенно верно привели сведения о довольно широком распространении орнаментов в виде сложносоставной розетки и лотосовидного, в частности, в ассирийских древностях, начиная с IX-VIII вв. до н.э. [Kantor 1945, 807-810]. Более того, можно вполне определённо утверждать, что подобный орнамент, и в том числе лотосовидный декор, были весьма популярны в целом на Ближнем Востоке, по крайней мере, с IX по VI вв. до н.э.

Конечно, при поиске аналогий для караванского блюда наиболее важны не отдельные элементы его декора (хотя, конечно, учитывать

их нужно), а совокупность черт орнамента, что является, несомненно, более объективным основанием для суждения о дате артефакта и месте его изготовления.

Таковыми, на наш взгляд, являются 2 сосуда, найденные в Передней Азии, хотя число признаков, сближающих их с караванским блюдом, у каждого из них – весьма различно.

Один из них – уже упомянутое низкое серебряное блюдо из Зивие (Иран, Курдистан) (рис. 7). Выше были приведены соображения А.В. Бандуровского и Е.В. Черненко о трёх признаках, сближающих данный артефакт с караванским блюдом.

Однако, объективности ради, следует подчеркнуть, что черт различия между двумя этими сосудами гораздо больше, нежели сходства.

1) Так, караванский сосуд украшен намного скромнее изделия из Зивие: у него лишь растительный и геометрический орнамент. У сосуда из Зивие, помимо упомянутого декора, – роскошный зооморфный орнамент – изображения в пяти фризах животных и птиц.

2) У караванского сосуда орнамент лишь в центральной части дна. В Зивие он покрывает полностью всю лицевую часть сосуда.

3) У первого из них сплошное золочение лишь нижней части сосуда, а у блюда из Зивие позолочены лишь элементы орнамента (розетка, фигурки животных и птиц и пр.).

Рис. 8. Бронзовая пиксида из Метрополитен Музея, лицевая сторона (по: Muscarella 1988, 381, №500).

Рис. 8. Bronze Pix from Metropolitan Muzeum, front side (after: Muscarella 1988, 381, №500).

4) Декорация золотом данных сосудов выполнена в разной технике: у караванского блюда это плакирование, у блюда из Зивие – аппликация отдельных фигурок орнамента.

К этому еще можно добавить разительное отличие данных сосудов по форме. Караванское блюдо, хотя и низкий приземистый сосуд, но всё же ёмкость. Блюдо из Зивие, практически не имеет бортика и потому его неслучайно на первых порах в научной литературе называли серебряным „диском”. Да, и ручка, первоначально находившаяся на караванском сосуде, на сосуде из Зивие отсутствует.

Все сказанное выше, как нам представляется, говорит в пользу того, что блюдо из Зивие для караванского сосуда не является удачным аналогом.

Намного более показательный в качестве аналога караванскому блюду бронзовый сосуд – пиксида, хранящаяся в собрании Метрополитен Музея в Нью-Йорке [Muscarella 1988, 380-381, №500]. Она круглая в плане, с прямы-

ми стенками и слегка выпуклой крышкой, на которой нанесён орнамент в технике чеканки, во многом аналогичный тому, что мы видим на караванском блюде (рис. 8). Собственно говоря, на крышке пиксиды есть все элементы декора, представленные на сосуде из Второго Караванского кургана.

Всё поле крышки разделено на 4 окружности различного диаметра. В центре орнамента изображена 16-ти лепестковая розетка, расположенная внутри квадрата. На самом широком фризе представлены цветы лотоса. И, наконец на фризе, почти у края, изображены равнобедренные треугольники, заштрихованные сеточкой, абсолютно такие же, как и на караванском блюде. Эта деталь, не известная нам более на иной металлической переднеазиатской посуде особенно важна и, конечно, сближает хронологически оба эти артефакта, позволяя с большим основанием предполагать их изготовление в пределах одного переднеазиатского ареала. Для полного сходства не хва-

тает лишь плакирования орнамента крышки пиксиды золотом.

Оскар Мускарелла считает эту пиксиду иранским, пред-ахеменидским или ассирийским изделием, относя к VII-VI вв. до н.э. [Muscarella 1988, 381].

Итак, резюмируем сказанное.

Бронзовое с позолотой блюдо из Второго Караванского кургана, учитывая приведённые нашими предшественниками и нами аналогии, скорее всего, является ассирийским изделием, хотя сбрасывать со счёта его иранское, пред-ахеменидское происхождение тоже не следует.

В свете приведённой аналогии для караванского блюда – бронзовой пиксиды с вполне подобным орнаментом (особенно важным является декор в виде заштрихованных сеткой треугольников на обоих сосудах), мы бы не стали датировать караванское блюдо лишь *последней третью VIII – началом VII вв. до н.э.* [Kisel' 2003, 72], а распространили дату на *весь VII в. до н.э.*

Таким образом, данное импортное блю-

до, само по себе, не может быть чётким хронологическим репером для определения времени Второго Караванского кургана, а лишь составляет некий восточный флёр данному комплексу, подтверждая свидетельства нарративных источников о переднеазиатских акциях скифов-номадов. Трактовать эту находку в качестве трофея представляется наиболее объективным.

Сама же дата раннескифского воинского погребения во Втором Караванском кургане устанавливается по иным предметам инвентаря, свойственного скифской культуре, обнаруженным в процессе полного исследования данного погребального памятника, осуществлённого в 2013 и 2021 гг. одним из авторов настоящей статьи – В.Н. Окатенко. Речь идёт о бронзовых наконечниках стрел, медных заклёпках от горита или колчана, железных наконечнике копья и трёхпетельчатом псалии «келермесского типа», золотых бляшках с пуансонным орнаментом и, наконец, светлоглиняной милетской амфоре, вполне соответствующих самому *концу VII – началу VI вв. до н.э.*

Библиография

- Alekseev 2003:** A.Iu. Alekseev, Khronografiia Evropeiskoi Skifi VII-IV vekov do n.e. (Sankt-Petersburg 2003) // А.Ю. Алексеев, Хронография Европейской Скифии VII-IV веков до н.э. (Санкт-Петербург 2003).
- Alekseev 2012:** A.Iu. Alekseev, Zoloto skifskikh tsarei v sobranii Ermitazha (Sankt-Petersburg 2012) // А.Ю. Алексеев, Золото скифских царей в собрании Эрмитажа (Санкт-Петербург 2012.).
- Bandurovskii, Buinov 2000:** A.V. Bandurovskii, Iu.N. Buinov, Kurgany skifskogo vremeni. Severskodonetskii variant (Kiev 2000) // А.В. Бандуровский, Ю.Н. Буйнов, Курганы скифского времени. Северскодонецкий вариант (Киев 2000).
- Bandurovskii, Buinov, Degtiar' 1998:** A.V. Bandurovskii, Iu.V. Buinov, A.K. Degtiar', Novye issledovaniia kurganov skifskogo vremeni v okrestnostiakh g. Liubotina. In: (ed. Iu.V. Buinov) Liubotinskoe gorodishche (Khar'kov 1998), 143-182 // А.В. Бандуровский, Ю.В. Буйнов, А.К. Дегтярь, Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г. Люботина. В: (ред. Ю.В. Буйнов) Люботинское городище (Харьков 1998), 143-182.
- Bandurovskii, Chernenko 1999:** A.V. Bandurovskii, E.V. Chernenko, Akhemenidskie veshchi iz Liubotinskogo kurgana. In: (red. P.P. Tolochko) Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (k 100-letiiu B.N. Grakova) (Zaporozh'e 1999), 27-30 // А.В. Бандуровский, Е.В. Черненко, Ахеменидские вещи из Люботинского кургана. В: (ред. П.П. Толочко) Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова) (Запорожье 1999), 27-30.
- Batchaev 1985:** V.M. Batchaev, Drevnosti predskifskogo i skifskogo periodov. In: (red. M.P. Abramova, V.I. Kozenkova) Arkheologicheskie issledovaniia na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972-1979 gg., T.2. (Nal'chik 1985), 7-115 // В.М. Батчаев, Древности предскифского и скифского периодов. В: (ред. М.П. Абрамова, В.И. Козенкова) Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг., Т.2. (Нальчик 1985), 7-115.
- Buinov 1993-1994:** Iu.V. Buinov, Otchet o raskopkakh kurganov v okrestnostiakh goroda Liubotina Char'kovskoi oblasti za 1993-1994 gg., Naukovyi arkhiv Institutu arkheologii NAN Ukraïni, 1993-1994/130 // Ю.В. Буйнов, Отчёт о раскопках курганов в окрестностях города Люботина Харьковской области за 1993-1994 гг., Науковий архів Інституту археології НАН України, 1993-1994/130.

- Chernenko, Bandurovskii 1998:** E.V. Chernenko, A.V. Bandurovskii, Liubotinskii kurgan. Arkheologichni vidkrittia v Ukraïni 1997-1998 (Київ 1998), 153-154 // Е.В. Черненко, А.В. Бандуровский, Люботинский курган. Археологічні відкриття в Україні 1997-1998 рр. (Київ 1998), 153-155.
- Galanina 1997:** L.K. Galanina, Kelermesskie kurgany. «Tsarskie» pogrebeniia ranneskifskoi epokhi (Moskva 1997) // Л.К. Галанина, Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи (Москва 1997).
- Ghirsman 1961:** R. Ghirsman, "7000 ans d'art en Iran" (Paris 1961).
- Ghirsman 1964:** R. Ghirsman, Iran, Protoiranien, Meder, Achämeniden (München 1964).
- Grechko 2010:** D.S. Grechko, Naseleennia skifs'kogo chasu na Sivers'komu Dintsi (Київ 2010) // Д.С. Гречко, Населення скифського часу на Сіверському Дінці (Київ 2010).
- Hrouda 1965:** B. Hrouda, Die Kulturgeschichte der assyrischen Flachbilder (Bonn 1965).
- Kantor 1945:** Helen J. Kantor, Plant Ornament: Its Origin and Development in the the Ancient Near East. A Dissertation Submitted to the Faculty of the Division of the Humanities in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy, Department of Oriental Languages and Literatures University of Chicago (Chicago 1945).
- Kisel' 2003:** V.A. Kisel', Shedevry iuvelirov Drevnego Vostoka iz skifskikh kurganov (Sankt-Petersburg 2003) // В.А. Кисель, Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов (Санкт-Петербург 2003).
- Liubotinskoe gorodishche 1998** (ed. Iu.V. Buinov) (Khar'kov 1998) // Люботинское городище 1998 (ред. Ю.В. Буйнов) (Харьков 1998).
- Muscarella 1988:** O.W. Muscarella, Bronze and Iron Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art (New York 1988).
- Okatenko 2014:** V.M. Okatenko, Dodatkovі doslidzhennia kurganiv Karavans'koї grupi Liubotinskogo mogilnika. In: (ed. D.N. Kozak). Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni 2013 (Київ 2014), 255 // В.М. Окатенко Додаткові дослідження курганів Караванської групи Люботинського могильника. В: (ред. Д.Н. Козак). Археологічні дослідження в Україні 2013 (Київ 2014), 255.
- Okatenko 2014a:** V.N. Okatenko, Otchet o doissledovanii Karavanskoi gruppy kurganov (№ 1-2) na territorii Liubotinskogo gorodskogo soveta Har'kovskoi oblasti v 2013 godu. Nauchnyi arkhiv IA NANU № 2014/167 // В.Н. Окатенко, Отчёт о доисследовании Караванской группы курганов (№1-2) на территории Люботинского городского совета Харьковской области в 2013 году. Научный архив ИА НАНУ № 2014/167.
- Piotrovskii 1970:** B.B. Piotrovskii, Karmir-Blur (Leningrad 1970) // Б.Б. Пиотровский, Кармир-Блур (Ленинград 1970).

Виталий Окатенко, научный сотрудник, начальник Слобожанской экспедиции ДП «НИЦ «Охранная археологическая служба Украины» Института археологии НАН Украины. Харьков, Украина, e-mail: okatenkovitalij@gmail.com

Сергей Скорый, доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом археологии раннего железного века Института археологии НАН Украины, проспект Героев Сталинграда №9-А, кв.112, Киев, 04210, Украина, e-mail: idanfirs@ukr.net

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVII _ nr. 1

Revistă indexată în bazele de date
SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2021

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Responsabil de volum/responsible for volume: dr. **Ghenadie Sîrbu**

Secretar de redacție/editorial secretary: **Livia Sîrbu**

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Ștefan cel Mare si Sfânt bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul double blind peer-review
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели double blind peer-review
All the papers to be published will be reviewed by experts according the double blind peer-review model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Виталий Окатенко (<i>Харьков</i>), Сергей Скорый (<i>Киев</i>). Бронзовое блюдо с позолотой из Второго Караванского кургана раннескифской поры (Украинская Левобережная Лесостепь)	5
Татьяна Кузнецова (<i>Москва</i>). Античные традиции в генезисе зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка	17
Natalia Mateevici (<i>Chişinău</i>), Mihaela Iacob (<i>Bucureşti</i>), Dorel Paraschiv (<i>Tulcea</i>). Colecţia de ştampile de amfore greceşti din câteva situri getice din nord-estul Dobrogei	34
Nikolai Jefremow (<i>Greifswald</i>), Andrei Kolesnikov (<i>Moskau</i>), Elena Bolonkina (<i>Krim</i>). Neue Namen in den Keramikstempeln von Knidos in der Sammlung des Historisch-archäologischen Museums in Kerč (Krim)	41

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Сергей Рыжов , Валентина Шумова , Александр Дяченко (<i>Киев</i>). Исследования на поселении западнотрипольской культуры Колодистое II	46
Александр Могилов (<i>Киев</i>), Юрий Ляшко (<i>Каменка</i>), Сергей Руденко (<i>Чигирин</i>). Скифское всадническое погребение в бассейне р. Тясмин	59
Сергей Агульников , Виталий Железный (<i>Кишинев</i>). Могильник ногайской культуры у с. Казаклия	81
Vasile Paul Scrobotă (<i>Aiud</i>), Elena Gherman (<i>Iaşi</i>). Cercetări de supraveghere arheologică la obiectivul colegiul „Bethlen Gabor” din municipiul Aiud, jud. Alba. Campania 2012	99

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Mariana Gugeanu , Maria Geba (<i>Iaşi</i>). Investigaţii non-invazive aplicate textilelor arheologice de la Mănăstirea Căpriană	113
--	-----

RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Stanislav Țerna , Mariana Vasilache , <i>Figurinele antropomorfe din etapa Cucuteni A din interfluviul pruto-nistean: (în baza colecţiilor Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei)</i> Biblioteca Tyragetia, 31. Chişinău 2019, 264 pagini şi 63 planşe. ISBN 978-9975-87-562-2 (Илья Палагута, <i>Санкт-Петербург</i>)	120
---	-----

IN HONOREM

К юбилею археолога Анатолия Федоровича Гуцала (Александр Могилов, Виталий Гуцал, <i>Киев</i>)	125
--	-----

Doctorul habilitat EUGEN SAVA la 65 ani (Mariana Sîrbu, <i>Chişinău</i>)	128
---	-----

IN MEMORIAM

In memoriam colegului şi prietenului Oleg Leviţki (Alexandru Furtună, <i>Chişinău</i>)	133
---	-----

In memoriam Olga Larina (15.11.1952 – 01.2021) (Sergiu Bodean, <i>Chişinău</i>)	134
--	-----

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION	137
---	-----

INFORMAȚII ŞI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE	138
--	-----

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE	139
--	-----

Татьяна Кузнецова

Античные традиции в генезисе зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка

Keywords: forest-steppe, mirrors, feline predator, lion, ram, Greeks, Scythians.

Cuvinte cheie: silvostepă, oglinzi, prădător felin, leu, berbec, grecii, sciții.

Ключевые слова: лесостепь, зеркала, кошачий хищник, лев, овен, греки, скифы.

Tat'iana Kuznetsova

Classic traditions in the genesis of the mirror from barrow № 447 at Zhurovka/Zhuravka village

The article discusses controversial issue regarding the origin of the mirror from barrow No. 447 at Zhurovka/Zhuravka village, which is associated either with the Scythians or with the Greeks. It belongs to the group of mirrors with combined handles, which are made of iron and bronze. The top and end of the handle are bronze onlays. The top is a nozzle with the image of a figurine of a lying deer, the end is a figurine of a lying animal. The trunk is straight, without ornament, made of iron. The mirror disk is round, flat. The method of mounting the disc and handle is rivets.

New finds and further studies have confirmed the hypothesis of the influence of the classic tradition on its origin. It was possible to identify a very close image and a possible prototype for the figurine at the end of the mirror handle from barrow No. 447 near the village. Zhurovka/Zhuravka, which connects this specimen with the activities of Greek masters.

Tat'iana Kuznetsova

Tradiții antice în geneza oglinzii din tumulul nr. 447 din localitatea Zhurovka/Zhuravka

Articolul pune în discuție o problemă controversată cu privire la originea oglinzii din tumulul nr. 447 de lângă satul Zhurovka/Zhuravka, care este atribuită fie sciților, fie grecilor. Oglinda aparține grupului cu mânere combinate, care sunt realizate din fier și bronz. Partea superioară și capătul mânerului sunt acoperite cu bronz. Partea de sus reprezintă o duză cu imaginea unui cerb în poziție șezândă. Trunchiul este drept, fără ornament, lucrat din fier. Discul oglinzii este rotund și plat. Atât discul, cât și mânerul sunt montate prin nituire.

Noile descoperiri și studiile ulterioare au confirmat ipoteza influenței tradiției clasice asupra originii sale. A fost posibilă să se identifice o imagine foarte apropiată și un posibil prototip pentru figurina de la capătul mânerului oglinzii de la căruța nr. 447 lângă localitatea Zhurovka/Zhuravka, care leagă acestă piesă de activitățile măștrilor greci.

Татьяна Кузнецова

Античные традиции в генезисе зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка

В статье рассматриваются спорные вопросы по поводу происхождения зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка, которое связывают либо со скифами, либо с греками. Оно относится к группе зеркал с комбинированными ручками, которые изготовлены из железа и бронзы. Верх и конец ручки представлены бронзовыми насадками. Верх – насадка с изображением фигурки лежащего оленя, конец – фигурка лежащего животного. Ствол – прямой, без орнамента, изготовлен из железа. Диск зеркала круглый, плоский. Способ крепления диска и ручки – заклепки.

Новые находки и дальнейшие исследования подтвердили предположение о влиянии античной традиции на его происхождение. Удалось выявить очень близкое изображение и возможный прототип для фигурки на конце ручки зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка, которое связывает этот экземпляр с деятельностью греческих мастеров.

Вопросы о происхождении, месте производства и путях распространения археологических вещей являются предметом постоянных научных споров.

Одним из таких объектов в последнее время стала находка зеркала из кургана № 447, раскопанного А.А. Бобринским у с. Журовка/Журавка (Черкасская область, Шполянский район, Украина) на территории Правобережной Лесостепи, в бассейне р. Тясмин (рис. 1; 2; 4).

Зеркало было обнаружено в кургане, который к моменту раскопок имел высоту – 2,5 м. В нем была вскрыта могильная яма, имевшая дромос с южной стороны. Яма была ориентирована в направлении С-Ю и размеры ее составляли 4,45×4,15×2 м.

В яме находился склеп с тремя столбами: один посередине, два по бокам коридора. Вдоль стен – канавки, в которые были вкопаны нижние концы брусев, поставленных частоколом.

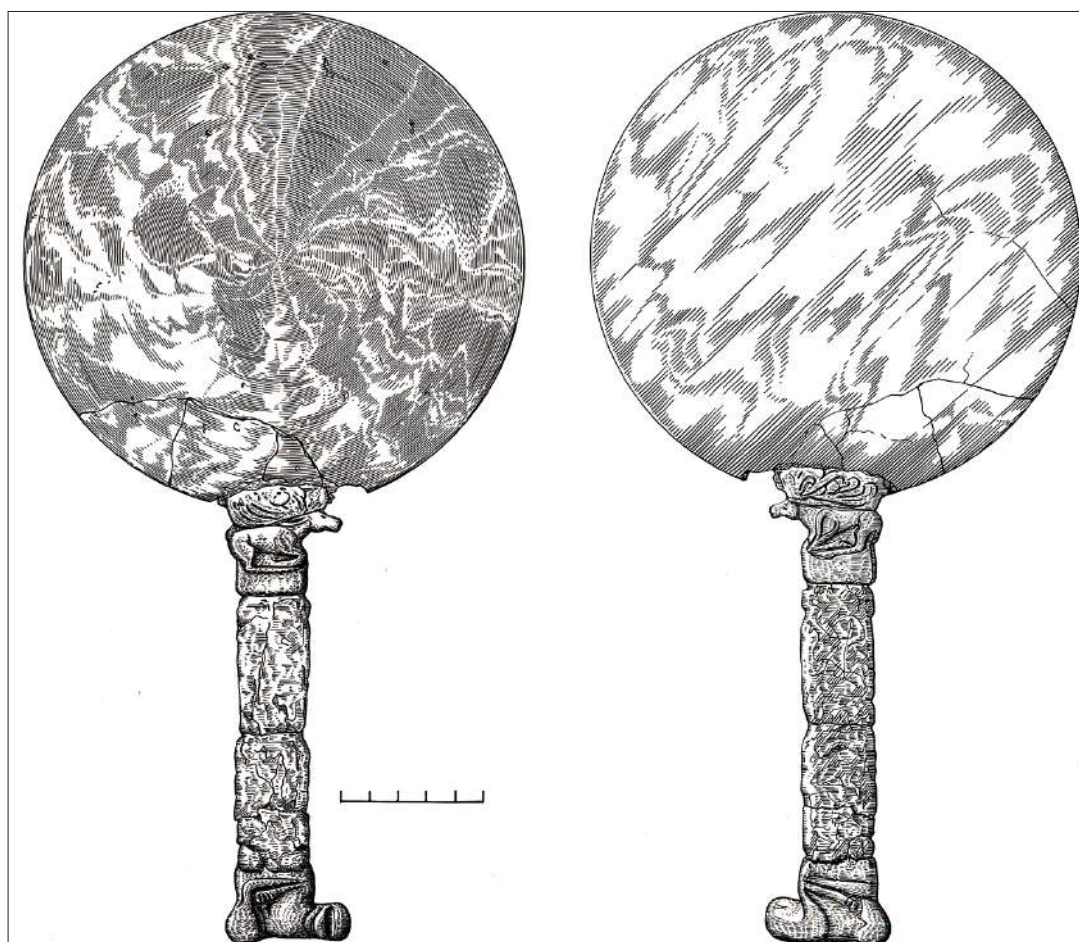

Рис. 1. Зеркало из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка (по: Kuznetsova 2010, 190-191, tabl. 123-123/a, № 197).

Fig. 1. Mirror from barrow No. 447 near the village Zhurovka/Zhuravka (after: Kuznetsova 2010, 190-191, table 123-123/a, № 197).

Как отметил А.А. Бобринский, бревенчатый потолок гробницы был оштукатурен. По краям потолка (у стенок) проведен желобок и узорчатый карниз. Такой вывод исследователь сделал на основании обломков штукатурки, оказавшихся в глиняном сосуде и, очевидно, упавших сверху.

В нарушенной могиле были найдены останки женщины и ребенка [Bobrinskii 1905, 92-94].

В.А. Ильинская, рассматривавшая материал памятника позднее, предположила, что в этой могиле могло находиться и захоронение мужчины, так как в ней найдены части двух уздечек: двое железных удил, три костяные кубические пряжки-пронизи, три костяные подвески из зубов животных, а также костяная палочка-застежка, обычно служившая для застегивания колчана [Ильинская 1975, 26].

Е.Е. Фиалко связывает это захоронение с могилой «амазонки», учитывая наличие 11

стрел с бронзовыми наконечниками и травму, располагавшуюся над правой бровью женского черепа, поскольку след от ранения в результате сильного режущего или колющего удара был зафиксирован А.А. Бобринским [Fialko 2015, 149-150; Bobrinskii 1905, 92, 94].

Основное количество находок в могиле составляли предметы женского инвентаря. К их числу относятся: две золотые гвоздевидные сережки, две серебряные гвоздевидные булавки, тринадцать дутых золотых бус с рубчиками, около 50 маленьких полусферических золотых нашивок и около 50 маленьких золотых пластинок в виде треугольников и «двойных полусфер», шесть мелких золотых бусин, около 30 больших и малых бусин из янтаря, горного хрусталя, кости, сердолика и пасты; каменное (из песчаника) овальное блюдо с выступом, кусочки серы; большое бронзовое

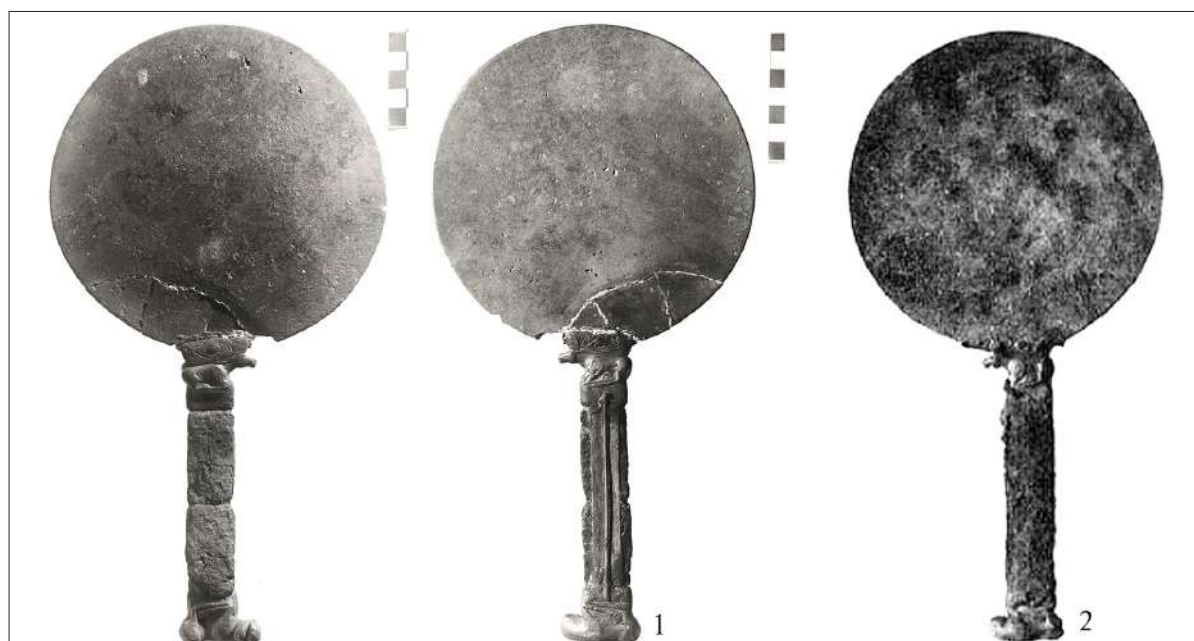

Рис. 2. Зеркало из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка: 1 – (фото Гос. Эрмитажа: ОАВЕС, инв. № Дн 1903 3/1); 2 – (по: Bobrinski 1905, 93, ris. 27).

Fig. 2. Mirror from barrow No. 447 near the village Zhurovka/Zhuravka: 1 – (photo of the State Hermitage, OABEC: Дн 1903 3/1); 2 – (after: Bobrinski 1905, 93, fig. 27).

зеркало, пластинчатая железная ручка которого, как писала В.А. Ильинская, украшена у верхнего и нижнего конца бронзовыми накладками¹ в виде фигурок оленя и хищника кошачьей породы [Ильинская 1975, 26]. Кроме того, в погребении была найдена ионийская расписная тарелочка VI в. до н. э. [Онаiko 1966, 60, № 134]. Из сосудов местной работы в погребении оказались большая лощеная корчага, глубокий грушевидный черпак с высокой ручкой, а также кости коровы и обломок железного ножа с костяной рукоятью [Bobrinski 1905, 92-94; Ильинская 1975, 26, 154].

В.А. Ильинская отметила, что зеркало с боковой ручкой, происходящее из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка, является либо античной вещью, либо предметом, сделанным под влиянием образцов, изготовленных в греческих колониях. «Это зеркало имеет железную ручку, украшенную бронзовыми фигурками оленя на месте соединения с диском и

пантеры, фигурка которой образует петельку на внешнем конце»² [Ильинская 1975, 154].

Ранее исследователь прямо писала о находке в кургане № 447 у с. Журовка/Журавка «ольвийского зеркала» [Ильинская 1968, 67]. В.А. Ильинская предполагала также, что возможным прототипом для этого зеркала послужили зеркала с каннелированной ручкой [Ильинская 1975, 154]. Последние в литературе получили название не только «ольвийских», но и «скифских» зеркал (рис. 3), что и определяет направление полемики по рассматриваемому вопросу.

В первую очередь это касается проблем, связанных с происхождением, временем появления и распространения в Северопонтийском регионе зеркал с боковой ручкой. Такие зеркала, по мнению С.Я. Ольговского, для скифов не были новинкой, поскольку стали известны восточным кочевникам задолго до начала их миграции в Северное Причерноморье, исходя из того, что в Средней Азии зеркала с боковой ручкой были известны еще в конце II тыс. до н.э. Говоря о возможности появления зеркал с боковыми ручками непосредствен-

1. Фигурки не были накладными. Ствол ручки, по всей видимости, вставлялся в полости, расположенные в бронзовых прямоугольных подставках, на которых располагались животные. Диск зеркала входил в «паз», который шел вдоль туловища фигурки оленя на глубину изображения его рогов (возможно не доходил до его крупа, спины и головы).

2. Петельку на внешнем конце я не нашла (см.: рис.1; 2; 4,3,4).

Рис. 3. Зеркала-патеры: 1 – станица Крим-Гиреевская (фото Рябковой Т.В.: Гос. Эрмитаж, ОАВЕС, инв. № 2531-1), 2 – Хмельницкая область, Городокский район (по: Klochko, Kozymenko 2017, 264, ill. 3).

Fig. 3. Mirrors-paters: 1 – village Crimea-Gireevskaya (photo by Ryabkova T. V.: State Hermitage, OABEC, № 2531-1); 2 – Khmel'nitsky region, Gorodok district (after: Klochko, Kozymenko 2017, 264, ill. 3).

но у скифов Северного Причерноморья, исследователь отметил, что «находки зеркал с центральной ручкой с невысоким бортиком по краю, которые считаются более ранними по сравнению с зеркалами с боковой ручкой, и чье восточное происхождение не вызывает возражений, убедительно свидетельствуют о существовании у скифов обычая пользоваться зеркалами до установления контактов с греческими колонистами» [Ol'govskii 2017, 215]. Последнее вполне возможно, иначе скифы могли и не принять греческую форму зеркал с боковой ручкой.

С.Я. Ольговский полагает, что на базе опыта знакомства со среднеазиатскими зеркалами, скифами в Северном Причерноморье и была изобретена та форма зеркала, которую, в основном, называют «ольвийскими зеркалами» [Ol'govskii 2017, 215]. Однако скифы таковыми почему-то не пользовались, так как в комплексах на территории Скифии они обнаружены сейчас всего трижды, причем в парных лесостепных памятниках [Kuznetsova 2002, 208-209; Shramko, Zadnikov 2018, 9].

Правда зеркала с боковыми ручками «среднеазиатских типов», как и подражания им, в Северном Причерноморье и на Кавказе пока не встречены. На этих территориях прослежены лишь «скифские» и греческие формы зеркал. «Скифские» (односоставные) зеркала представляют собой диск с бортиком и центральной ручкой-петелькой. В памятниках данных регионов также нашли отражение все изменения в форме и конструкции античных образцов (Bilimovich 1976). Поскольку скифы были, видимо, только носителями традиции использования «восточных» зеркал с бортиком и центральной ручкой-петелькой и не смогли передать навык изготовления таких изделий северо-причерноморским мастерам бронзолитейного дела, обычай их использования в этом регионе к V в. до н.э. угас. В греческие колонии Северопонтийского региона зеркала поступали с VI в. до н.э. из различных центров Средиземноморья. Контакты колонистов с местным населением, среди которого, видимо, были и «металлурги», дало толчок к появлению на этой территории со второй четверти VI в. до н.э. не только характерных для Греции

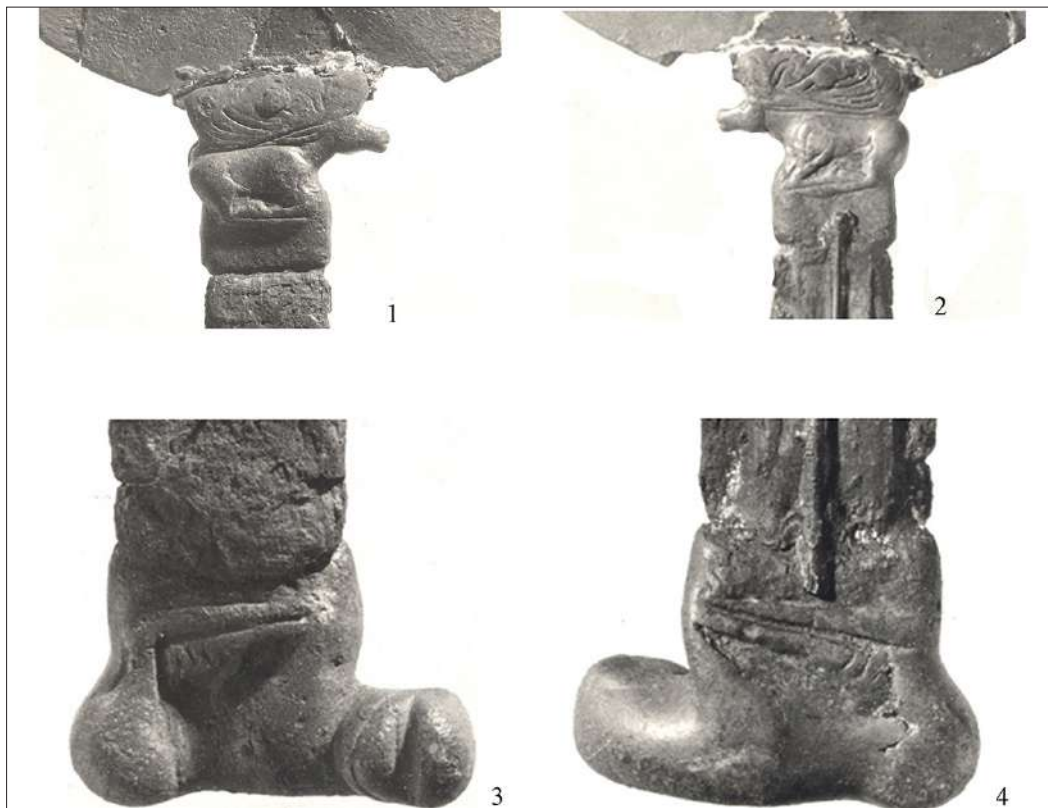

Рис. 4. Увеличенные детали ручки зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка: 1-2 – верх; 3-4 – конец.

Fig. 4. Enlarged details of the handle of the mirror from barrow No. 447 near the village Zhurovka/Zhuravka: 1-2 – top; 3-4 – end.

зеркал, но и подражаний античным образцам [Kuznetsova 2018a, 64-65], которыми пользовались и скифы.

Поэтому критика С.Я. Ольговского по поводу возможной связи зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка с работой, восходящей к греческой традиции, выглядит совершенно необоснованной, так как она базируется на постулате о том, что концы ручки зеркала украшены «двумя бронзовыми пластинками с изображением на одной лежащего оленя, а на второй – кошачьего хищника» и присутствии у них элементов звериного стиля, а «оригинальность изображений животных, особенно кошачьего хищника на нижней пластинке³, не находит себе аналогий среди античных древностей». При этом исследователь утверждает безо всякой аргументации, что «более закономерным было бы предположение, что скифские мастера, знакомые с зеркалами с боковой ручкой еще до общения

с колонистами, являвшиеся авторами зеркал с фигурками животных, в тех случаях, когда им приходилось ремонтировать греческие зеркала, добавляли в их декор элементы звериного стиля» [Ol'govskii 2017, 216]. Однако помимо элементов, связываемых С.Я. Ольговским со скифским звериным стилем, на указанных формах присутствуют и мотивы далекие от скифского творчества.

Для рассматриваемого зеркала (рис. 1; 2) уже было дано описание, но поскольку оно стало предметом дискуссии, его следует воспроизвести полностью⁴: «Представлено экземпляром из лесостепи: с. Журовка (к. 447). Памятник по комплексу сопроводительного

3. На ручке зеркала нет пластинок, а присутствуют только скульптурные изображения.

4. В общей классификации зеркал Скифии [Kuznetsova 2002; Kuznetsova 2010] оно относится к 5 группе (с комбинированными ручками), II подгруппе (ручки изготовлены из железа и бронзы), I типу [верх и конец ручки - бронзовые насадки, ствол - прямой (железо)], 1 варианту (верх ручки - насадка с гравированным изображением фигурки лежащего оленя, ствол - без орнамента, конец - фигурка лежащего животного). Поперечное сечение - прямоугольник. Диск круглый, плоский. Способ крепления диска и ручки - заклепки. Диск без бортика (II вид).

Рис. 5. Ручка зеркала из Белгородской области (по: Oborin 2019, ris. 1).

Fig. 5. Handle of a mirror from the Belgorod region (after: Oborin 2019, fig. 1).

инвентаря в могиле датирован VI в. до н.э. [Petrenko 1978, 11]. Однако для этого памятника выделена и более узкая дата – вторая половина VI в. до н.э. [П'инська 1968, 68]. Последняя

дата основывается на находке рассматриваемого зеркала, которое было определено как продукция ольвийских мастерских [Onaiko 1966, 65; П'инська 1973, 4].

Трехчастное деление ручки, действительно, подтверждает влияние греческой традиции. Об этом же свидетельствует, по мнению исследователей, и наличие круглого, плоского диска, без бортика, так как подобные признаки отмечены для архаических греческих зеркал, датирующихся второй половиной VI в. до н.э. Соединение диска и ручки заклепками также отмечено для этого времени в материалах Ольвийского некрополя, где указанная дата подтверждается комплексом античных материалов [Bilimovich 1976, 42].

Но в работах по исследованию греческих зеркал пока нет данных о наличии у них железных ручек, что ставит под сомнение вопрос о безусловно греческом происхождении рассматриваемого экземпляра.

На конце ручки изображена фигурка животного с повернутой назад головой и открытой пастью. Последнее предполагает видеть в изображении черты хищника, но моделировка ног этой же фигурки свидетельствует о том, что первоначально она имела вид копытного животного (рис. 4,4).

Причины, заставившие мастера переработать готовое изображение, выявить трудно. Нельзя объяснить это неумелой работой, так как наряду с уродливым изображением на конце ручки, верх ее украшен хорошо исполненным реалистичным изображением оленя, отдельные детали которого (ноги, ухо, копыта) были доработаны гравировкой.

Трудно сказать сейчас, является ли это зеркало репликой на античный образец, изготовленной мастером из среды лесостепного населения, или рассматриваемый экземпляр представляет собой результат замены утраченной ручки на железную с использованием уже имевшихся бронзовых частей зеркала (диск, фигурки).

Наиболее вероятным представляется последнее, поскольку до появления в Северном Причерноморье греческого населения этот регион не имел собственной традиции производства зеркал.

Цветная металлообработка на лесостепных поселениях известна для рассматриваемого периода, но в данном регионе это ремесло, несмотря на существование бронзолитейного дела еще с эпохи бронзы, не связано с послед-

ним генетически, а представляет собой новый этап металлообрабатывающего производства [Bartseva 1981, 89].

Для греческих зеркал VI в. до н.э. не отмечено наличие железных ручек, а для лесостепного региона выявлен достаточно высокий уровень железоделательного производства [Shramko 1970], поэтому можно предполагать, что железный ствол ручки у рассматриваемого зеркала был изготовлен в лесостепи и заменил поврежденный.

Во второй трети VI в. до н.э. в лесостепной зоне Северного Причерноморья появляются сложносоставные зеркала с комбинированными ручками. Все они близки греческим образцам, на что указывает трехчастное деление ручки [Oberländer 1967, 8-205], которое определяется исследователями как греческое изобретение для зеркал с боковыми ручками» [Kuznetsova 2010, 181, 186, 241].

Поскольку этому описанию г-ном В.Ю. Зуевым было противопоставлено другое, которое он, пересказывая и искажая мой текст, на верное, связывает с критикой, его также стоит привести целиком, чтобы сравнение было объективным: «Несмотря на всю разность деталей зеркала, оно, несомненно, передаёт идею художественного образа предмета, очень близкую программам зеркал борисфенитского типа⁵...». Особое мнение относительно этого зеркала высказано Т.М. Кузнецовой [Kuznetsova 2010, 185-186, tabl. 123, 123a, 155a]. Она неверно передаёт точку зрения В.М. Скудновой, Н.А. Онайко и В.А. Ильинской, которые, по её мнению, якобы считали Ольвию местом производства данного зеркала. Но это не так.

Т.М. Кузнецова полагает, что изначально всё зеркало было из бронзы, но затем, в процессе использования, утратило часть рукояти, которую починил скифский мастер, заменив утрату каннелированной части рукояти железной вставкой. Как объяснить технически такую процедуру «вплавления» кованного железа в бронзовые детали рукояти зеркала Т.М. Кузнецова не объясняет и даже не задаётся этим вопросом. Между тем, определённо, бронзовые фигурки на концах рукояти насажены на железную основу (возможно, с этим

5. Так г-ном В.Ю. Зуевым называются «зеркала ольвийского типа».

Рис. 6. Сравнение фигурок хищников на ручках из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка (1-2) и Белгородской области (3-4).

Fig. 6. Comparison of the figures of predators on the handles from the barrow No. 447 Zhurovka/Zhuravka near (1-2) and Belgorod region (3-4).

и связаны технические дефекты на бронзовых фигурках, отмеченные выше). В издании Т.М. Кузнецовой рисованные иллюстрации, в случае с зеркалом из журовского кургана, далеки от оригинала (рис. 1)⁶. Сравнивая эти рисунки с фотографиями графа А.А. Бобринского (рис. 2,2), легко убедиться, что в издании 2010 г. неверно передана форма диска – овальная в оригинале и идеально вычерченная циркулем как круг на рисунке.

Абсолютно фантастична трактовка Т.М. Кузнецовой нижней фигурки. Она видит в ней монстра: полухищникаполукопытного, прорисовывая для этого копыто на конце ноги под брюхом животного. Его ноги сложены, по мнению исследовательницы, в жертвенной позе, поджатыми под тело. Голова этого монстра, по мнению Т.М. Кузнецовой, была резко запрокинута назад и в бок и технический дефект на фигурке она трактует как широко раскрытую пасть хищника. Массивная

рукоять зеркала на рисунке Т.М. Кузнецовой скреплена с диском лишь одной заклёпкой. Столь же тенденциозна Т.М. Кузнецова и в вопросе датировки зеркала из кургана 447 у с. Журовка. Она пишет, что для него предложена как широкая дата – VI в. до н.э. [Petrenko 1978, 11], так и более узкая – конец VI в. до н.э. [П'инскаиа 1968, 68]. Но сама исследовательница склонна датировать это зеркало интервалом в пределах конца VI – первой половины V в. до н.э. [Kuznetsova 2010, 253]. На хронологической табл. 155a⁷ зеркало из Журовки вообще отнесено к V в. до н.э.). Это объясняет, по мнению Кузнецовой, позднюю, скифскую реставрацию греческого зеркала, поскольку «эти греческие предметы связаны со скифами только тем, что их распространение прекращается во второй половине VI в. до н.э. в связи с освоением “свирепыми кочевниками” Северопонтийского региона»⁸ [Kuznetsova 2010, 8].

7. На этой таблице действительно произошло смещение рисунков по техническим причинам (делалась автором в Worde), но в тексте указано время (вторая треть VI в. до н.э.), которым датируется это зеркало [Kuznetsova 2010, 241].

8. Этот текст, цитируемый г-ном В.Ю. Зуевым, относится к другим предметам.

6. Ссылки на рисунки, представленные г-ном В.Ю. Зуевым, даны по нумерации рисунков в данной статье, чтобы не произошло путаницы.

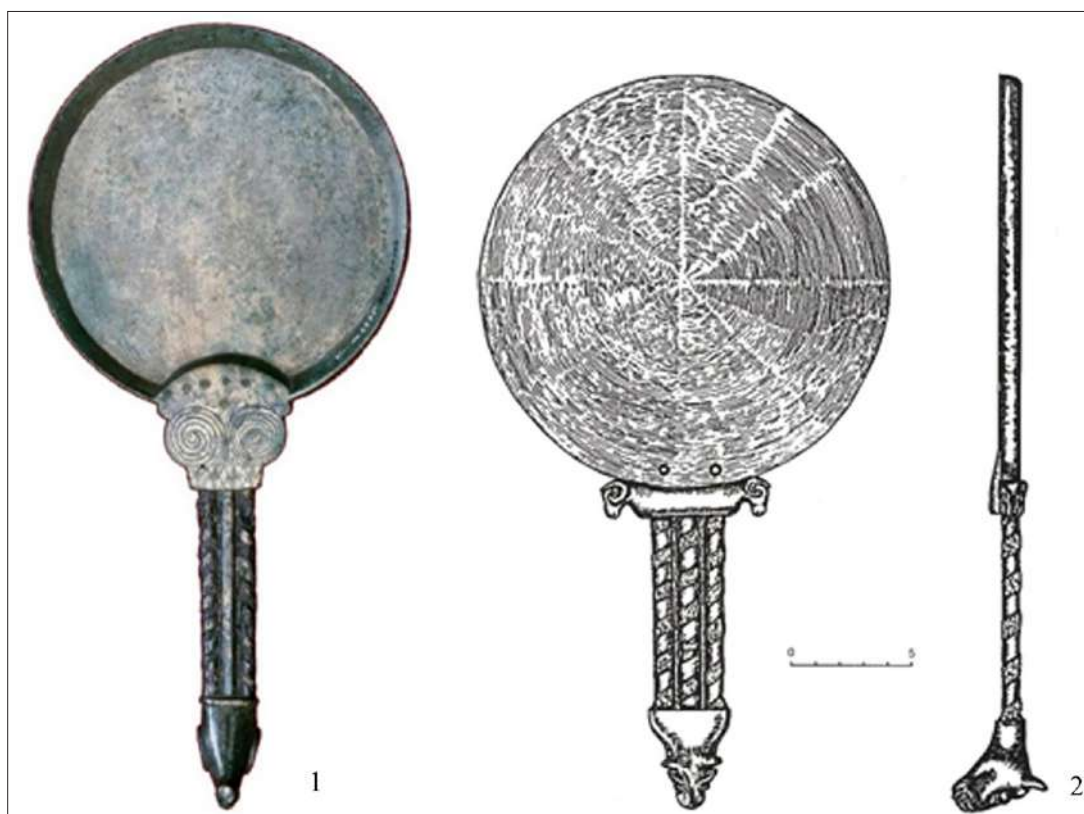

Рис. 7. Зеркала-патеры: 1 - курган II у с. Братышев (по: Bandrivsk'i 2010, ris. 5a); 2 - курган I у с. Шутнивцы/Шутновцы (по: Gutsal, Gutsal 2009, ris. 3; Kuznetsova 2010, tabl. 130).

Fig. 7. Mirrors-paters: 1 – mound II near the village Bratyshev (after: Bandrivsk'i 2010, fig. 5a); 2 – mound I near the village Shutnivtsy/Shutnovtsy (after: Gutsal, Gutsal 2009, fig. 3; Kuznetsova 2010, tabl. 130).

С учётом этого мнения (своеобразие концепции скифской истории Т.М. Кузнецовой хорошо известно⁹), мне представляется принципиально важным рассмотрение датировки зеркала из кургана 447 у с. Журовка. Ведь если это зеркало одновременно борисфенитским образцам, то это хорошо объясняется подражанием греческому импорту из Борисфена. Сошлюсь на мнение В.А. Ильинской [Il'inskaia 1973, 4-5, ris. 1, 7], которая детально разобрала состав комплекса находок из кургана 447. На основании широкого круга аналогий перечисленным находкам В.А. Ильинская пришла к выводу о том, что «...это погребение следует отнести ко второй половине VI в. до н.э. – вероятнее, к его концу» [Zuev 2018, 240-241].

9. «Своеобразие» концепции скифской истории Т.М. Кузнецовой заключается в том, что я восстанавливаю и доказываю хронологию наших предшественников, и В.А. Ильинской в том числе. Но «критик» не знаком с этой проблемой. Сопоставление материала показало, что повышение дат памятников скифской архаики имеет доказательную археологическую базу [Kuznetsova 2018b; Kuznetsova 2019a; Kuznetsova 2019b].

На продемонстрированное г-ном В.Ю. Зуевым нагромождение нелепиц, по поводу якобы моего описания зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка, трудно отвечать, поскольку здесь использован прием, очень хорошо описанный ранее Д.С. Раевским, касающийся штудий, представляемых г-ном В.Ю. Зуевым: «...сказанное свидетельствует, что она [рецензия – Т.К.] представляется мне [Д.С. Раевскому – Т.К.] построенной в значительной степени на искажении (как невольном, так и вполне сознательном) позиций рецензируемых авторов, зачастую содержащей неверные фактически утверждения и к тому же написанной в неоправданно менторском, а порой - и в издевательском тоне. Это – весьма тенденциозная и неоправданно амбициозная работа¹⁰» [Raevskii 1997, 33].

10. Подобная тенденция амбициозной, но не аргументированной оценки работ коллег, к сожалению, получает некоторое распространение в современной литературе (см., к примеру, критику в адрес исследований Е.Е. Филалко: Sinika et al. 2020, 78-86).

Рис. 8. Зеркало-пatera из Краснодарского края.

Fig. 8. Mirror-pater from Krasnodar territory.

При этом абсолютно непонятно почему г-ном В.Ю. Зуевым не было приведено собственного описания зеркала или его рисунка. Чтобы не заниматься беспочвенными спорами по поводу того, что «в издании Т.М. Кузнецовой рисованные иллюстрации, в случае с зеркалом из журавского кургана, далеки от оригинала» [Zuev 2018, 240-241] считаю необходимым показать, и представленные ранее рисунки (рис. 1), и фотографии, сделанные фотографами Государственного Эрмитажа (рис. 2,1) и иллюстрацию (рис. 2,2) из работы А.А. Бобринского [Bobrinskii 1905, 93, ris. 27], чтобы читателю было ясно, что обвинение г-на В.Ю. Зуева в фальсификации, направленное в адрес Т.М. Кузнецовой, голословно и тенденциозно.

Замечанию С.Я. Ольговского по поводу того, что изображение «кошачьего хищника на конце зеркала из кургана № 447 у с. Журав-

ка/Журавка, не находит себе аналогий среди античных древностей» [Ol'govskii 2017, 216], можно противопоставить новую находку.

В 2016 году в Белгородской области была найдена ручка зеркала (рис. 5)¹¹. Фигурка хищника на подобной же ручке могла служить прообразом для фигурки на конце ручки зеркала из кургана № 447 у с. Журавка/Журавка. Издатель предмета отметил, что подлинность этого редкого по красоте артефакта не вызывает сомнений. «Сохранность его очень хорошая. Бронзовая рукоять выполнена методом литья по выплавляемой восковой модели. Ручка не составная, отлита единым массивом. Изображение капители ионического ордера, волюты и штриховка между ними обозначены

11. Фотографии ручки были опубликованы в июне 2016 г. на одном из порталов краеведческо-поисковой направленности. Качественные фото и метрические данные предмета получены Ю.В. Обориным в результате переписки с обладателем артефакта [Oborin 2019, 1].

Рис. 9. Орнаментация на ручках зеркал-патер из Белгородской области и Краснодарского края.

Fig. 9. Ornaments on the handles of mirrors-pater from the Belgorod region and Krasnodar region.

гравировкой по восковой модели. Известно¹², что зеркала этого типа состояли из двух основных частей – диска и ручки. Диск зеркала и элементы крепления (заклепки) отсутствуют. Скульптурные изображения животных выполнены мастерски и с большой реалистичностью. Мелкие детали на фигурках зверей также выполнены гравировкой по восковой модели.

Единственным недостатком (литейным браком) исследуемого изделия является небольшая газовая пористость на поверхности зооморфных фигур» [Oborin 2019, 1-5, ris. 1, 2].

В верхней части рассматриваемой ручки расположена фигурка кабана, лежащего с поджатыми под туловище ногами. Спина животного обрамлена щетиной, на которой расположен полукруглый «щиток» с тремя отверстиями. Под фигуркой находится изображение волют, оформ-

ленных в виде стилизованной ионической капители. Капитель показана с толстой подушкой, концы которой переходят в волюты. Подушка орнаментирована гравированной косой сеткой, обрамленной узкой/тонкой каймой, составленной из параллельных линий, между которыми расположены перпендикулярные им насечки. Такая же кайма обрамляет верх подушки и переходит на волюты. Эхин капители украшен более широкой полосой с двумя косыми крестиками, разделенными прямой линией, ниже которой расположены лепестки или листья растительного орнамента, заходящего и под волюты¹³. Ствол ручки разделен двумя каннелюрами на три части в виде колонок. Две боковые колонки круглые. Расположение следов коррозии на них позволяют предположить, что в орнаментацию каждой

12. Такая ручка найдена впервые.

13. Глубоко признательна Е.А. Савостиной за помощь в работе над описанием античного орнамента.

Рис. 10. Милет. Статер (URL: http://goodhobby.ru/images/items/im_1797_1v2Hze.jpg; http://goodhobby.ru/images/items/im_1797_twyyvhv.jpg (дата обращения: 01.02.2020)).

Fig. 10. Miletus. Stater (URL: http://goodhobby.ru/images/items/im_1797_1v2Hze.jpg; http://goodhobby.ru/images/items/im_1797_twyyvhv.jpg (date of access: 01.02.2020)).

был включен иной металл¹⁴, который создавал впечатление, что эти колонки обвиты двумя металлическими лентами (плакирование-?)¹⁵. Средняя колонка имеет прямоугольную форму, по краям которой проходят по две продольные линии, заполненные поперечными «штрихами». Между этими линиями на центральной колонке представлен орнамент, состоящий из прямоугольников, внутри которых изображены косые крестики. Ствол ручки заканчивается прямоугольной подставкой, имеющей на боковых сторонах орнаментацию, близкую оформлению центральной колонки. На прямоугольной подставке расположена фигурка лежащего льва с повернутой головой и открытой пастью (рис. 5).

У представленной ручки нет никаких признаков скифского звериного стиля [см.: Perevodchikova 1994, 46-48; Kantorovich 2015, 64-186, 522-538; Zimovets 2019, 409-429]. Она знакомит нас с предметом, изготовленным греческим мастером, поскольку имеет еще и орнаментацию, связанную с античной культурой (рис. 5; 9,3,4).

Ракурс скульптурного изображения льва на этой ручке очень близок ракурсу фигур-

ки, рассмотренной ранее и представляющей «хищника с открытой пастью», который был расположен на конце ручки зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка. Находка из Белгородской области, таким образом, снимает вопрос об участии скифов в изобретении зеркал-патер¹⁶ «ольвийского типа» (рис. 6).

Однако наличие на этой же находке имитаций лент из другого материала возрождает вопрос, связанный с происхождением зеркал-патер, обнаруженных в кургане II у с. Братышев/Братишив/Братишов¹⁷ (рис. 7,1) и в кургане I у с. Шутнивыц/Шутновцы¹⁸ (рис. 7,2). Ручки обоих предметов также представляли собой три колонки. Правда центральная из них была изготовлена из бронзы и отлита вместе с фигурным концом ручки. Две крайние колонки были изготовлены из железа и инкрустированы бронзовой лентой. Различие между ними заключается в том, что средняя бронзовая колонка на предмете из кургана I у с. Шутнивыц/Шутновцы была инкрустирована железной лен-

14. Ю.В. Оборин полагает, что ленты были серебряными (?), возможно [Oborin 2019, 1].

15. Плакирование (от франц. *plaquer* - плакировать, *plaque* - плаке) - покрытие наклеиванием тонких листочков серебра, меди, золота на металлические, деревянные или сделанные из другого материала изделия [Minasian 2014, 263].

16. Двойное название у рассматриваемой категории вещей предполагает их бифункциональное применение, поскольку для безусловной «зеркальной» атрибуции, отсутствует возможность определить у них рабочую (полированную) сторону, учитывая и имеющиеся отпечатки ткани на обеих сторонах диска (у некоторых), и расположение фигурок на концах ручек [Kuznetsova 2002, 212].

17. Ивано-Франковская область, Тлумачский район (Украина).

18. Хмельницкая область, Каменец-Подольский район (Украина).

той, а на братьшевском экземпляре подобная инкрустация определяется лишь предположительно [Bandrivsk'i 2010, 159-160]. Античный след в изображении волют и головки барана на предмете из кургана II у с. Братышев отмечала еще И. Райхль [Reichl' 1936, 140-141].

В данном случае следует учесть и еще один экземпляр, который обнаружен в 2011 г. на юге Краснодарского края (рис. 8; 9,1,4)¹⁹. Он имеет близкую белгородской ручке форму ствола и волютообразный орнамент на верху и у крайних колонок ручки, что также подтверждает античное происхождение предмета. Конец ручки у нового зеркала-патеры с Северного Кавказа оформлен в виде головки овна, отлитой одновременно с ней. Зеркало было починено двумя заклепками в месте соединения с диском, что слегка затронуло орнамент. Орнамент нанесен, видимо, гравировкой по металлу после первоначального соединения диска и ручки. Орнаментация представлена капителью без отдельно выраженной плоской подушки (это более ранний тип или большая стилизация). Волюты в этом случае сходятся еще не распрямившимися дугами, образуя как бы впадину, из которой вырастает лист, такой же, как листы или лепестки на эхине. Часть эхина, расположенная под волютами, украшена такой же полосой с «крестиками», как и на ручке зеркала из Белгородской области. Ствол ручки разделен двумя каннелюрами на три части в виде колонок. Две боковые колонки круглые. Расположение следов коррозии на них также позволяют предположить, что в орнаментацию каждой был включен иной металл, который создавал впечатление, что эти колонки обвиты двумя лентами (плакирование-?). Средняя колонка имеет прямоугольную форму, по краям которой проходят по две продольные линии, заполненные поперечными «штрихами». Между этими линиями на центральной колонке изображен орнамент, состоящий из прямоугольников (рис. 9,1).

Уже приходилось отмечать ранее, что «братьшевский» экземпляр с западной территории (Подолія), не имевшей связи с античным миром Северного Причерноморья, является репликой на греческий образец, сделанный, возможно,

мастером фрако-иллирийского круга. Предположение о генезисе братьшевского экземпляра подтверждается находкой в кургане № 1 у с. Шутнивы/Шутновцы, что выделяет западный круг памятников в особую группу, независимую по традиции изготовления предметов подобного рода от скифского мира [Kuznetsova 2010, 197].

По комплексу сопроводительного инвентаря курган II у с. Братышев/Братиши/Братишов был датирован А.И. Мелюковой серединой - второй половиной VI в. до н.э. [Meliukova 1958, 43], а курган I у с. Шутнивы/Шутновцы авторы раскопок отнесли к концу VII - началу VI вв. до н.э. [Gutsal, Gutsal 2009, 125-133]. Последняя дата была предложена уже после того, как произошло «удревнение» памятников скифской архаики, на которые опираются исследователи.

Ранее основой для установления продолжительности раннескифского этапа в истории Северного Причерноморья и Северного Кавказа являлись даты археологических материалов Келермесского могильника, поскольку они согласовываются с письменными источниками, которые отражают события, связанные с пребыванием скифов на территории Передней Азии (первая половина VI в. до н.э.), и дата вещевого комплекса, связанного с Ближним Востоком, лишь подтверждала ее [Iessen 1953, 49; Artamonov 1974, 57 и др.]. Постоянное удревнение дат древневосточных предметов в Келермесском могильнике стало причиной понижения датировок памятников скифской архаики, хотя дата самого могильника, определяющаяся по самым ранним вещам, противоречит методике и логике датирования в археологии.

Изучение кургана «Репяховата Могила» у с. Матусов (Черкасская область, Шполянський район, Украина) позволило выявить археологический материал, имеющий устойчивые даты. В этом кургане, сооруженном в лесостепной зоне Днепровского Правобережья, в гробнице № 2 находились два зеркала с боковой ручкой, датирующиеся не ранее второй четверти VI в. до н.э. [Kuznetsova 2002, 79-80; 2010, 238; 2017]. Появление подобных зеркал с боковыми ручками в Греции было определено исследователями периодом не ранее второй четверти [Oberländer 1967, 5] или второй трети VI в. до н.э. [Bilimovich 1976, 33]. Поскольку рассматриваемые зеркала близки

19. Сердечно благодарю Ю.В. Оборина за предоставленное изображение зеркала-патеры.

античным прототипам, а «изобретение» таких зеркал в Греции определяется лишь в пределах второй четверти – второй трети VI в. до н.э., этот факт не позволяет отнести дату совершения захоронения в гробнице № 2 кургана «Репяховатая Могила» к более раннему времени. Однако несмотря на то, что в составе сопроводительного инвентаря этого кургана присутствуют зеркала, которые, безусловно, имеют независимую от иного «скифского» материала датировку, исследователи не акцентируют на них внимание, хотя об этом уже приходилось писать [Kuznetsova 2002, 79, 80; 2017; 2019b]. Такое отношение к имеющимся сведениям, по всей видимости, связано как с повышенной датой зеркал, не укладывающееся в уже сложившиеся концепции, так и с отсутствием убедительной аргументации для доказательства более ранних датировок.

Выявленное сходство по десяти категориям сопроводительного инвентаря (железные напершия, железные и бронзовые удила, железные и костяные псаии, каменные блюда, железные ножи, стеклянные бусы и бисер, раковины «каури») из гробниц кургана «Репяховатая Могила» и Келермесского могильника позволило отнести эти курганы к близкому времени. Для Келермеса – к периоду не ранее последнего десятилетия первой четверти VI в. до н.э. [Kuznetsova 2019b, 114]. Это определение не противоречит письменным источникам, по которым изгнание скифов с Ближнего Востока произошло после 585 г. до н.э., и является основанием для заключения о том, что дата скифских архаических памятников необоснованно занижена.

Приведенные данные показывают, что дата для кургана II у с. Братышев/Братишино/Братишов, определенная А.И. Мелюковой (середина - вторая половина VI в. до н.э.) – верна [Meliukova 1958, 43], а сопоставление материалов кургана «Репяховатая Могила» и Келермесского могильника возвращает нас к хронологии, разработанной исследователями предшествующего поколения. Поскольку А.Ф. Гуцал и В.А. Гуцал считают этот памятник синхронным кургану I у с. Шутнивец/Шутновцы [Gutsal, Gutsal 2009, 132], то и его дата определяется в указанных А.И. Мелюковой пределах (середина - вторая половина VI в. до н.э.).

К сожалению, новые предметы являются лишь случайными находками, не имеющими хронологической позиции. Правда, безус-

ловная связь орнаментации у братьшевского экземпляра с античным миром и ее стилизация, делает его более поздним по отношению к представленным северокавказской и белгородской зеркалам-патерам, позволяя предположительно определить и дату последних временем не позднее середины VI в. до н.э.

Эта дата не противоречит и дате зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка, которое, как уже говорилось, по мнению В.А. Ильинской является либо античной вещью, либо предметом, сделанным под влиянием образцов, изготовленных в греческих колониях на основе зеркал «ольвийского типа» с каннелированными ручками [Il'inskaia 1975, 154]. Новые находки подтверждают это мнение, которое я разделяла и разделяю в настоящее время. Нет и не было основания сомневаться во времени сооружения памятника, датирующегося по ионийской расписной тарелочке и зеркалу, согласно Н.А. Онайко, второй половиной VI в. до н.э. [Onaiko 1966, 60, № 134; 65, № 255].

Корректировка даты комплекса на основании пересмотра хронологии ряда находок и определение ее первой половиной VI в. до н.э., проведенное исследователями [Kovpanenko et al. 1989, 163, 321], к сожалению, базируется на основании «удревления» памятников скифской архаики, совершенно неоправданном археологическим материалом.

Изображение фигурки лежащего льва на концах ручек у уже ранее рассмотренных зеркал-патер позволили связать эти предметы с Милетом [Kuznetsova 2002, 165, 197-204]. То же можно сказать и о находке из Белгородской области, так как лежащий лев являлся символом этого города и его изображения чеканились на милетских монетах (рис. 10). Как заметил А.Н. Зограф, «в приурочении монет, объединяемых типами головы льва или лежащего с обращенной назад головой льва, к Милету нет разногласий, поскольку именно этими типами характеризуется монетное дело названного города и в позднейшую эпоху, когда он был восстановлен после разрушения персами» [Zograf 1951, 40].

Идентификация зеркал-патер с греческими культовыми сосудами дала возможность соотнести их с именами Аполлона и Диониса. Об этом свидетельствует и надпись на одном

из них, посвященная Дионису, и символика образов на этих предметах. В их распространении предполагалось проявление деятельности двух значительных религиозных центров: Дидимы (изображение льва) и Дельфы (изображение головы овна), которые являлись знаменитейшими храмовыми оракулами Древней Греции [Kuznetsova 2002, 208-212].

По-прежнему трудно выявить причины, заставившие мастера таким образом передать изображение на конце ручки зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка, так как нельзя объяснить это неумелой работой, поскольку наряду с неприглядным изображением хищника на конце ручки, верх ее украшен хорошо исполненным изображением оленя. Нет основания говорить и о браке, связанным с фигуркой хищника, так как бракованную деталь можно было бы заменить новой. Трудно

и сейчас сказать, является ли это зеркало репликой на античный образец, изготовленной мастером из среды лесостепного населения, или рассматриваемый экземпляр представляет собой результат замены утраченной (если греческой, то скорее всего костяной) ручки на железную с использованием уже имевшихся бронзовых частей зеркала (диск, фигурки). Однако удалось выявить очень близкое изображение и возможный прототип для фигурки на конце ручки зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка, которое связывает этот экземпляр с традицией греческих мастеров. А поскольку возможным прообразом для этого зеркала послужили античные зеркала-пате-ры с каннелированными ручками, известные пока только со второй половины VI в. до н.э., датировать его изготовление ранее этого времени нет достаточных оснований.

Библиография

- Artamonov 1974:** M.I. Artamonov, Kimmeriitsy i skify (ot pojavaeniia na istoricheskoi arene do kontsa IV v. do n.e. (Leningrad 1974) // М.И. Артамонов, Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э. (Ленинград 1974).
- Bandrivs'kii 2010:** M. Bandrivs'kii, Obrazotvorchi traditsii na zachodi Ukraïns'kogo Lisostepu v VII - nachatku VI st. do nar. Khr.: vitoki i prichini transformatsii. In: (Otv. red. A.V. Kolesnik) Izobrazitel'noe iskusstvo v arkheologicheskom nasledii. Arkheologicheskii al'manakh 21 (Donetsk 2010), 145-177 // М. Бандрівський, Образотворчі традиції на заході Українського Лісостепу в VII - напочатку VI ст. до нар. Хр.: витоки і причини трансформації. В: (Отв. ред. А.В. Колесник) Изобразительное искусство в археологическом наследии. Археологический альманах 21 (Донецк 2010), 145-177.
- Bartseva 1981:** T.B. Bartseva, Tsvetnaia metalloobrabotka skifskogo vremeni (Lesostepnoe dneprovskoe levoberezh'e) (Moskva 1981) // Т.Б. Барцева, Цветная металлообработка скифского времени (Лесостепное днепровское левобережье) (Москва 1981).
- Bilimovich 1976:** Z.A. Bilimovich, Grecheskie bronzovye zerkala Ermitazhnogo sobraniia. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha XVII, 1976, 32-66 // З.А. Билимович, Греческие бронзовые зеркала Эрмитажного собрания. Труды Государственного Эрмитажа XVII, 1976, 32-66.
- Bobrinskii 1905:** A.A. Bobrinskii, Otchet o raskopkakh bliz s. Zhurovki i Kapitanovki (Chigirinskogo u. Kievskoi gub.) v 1904 godu (s 39 ris.). Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii 17, 1905, 77-98 // А.А. Бобринский, Отчет о раскопках близ с. Журовки и Капитановки (Чигиринского у. Киевской губ.) в 1904 году (с 39 рис.). Известия Императорской Археологической комиссии 17, 1905, 77-98.
- Fialko 2015:** E.E. Fialko, Pogrebal'nye komplekсы skifskikh amazonok: khronologicheskii aspekt. Arkheolohiia i davnia istoriia Ukraini. Starozhitnosti rannogo zaliznogo viku. Kiiv 2 (15), 2015, 145-159 // Е.Е. Фиалко, Погребальные комплексы скифских амазонок: хронологический аспект. Археологія і давня історія України. Старожитності раннього залізного віку. Київ 2 (15), 2015, 145-159.
- Gutsal, Gutsal 2009:** A.F. Gutsal, V.A. Gutsal, Kurgannii kompleks s bronzovim dzerkalom iz Shutnovets'. In: (otv. red. S.S. Bessonova) Epokha rannego zheleza. (Kiev-Poltava 2009), 125-134 // А.Ф. Гуцал, В.А. Гуцал, Курганний комплекс с бронзовим дзеркалом із Шутновець. В: (Отв. ред. С.С. Бессонова) Эпоха раннего железа (Киев-Полтава 2009), 125-134.
- Iessen 1953:** A.A. Iessen, K voprosu o pamiatnikakh VIII-VII vv. do n.e. na iuge evropeiskoi chasti SSSR (Novo-

- cherkasskii klad 1939 g.). SA XVIII, 1953, 49-110 // А.А. Иессен, К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.). СА XVIII, 1953, 49-110.
- П'инська 1968:** V.A. P'inskaia, Skify dneprovskogo lesostepnogo levoberezh'ia (Kiev 1968) // В.А. Ильинская, Скифы днепровского лесостепного левобережья (Киев 1968).
- П'инська 1973:** V.A. P'inskaia, Otnositel'naia khronologiiia ranneskifskikh kurganov basseina reki Tiasmin. SA 3, 1973, 3-23 // В.А. Ильинская, Относительная хронология раннескифских курганов бассейна реки Тясмин. СА 3, 1973, 3-23.
- П'инська 1975:** V.A. P'inskaia, Ranneskifskie kurgany basseina r. Tiasmin (VII–VI vv. do n.e.) (Kiev 1975) // В.А. Ильинская, Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н.э.) (Киев 1975).
- Kantorovich 2015:** A.R. Kantorovich, Skifskii zverinyi stil' Vostochnoi Evropy: klassifikatsiia, tipologiia, khronologiia, evoliutsiia. Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk: 07.00.06: zashchishchena 29.06.2015: utverzhdena 05.10. T. 1 - 3 (Moskva 2015) // А.Р. Канторович, Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.06: защищена 29.06.2015: утверждена 05.10. Том 1 - 3 (Москва 2015).
- Klochko, Kozymenko 2017:** V.I. Klochko, A.V. Kozymenko, Drevnii metall Ukrainy (Kiev 2017) // В.И. Ключко, А.В. Козыменко, Древний металл Украины (Киев 2017).
- Kovpanenko et al. 1989:** G.T. Kovpanenko, S.S. Bessonova, S.A. Skoryi, Pamiatniki skifskoi epokhi Dneprovskogo Lesostepnogo pravoberezh'ia (Kiev 1989) // Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного правобережья (Киев 1989).
- Kuznetsova 2002:** T.M. Kuznetsova, Zerkala Skifii VI-III vv. do n.e. T. 1 (Moskva 2002.) // Т.М. Кузнецова, Зеркала Скифии VI-III вв. до н.э. Т. 1 (Москва 2002).
- Kuznetsova 2010:** T.M. Kuznetsova, Zerkala Skifii VI-III vv. do n.e. T. 2 (Moskva 2010) // Т.М. Кузнецова, Зеркала Скифии VI-III вв. до н.э. Т. 2 (Москва 2010).
- Kuznetsova 2017:** T.M. Kuznetsova, O vremeni sooruzheniia kurgana «Repiakhovataia Mogila». RA 2, 2017, 100-114 // Т.М. Кузнецова, О времени сооружения кургана «Репяховатая Могила». РА 2, 2017, 100-114.
- Kuznetsova 2018a:** T.M. Kuznetsova, O vremeni i usloviakh poiavleniia bronzovykh zerkal v Severopontiiskom regione. Arkheologiia. etnografiia i antropologiia Evrazii 46 (4), 2018a, 59-66 // Т.М. Кузнецова, О времени и условиях появления бронзовых зеркал в Северопонтийском регионе. Археология, этнография и антропология Евразии 46 (4), 2018a, 59-66.
- Kuznetsova 2018b:** T.M. Kuznetsova, Ot kurgana «Repiakhovataia Mogila» k kurganu № 407 u s. Zhurovka/Zhuravka (khronologiia). Arkheolohiia i davnia istoriia Ukraini. Starozhytnosti rannogo zaliznogo viku (k 75-letiiu so dnia rozhdeniia S.S. Bessonovoi), 2 (27), (Київ 2018b), 446-457 // Т.М. Кузнецова, От кургана «Репяховатая Могила» к кургану № 407 у с. Журовка/Журавка (хронология). Археологія і давня історія України. Старожитності раннього залізного віку (к 75-летию со дня рождения С. С. Бессоновой), 2 (27), (Київ 2018b), 446-457.
- Kuznetsova 2019a:** T.M. Kuznetsova, O sootnoshenii dat kurganov «Repiakhovataia Mogila», «Chervona Mogila» i Kelermesskogo mogilnika. RA 2, 2019a, 63-79 // Т.М. Кузнецова, О соотношении дат курганов «Репяховатая Могила», «Червона Могила» и Келермесского могильника. РА 2, 2019a, 63-79.
- Kuznetsova 2019b:** T.M. Kuznetsova, «Kity» skifskoi khronologii i sistema datirovaniia pamiatnikov. In: (otv. red. A.A. Malyshev), Scythia et Sarmatia (Moskva 2019b), 112-123 // Т.М. Кузнецова, «Киты» скифской хронологии и система датирования памятников. В: (Отв. ред. А.А. Малышев). Scythia et Sarmatia (Москва 2019b), 112-123.
- Meliukova 1958:** A.I. Meliukova, Pamiatniki skifskogo vremeni lesostepnogo Srednego Podnestrov'e. Pamiatniki skifo-sarmatskogo vremeni v Severnom Prichernomor'e. MIA 64 (Moskva-Leningrad 1958), 5-102 // А.И. Мелюкова, Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье. МИА 64 (Москва-Ленинград 1958), 5-102.
- Minasian 2014:** R.S. Minasian, Metalloobrabotka v drevnosti i Srednevekov'e (Sankt-Peterburg 2014) // Р.С. Минасян, Металлообработка в древности и Средневековье (Санкт-Петербург 2014).
- Oborin 2019:** Iu.V. Oborin. Ruchka antichnogo zerkala borisfenitskogo tipa. (URL: https://www.academia.edu/39705879/Oborin_THE_BORYSTHENITIC_TYPE_ANTIQU_MIRRORS_HANDLE (data obrashcheniia: 01. 12. 2019)), 2019, 1-5 // Ю.В. Оборин, Ручка античного зеркала борисфенитского типа. (URL: https://www.academia.edu/39705879/Oborin_THE_BORYSTHENITIC_TYPE_ANTIQU_MIRRORS_HANDLE (дата обращения: 01. 12. 2019)), 2019, 1-5.
- Ol'govskii 2017:** S.Ia. Ol'govskii, O karavannom puti iz Olvii na Ural i v Povolzh'e i voprosy proiskhozhdeniia zerkal i krestovidnykh bliakh. Arkheologiia evraziiskikh stepei 3, 2017, 209-223 // С.Я. Ольговский, О караванном

пути из Ольвии на Урал и в Поволжье и вопросы происхождения зеркал и крестовидных блях. Археология евразийских степей 3, 2017, 209-223.

Onaiko 1966: N.A. Onaiko, Antichnyi import v Pridneprov'ë i Pobuzh'ë v VII-V vv. do n.e. SAI. Vyp. DI-27 (Moskva 1966) // Н.А. Онайко, Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII-V вв. до н.э. САИ. Вып. ДІ-27 (Москва 1966).

Oberländer 1967: P. Oberländer, Griechische Handspiegel (Hamburg 1967).

Perevodchikova 1994: E.V. Perevodchikova, Iazyk zverinykh obrazov (Moskva 1994) // Е.В. Переводчикова, Язык звериных образов (Москва 1994).

Petrenko 1978: V.G. Petrenko, Ukrasheniia Skifii VII-III vv. do n.e. SAI. Vyp. D 4-5 (Moskva 1978) // В.Г. Петренко, Украшения Скифии VII-III вв. до н.э. САИ. Вып. Д 4-5 (Москва 1978).

Raevski 1997: D.S. Raevskii, Otzyv na rukopis V.Iu. Zueva «K voprosu o "savromatskoi" kul'ture». In: (otv. red. V.Iu. Zuev) K voprosu o "savromatskoi" kul'ture" (po povodu knig: Statisticheskaiia obrabotka pogrebal'nykh pamiatnikov Aziatskoi Sarmatii. Vypusk I: Savromatskaia epokha. M., 1994. 223 s. 1 karta. Tirazh 1000 ekz.; Statistical Analyses of Burial customs of the Sauromatian period in Asian Sarmatia (6th-4th centuries B.C.). Eds. Bruno Genito & Marina Moskova. Napoli. 1995. XIV. 232 p. (Istituto Universitario Orientale. Dipartimento di Studi Asiatici. Series Minor. Vol. XLVIII)) (Sankt-Peterburg 1997), 29-33 // Д.С. Раевский, Отзыв на рукопись В. Ю. Зуева «К вопросу о "савроматской" культуре» (по поводу книг: Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Выпуск I: Савроматская эпоха. М., 1994. 223 с. 1 карта. Тираж 1000 экз.; Statistical Analyses of Burial customs of the Sauromatian period in Asian Sarmatia (6th-4th centuries B.C.) / Eds. Bruno Genito & Marina Moskova. Napoli, 1995. XIV. 232 p. (Istituto Universitario Orientale. Dipartimento di Studi Asiatici. Series Minor. Vol. XLVIII)) (Санкт-Петербург 1997), 29-33.

Reichl 1936: I. Reichl, Zwierciadla podolskiej kultury scytyjskiej. In: (Ed. T. Sulimirski) Scytowie na Zachodniem Podolu. Lwów, Prace lwówskiego Towarzystwa prehistorycznego, 2, 1936, 139-162.

Shramko, Zadnikov 2018: I.B. Shramko, S.A. Zadnikov, Doslidzhennia kurganiv na nekropoli Skorobiru 2017 r. In: (otv. red. I.I. Korost) Arkheologichni doslidzhennia Bil's'kogo gorodishcha – 2017 (Kiiv; Kotelva 2018), 6-21 // I.B. Шрамко, С.А. Задников, Дослідження курганів на некрополі Скоробіру 2017 р. В: (Отв. ред. І.І. Корост) Археологічні дослідження Більського городища - 2017 (Київ; Котельва 2018), 6-21.

Shramko 1970: B.A. Shramko, Ob izgotovlenii zolotykh ukrashenii remeslennikami Skifii. Sovetskaia arkheologiya 2, 1970, 217-220 // Б.А. Шрамко, Об изготовлении золотых украшений ремесленниками Скифии. Советская археология 2, 1970, 217-220.

Sinika et al. 2020: V.S. Sinika, S.D. Lysenko, S.N. Razumov, N.P. Tel'nov, S. Lukasik, Kurgan 11 grupy «Sad» v Nizhnem Podnestrov'ë i sovremennoe «mifotvorchestvo» o skifskikh «amazonkakh». Nizhnevolzhskii arheologicheskii vestnik 19 (1), 2020, 64-101 // В.С. Синика, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, С. Лукасик, Курган 11 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье и современное «мифотворчество» о скифских «амазонках». Нижневолжский археологический вестник 19 (1), 2020, 64-101.

Zimovets 2019: R.V. Zimovets, Obraz kabana v skifskom zverinom stile Severnogo Prichernomor'ia. Vnutrenniaia evoliutsiia i vneshnie vliianiia. Arkheologhiia i davnia istoriia Ukraïni. Starozhitnosti rann'ogo zaliznogo viku (k 70-letiiu so dnia rozhdeniia S.A. Skorogo) Kiïv 2 (31), 2019, 409-429 // Р.В. Зимовец, Образ кабана в скифском зверином стиле Северного Причерноморья. Внутренняя эволюция и внешние влияния. Археологія і давня історія України. Старожитності раннього залізного віку (к 70-летию со дня рождения С.А. Скорого) Київ 2 (31), 2019, 409-429.

Zograf 1951: A.N. Zograf, Antichnye monety. MIA 16, 1951 // А.Н. Зограф, Античные монеты. МИА 16, 1951.

Zuev 2018: V.Iu. Zuev, Ob odnoi serii zerkal borisfenitskogo tipa. In: (otv. red. A.N. Kovalenko) Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremia. Vyp. 2 (Rostov-na-Donu 2018), 232-243 // В.Ю. Зуев, Об одной серии зеркал борисфенитского типа. В: (Отв. ред. А.Н. Коваленко) Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2 (Ростов-на-Дону 2018), 232-243.

Татьяна Кузнецова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия, e-mail: mamulya-kuznecova@yandex.ru

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVII _ nr. 1

Revistă indexată în bazele de date
SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2021

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Responsabil de volum/responsible for volume: dr. **Ghenadie Sîrbu**

Secretar de redacție/editorial secretary: **Livia Sîrbu**

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Ștefan cel Mare si Sfânt bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul double blind peer-review
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели double blind peer-review
All the papers to be published will be reviewed by experts according the double blind peer-review model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Виталий Окатенко (<i>Харьков</i>), Сергей Скорый (<i>Киев</i>). Бронзовое блюдо с позолотой из Второго Караванского кургана раннескифской поры (Украинская Левобережная Лесостепь)	5
Татьяна Кузнецова (<i>Москва</i>). Античные традиции в генезисе зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка	17
Natalia Mateevici (<i>Chişinău</i>), Mihaela Iacob (<i>Bucureşti</i>), Dorel Paraschiv (<i>Tulcea</i>). Colecţia de ştampile de amfore greceşti din câteva situri getice din nord-estul Dobrogei	34
Nikolai Jefremow (<i>Greifswald</i>), Andrei Kolesnikov (<i>Moskau</i>), Elena Bolonkina (<i>Krim</i>). Neue Namen in den Keramikstempeln von Knidos in der Sammlung des Historisch-archäologischen Museums in Kerč (Krim)	41

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Сергей Рыжов , Валентина Шумова , Александр Дяченко (<i>Киев</i>). Исследования на поселении западнотрипольской культуры Колодистое II	46
Александр Могилов (<i>Киев</i>), Юрий Ляшко (<i>Каменка</i>), Сергей Руденко (<i>Чигирин</i>). Скифское всадническое погребение в бассейне р. Тясмин	59
Сергей Агульников , Виталий Железный (<i>Кишинев</i>). Могилиник ногайской культуры у с. Казаклия	81
Vasile Paul Scrobotă (<i>Aiud</i>), Elena Gherman (<i>Iaşi</i>). Cercetări de supraveghere arheologică la obiectivul colegiul „Bethlen Gabor” din municipiul Aiud, jud. Alba. Campania 2012	99

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Mariana Gugeanu , Maria Geba (<i>Iaşi</i>). Investigaţii non-invazive aplicate textilelor arheologice de la Mănăstirea Căpriană	113
--	-----

RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Stanislav Țerna , Mariana Vasilache , <i>Figurinele antropomorfe din etapa Cucuteni A din interfluviul pruto-nistean: (în baza colecţiilor Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei)</i> Biblioteca Tyragetia, 31. Chişinău 2019, 264 pagini şi 63 planşe. ISBN 978-9975-87-562-2 (Илья Палагута, Санкт-Петербург)	120
---	-----

IN HONOREM

К юбилею археолога Анатолия Федоровича Гуцала (Александр Могилов, Виталий Гуцал, Киев)	125
--	-----

Doctorul habilitat EUGEN SAVA la 65 ani (Mariana Sîrbu, <i>Chişinău</i>)	128
---	-----

IN MEMORIAM

In memoriam colegului şi prietenului Oleg Leviţki (Alexandru Furtună, <i>Chişinău</i>)	133
---	-----

In memoriam Olga Larina (15.11.1952 – 01.2021) (Sergiu Bodean, <i>Chişinău</i>)	134
--	-----

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION	137
---	-----

INFORMAȚII ŞI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE	138
--	-----

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE	139
--	-----

Natalia Mateevici, Mihaela Iacob, Dorel Paraschiv

Colecția de ștampile de amfore grecești din câteva situri getice din nord-estul Dobrogei

Mots-cles: amphores, timbres, commenrce, fabricant, magistrat, les recherches sur le terrain.

Cuvinte-cheie: amfore, ștampile, comerț, producător, magistrat, cercetări de teren.

Ключевые слова: амфоры клейма, торговля, фабрикант, магистрат, полевые исследования.

Natalia Mateevici, Mihaela Iacob, Dorel Paraschiv

Une collection de timbres d'amphores grecques provenant de plusieurs sites gètes du nord-est de Dobrogea

Les auteurs présentent un petit lot de timbres amphoriques provenant de trois sites du nord-est de la Dobroudja – Peceneaga, Zimbru II, Donca (Slava Rusă). Les 17 timbres se répartissent entre les centres de production suivants: dix sont de Thasos, deux proviennent d'Heraclee Pontique, quatre timbres appartiennent aux amphores de Sinope et un seul exemplaire – à Chersonèse Taurique. Même si certains des timbres ont déjà été publiés, nous avons considéré que leur réédition (avec quelques modifications et corrections), ainssi que d'autres timbres originaux, seront utiles aux chercheurs en archéologie classique.

Natalia Mateevici, Mihaela Iacob, Dorel Paraschiv

Colecția de ștampile de amfore grecești din câteva situri getice din nord-estul Dobrogei

Autorii prezintă un mic lot de ștampile amforice ce provin din trei situri din regiunea Dobrogei de nord-est – Peceneaga, Zimbru II, Donca (Slava Rusă). Din punct de vedere al centrelor de producție, cele 17 ștampile se distribuie astfel: 10 documentează amfore de Thasos, două provin de la amfore produse la Heracleea Pontica, patru ștampile aparțin amforelor de Sinope și doar una celor ale Chersonesului Tauric. Chiar dacă o parte dintre ștampile au fost publicate anterior, am considerat utilă republicarea lor (cu unele corecturi și rectificări), acestora li se mai adaugă câteva exemplare inedite.

Наталья Матеевич, Михаела Якоб, Дорел Параскив

Коллекция клейм греческих амфор из некоторых гетских памятников северо-восточной Добруджи

Авторы представляют небольшую коллекцию клейм из нескольких памятников Северо-Восточной Добруджи – Печеняга. Зимбру II и Донка (Слава Русэ). Семнадцать клейм разделены с ледующим образом: 10 принадлежат фассосским амфорам, два – амфорам Гераклеи Понтийской, четыре – синопским амфорам и лишь одно клеймо относится к амфорному производсву Херсонеса Таврического. Авторы считают, что несмотря на то, что некоторые клейма были опубликованы ранее, новая публикация (с исправлениями и новое трактовкой), а также и ранее неопубликованные клейма, все включенные в одну, пусть и небольшую коллекцию, будут полезны исследователям в области классической археологии.

Odată cu pătrunderea în mediul barbar al regiunilor nord și nord-vest pontice a amforelor grecești, pe parcursul timpului, se intensifică și comerțul greco-barbar, iar odată cu el se diversifică și numărul orașelor grecești care își aduc produsele lor în amfore, pe piețele locale, în primul rând vinul și uleiul de măsline.

Lotul de piese pe care îl supunem atenției însumează 17 ștampile și provine din cercetări sistematice, preventive și periegetice, realizate în câteva situri getice din zona Dobrogei de nord-est, precum: Peceneaga (punctul Cetatea Baltina), Zimbru II, Donca (Slava Rusă). O parte dintre piese au fost publicate anterior de către V. Lungu [Lungu 1994, 139] și, respectiv, de către autorii de față [Mateevici et al. 2015, 164], iar o altă parte

sunt inedite, publicarea acestora având ca scop reunirea tuturor ștampilelor într-o listă comună și completă, cu unele corecturi, date suplimentare sau rectificări. Ștampilele provin din patru centre producătoare: 10 sunt de Thasos, două de Heracleea Pontică, patru de Sinope și una din Chesonul Tauric.

În zona Valea Hogii sau Cetatea Baltina, situată la limita dintre comunele Peceneaga și Ostrov (la Nord de Ostrov), se găsește o întinsă așezare getică din perioada elenistică. În urma cercetărilor de suprafață și a celor preventive au fost recuperate numeroase fragmente de amfore. Ele se prezintă astfel ca centre de producție: Thasos, Heracleea Pontică, Chios, Mende, Sinope, tip Murighiol și un centru necunoscut mediteraneean. Din lotul

de fragmente amforistice de la Peceneaga-*Baltina* au fost evidențiate două fragmente de toarte ștampilate de amfore thasiene. Prima aparține magistratului Ἀρέτων (nr. 1) și are ca emblemă „del-finul spre dreapta”, datată 325-324 a.Chr.; cea de a doua aparține magistratului Τηλέφανης 1 (nr. 2), cu emblema „cnemidă”, care are o datare similară. Ștampila lui Τηλέφανης 1 nu conține etniconul. Cercetătorii francezi A.M. Bon, A. Bon și Y. Garlan au păreri diferite privind prezența etniconului. Astfel, A.M. Bon și A. Bon consideră că etniconul se plasa pe latura scurtă a cadranului ștampilei [Bon 1957, nr. 1613, 393], însă, Y. Garlan susține că pe acest tip de ștampile etniconul lipsea [Garlan 1999, 283].

Printre fragmentele de amfore heracleote de la Peceneaga-*Baltina* a fost depistată și o ștampilă englică, aplicată pe gâtul vasului, aparținând magistratului Καρακύδης (nr. 3), datată în anii 60-50 ai sec. al IV-lea a.Chr. Toate ștampilele acestui magistrat au aceeași formă figurată, reprezentând un strugure (cu siguranță aceasta fiind emblema magistratului) și legenda, care, de obicei, conține numele magistratului, precedat de prepoziția ΕΠΙ și cel al producătorului, toate aranjate pe conturul exterior al emblemei. Păstrarea, într-o formă insuficient lizibilă, a ștampilei lui Καρακύδης nu ne-a permis să identificăm și numele producătorului. Se cunosc ștampile ale acestui magistrat asociate mai multor producători heracleoți: Ἡρακλείδας, Εὐαρχος, Εὐκλείων, Μῦς, Σάτυρος, Ἀρτέμων, Ἀρίστων, Ἀττής, Δέξυππος, Διονύσιος, Ἰστιεῖος, Μολόσσος, Νόσσος, Σκύθας, Στασίχωρος.

Săpăturile realizate în situl Zimbru II, situat la cca. 1,5 km NV de localitatea Sălcioara și la 5-6 km N de cetatea Orgame/Argamum, au adus material amforic suficient de interesant privind importul produselor în amfore în această regiune. Printre piesele de epocă greacă antică menționăm fragmente ale amforelor de Chios, Samos, Thasos, Heraclea Pontică, Sinope, Peparethos, Cos.

Cercetările de suprafață și preventive din zonă au dus la identificarea unor materiale arheologice din perioade diferite (din eneolitic până în evul mediu timpuriu). Cercetările de teren au scos la suprafață, alături de multiple fragmente de amfore, și trei ștampile aparținând centrelor: Thasos, Heraclea și Sinope. Ștampila de Thasos aparține magistratului Ἀριστοφῶν 2-3 (nr. 4), datarea făcându-se către 284 a.Chr. (după Y. Garlan). O a

doua ștampilă, dispusă pe gât de amforă heracleotă, aparține aceluiași magistrat, menționat la Peceneaga – Καρακύδης, având aceeași formă a emblemei – strugurele (nr. 5). Spre deosebire de ștampila acestui magistrat de la Peceneaga-*Baltina*, care nu a păstrat numele producătorului, pe exemplarul de la Zimbru II vedem clar imprimat numele producătorului: Σάτυρος. Cea de-a treia ștampilă – de Sinope – aparține magistratului Μνησικλῆς 1 (nr. 6), alături de care apare numele unui producător mai puțin cunoscut Ἰως. Numele acestui producător este întâlnit doar pe ștampilele a 4 magistrați: Πασιχάρης 1, Μικρίας 1, Βόρις 1, Μνησικλῆς 1 [Garlan 2004, 147] a căror activitate a durat între 289 și 283 a.Chr., probabil aceasta perioadă fiind și cea de activitate a acestui producător.

Un alt sit cercetat prin săpăturile de salvare și, apoi, sistematice este Slava Rusă-*Donca*, aflat pe un platou, la vest de mănăstirea Vovidenia și la nord de drumul negru Slava Rusă-Camena, la circa 3 km de cetatea romană Ibida. Cercetările de teren de la Donca (Slava Rusă), au scos în evidență, din multitudinea fragmentelor ceramice grecești (net superioare celor getice), fragmente de la diverse amfore grecești, printre care se numără cele ale polisurilor Thasos, Mende, Peparethos, Sinope, Chersones, Cnidos, Cos, Rhodos, Milet (?) și cele de tip Murighiol. Dintre ștampilele provenite din punctul cunoscut inițial ca „Lutărie” [Lungu 1994, 139], numit mai târziu „Donca”, prezentăm câteva exemplare, descoperite în timpul săpăturilor de salvare și sistematice, efectuate de către autorii prezentelor rânduri începând din 2011 până în 2017.

Printre multiplele fragmente de amfore thasiene menționăm și șapte ștampile pe toarte¹. Prima aparține magistratului Ἀρέτων (nr. 9), cu emblema pasăre spre dreapta (325-324 a.Chr.); cea de a doua aparține magistratului Ἀριστοφάνης 2 (nr. 11), cu emblema cornul abundenței (315-310 a.Chr.); cea de a treia ștampilă, datată 309-300 a.Chr. aparține magistratului Κριτίας (nr. 12), având ca emblemă floarea; a patra ștampilă thasiacă de la *Donca* (Slava Rusă) aparține magistratului Μεγακλείδης (nr. 13) – emblemă cu coif de tip frigian (285-275 a.Chr.); două ștampile poartă numele magistratului Ἀμφανδρος, una având ca emblemă un kantharos (nr. 8), cealaltă (nr. 7) –

1. Cinci dintre ele au fost publicate pentru prima dată de colega Vasilica Lungu [Lungu 1994, 139, Catalog nr. 4,7,10,13,16].

tolba cu săgeți (344-332 a.Chr.)². De cele mai multe ori numele acestui magistrat apare pe ștampile în formă prescurtată (Ἀμφαν) [Garlan 1999, 267, nr. 844]. Ultima ștampilă thasiană aparține magistratului Ἀριστομένης 1 (nr. 10) cu emblema Heracles – arcaș (325-310 a.Chr.).

Printre buzele și picioarele de amfore sinopeene, recuperate de la Donca, se remarcă și trei toarte ștampilate: două sunt ștampile de magistrat și una – de producător. Una dintre ștampilele sinopeene aparține astynomului Κρατίσταρχος (nr. 14) (feciorul lui Μένωνος), activitatea acestuia desfășurându-se în perioada 285-284 a.Chr., respectiv producătorului Ἰστιάιος II, pe care Garlan îl consideră ca fiind tatăl unui alt producător sinopeean Ἀρίσταρχος (activ în grupa a VI-a) [Garlan 2004, 291]. Cealaltă ștampilă aparține magistratului Εὐχάριστος 2 (nr. 15), datată cu 268-267 a.Chr.³ În prima publicație, V. Lungu propune ca variantă de citire a numelui producătorului Θυαίας și oferă mai multe analogii pentru o astfel de citire a ștampilei [Lungu 1994, 145, nr. 37]. Or, citirea de către noi atât a ștampilei, cât și a estampajului, duce la o altă variantă – Νικίας, producător care, ca și Θυαίας, activează în cadrul grupelor cronologice a V-a și a VI-a⁴. Cea de a treia ștampilă sinopeeană este una de producător, reprezentată prin monograma ΘΕΥ⁵ (nr. 16), care este o ștampilă suplimentară, aplicată separat, de cele mai multe ori, pe cea de a doua toartă, indicând patronimicul producătorului, pe care Grakov îl admite ca fiind Ποσειδώνιος 1, producător din grupa a II-a și care este feciorul lui Θεόδωρος 1 [Grakov 1929, 14, 15, 18], supoziție confirmată mai târziu de Y. Garlan [Garlan 2004, 42-43]. Totodată, cercetătorul francez menționează că drept emblemă a atelierului lui Ποσειδώνιος 1 era floarea, iar tatăl său – Θεόδωρος 1 – a fost fondatorul unei mari dinastii de producători sinopeeni: nouă generații [Garlan 2004, 42], ale căror nume apare din grupa I-a până în grupa a VI-a [Garlan 2004, 42]. Această emblemă complementară – conținând primele

trei litere ale numelui Θεόδωρος – apare la producătorul Ποσειδώνιος 1 Θεόδωρου I, alături de cea a astynomului Ἀρίστων, gr. 1 (cca 352-351 a.Chr.), în care figurează drept emblemă stema oficială a Sinopei – vulturul pescar (vulturul pe delfin). Aceeași monogramă, în diverse variante, este complementară ștampilelor altor magistrați, cu emblema floare: Ἡρώνιος 1 gr. a II-a (325-324 a.Chr.), Ἀριστοκλῆς 1, gr. a III-a (311-310 a.Chr.), Θεαρίων Φίλωνος gr. a III-a (309-308 a.Chr.), Ἰκέσιος 1 gr. a III-a (302-301 a.Chr.), Μίκος 1 Πυρρίδου gr. a III-a, (301-300 a.Chr.), Ἀρτεμίδωρος gr. a IV-a (298-297 a.Chr.), Ποσειδώνιος 5 Αἰσχίνου gr. a IV-a (292-291 a.Chr.), Ναύπων 1 gr. A IV-a (287-286 a.Chr.) [Garlan 2004, 43]. Această monogramă, conținând patronimicul Θεόδωρου, este identică cu cea de la Donca (Slava Rusă) sau mult asemănătoare cu ea [Garlan 2004, Pl. LXX/620-625] și a putut să fie folosită de mai mulți membri ai acestei familii de producători, pe parcursul a circa șase decenii, membri care purtau acest patronimic, conform tradiției grecești, când primul fecior în familie lua numele bunicului patern etc.

În ultimul an de săpături la Donca a fost descoperită și o ștampilă chersonesiană, care, deși foarte ștearsă, ne-a oferit, totuși, suficientă informație pentru o citire corectă și, bineînțeles, pentru a o data (nr. 17). Fără îndoială este o ștampilă timpurie de magistrat, scrisă în două rânduri, unul fiind ocupat de numele magistratului, celălalt de titulatura magistraturii. În cazul exemplarului nostru, numele magistratului e plasat pe primul rând și începe cu Π... Din denumirea magistraturii (astynomiei) din rândul doi s-au păstrat două litere inițiale AC..., cea de a doua literă – sigma lunar – a oferit cheia spre citirea întregii ștampile: doar magistratul din sub-grupa 1B (după Katz), Πασιών, are transcrierea, în unele cazuri, cu această variantă a sigmei. Astfel, datarea acestei ștampile ar putea să se încadreze între anii 305 și 296 a.Chr.

Acest mic lot de ștampile oferă informații suplimentare despre ștampilele descoperite în siturile menționate mai sus, având ca scop plasarea în circuitul științific a noilor ștampile descoperite în această zonă.

2. Cu regret, nu am avut acces la această ștampilă înaintea redactării prezentului articol, iar fotografia din prima publicație nu este cea mai reușită.

3. Prima publicare a acestei ștampile aparține colegei Vasilica Lungu [Lungu 1994, 139, Catalog nr. 37].

4. Mulțumim colegilor O. Fateev (Ucraina) și Th. Castelli (Franța) pentru consultare.

5. Prima publicare a ștampilei la V. Lungu [Lungu 1994, 145, Catalog nr. 42].

Peceneaga-Baltina

1. [Θ]ασίων (fig. 1,1-1a)

delfinul spre dreapta

[Ἀ]ρέτων

Thasos. Ștampilă de magistrat – Ἀρέτων 1. Datarea: 325-324a.Chr. Asemănător la Bon [Bon 1957, nr. 246].

2. [Τηλε]φά[νης] (fig. 1,2-2a)

Cnemidă spre stânga

[Μ]εγακλείδ[ης]

Thasos. Ștampilă de magistrat – Τηλεφάνης 1 și producătorul Μεγακλείδης. Gr. G-2, după Garlan. Datarea: 345-335 a.Chr. [Garlan 1999, nr. 926] (aceeași matrice).

3. ἐπὶ Καρα[κύδεος] (fig. 1,3-3a)

strugure

[.....]

Heracleea. Ștampilă de magistrat – Καρακύδης. Gr. III-A, după Kats, anii 60 ai sec. al IV-lea a.Chr. Toate ștampilele acestui magistrat au o formă figurată, reprezentând un strugure și legenda plasată de-a lungul perimetrului emblemei. Nu avem siguranța, dar numele producătorului pare a fi Ἀρίστων.

Zimbru II

4. Ἀριστο(φῶν) |[Θασί]ων| (fig. 1,4-4a)

Semilună ↑[stea]

Thasos. Ștampilă de magistrat – Ἀριστο(φῶν) 2-3. Datare: cca. 284 a.Chr. Au fost semnalate încă două ștampile de acest fel, descoperite în timpul săpăturilor din cartierul Silène pe Thasos, (Th. 3943, et Th. 3957)⁶.

5. [ἐπὶ] Κ[αρακύδ]εος (fig. 1,5-5a)

strugure

Σάτυρος

Heracleea. Ștampilă de magistrat – Καρακύδης. Gr. III-A, anii 60 ai sec. al IV-lea a.Chr.

6. [Μν]ησικλέους (fig. 1,6-6a)

ἀστυνομοῦν(τος).

[Γ]ως strugure

Sinope. Ștampilă de magistrat – Μνησικλῆς 1. Gr. IV-C, cca. 283-283 a.Chr. Numele producătorului Γως. Asemănătoare la: [Conovici 1998, 68, nr. 73; Garlan 2004, 152, nr. 195]. Este o altă matrice decât cea de la Conovici și Garlan.

Slava Rusă

7. Εὐα[λκίδης] [Θ]ασίων Ἀμφαν(δρος)

Tolba cu săgeți

Thasos. Ștampilă de magistrat – Ἀμφανδρος. Gr. G-2, cca. 345-335 a.Chr. [Bon 1957, 651; Garlan 1986, 233].

8. [Ἀμ]φαν(δρος) | Θασ |[ι]ω[ν] (fig. 1,8-8a)

kantharos spre stânga

[Θευκλῆς]

6. Informație de la M. Debidour, căruia îi aducem mulțumirile noastre și pe această cale.

Thasos. Ștampilă de magistrat – Ἀμφανδρος. Gr. G-2, cca. 345-335 a.Chr. [Garlan 1999, nr. 844; Avram 1996, nr.170].

9. Θασί[ων] (fig. 1,9-9a)

Pasăre spre dreapta

[Ἀ]ρέτων

Thasos. Ștampilă de magistrat – Ἀρέτων. Datate: cca. 325-317 a.Chr. [Bon 1957, 247; Avram 1996, nr. 199].

10. [Ἀριστο|μέ](νης) | [...] [Θα|σίων] (fig. 1,10-10a)

Heracles arcaș ↑→

Thasos. Ștampilă de magistrat – Ἀριστομένης 1. Gr. C, anii 70 ai sec. al IV-lea a.Chr. Sunt cunoscuți mai mulți magistrați thasieni în ștampilele cărora figurează drept emblema a producătorului „Heracles arcaș”, dar fragmentul din emblema păstrată pe exemplarul de la Slava Rusă indică, mai degrabă, maniera gravorului din perioada de activitate a magistratului Ἀριστομένης 1. Același magistrat la: [Pridik, 1917, nr. 66, 68, 74, 76-78; Bon 1957, nr. 34 9-362]. Asemănătoare la: [Garlan 1999, nr. 314, 319, 322; Conovici 1996, nr. 26-29].

11. [Θασίων] (fig. 1,11-11a)

Cornul abundenței

[Ἀριστο]φάν(ης)

Thasos. Ștampilă de magistrat – Ἀριστοφάνης 2. Datate: cca. 315-310 a.Chr. [Garlan 1986, 245; Avram 1996, nr. 495].

12. Θασίων (fig. 1,12-12a)

Floare

[Κ]ριτίας

Thasos. Ștampilă de magistrat – Κριτίας. Datate: cca. 310-300 a.Chr. [Bon 1957, nr. 1068] (aceeași matrice).

13. Θασίων (fig. 1,13-13a)

Coif frigian

Μεγακλε|ίδης

Thasos. Ștampilă de magistrat – Μεγακλείδης. Datate: cca. 285-275 a.Chr. [Canarache 1957, nr. 45; Avram 1996, nr. 377a, 377b].

14. Ἰστιάιος. (fig. 1,14-14a)

ἄστυνόμο[υ] cap bărbos în profil ↑→

Κρατιστάρ[χου]

Sinope. Ștampilă de magistrat – Κρατίσταρχος ὁ Μένωνος. Datate: cca. 280-259 a.Chr., producător Ἰστιάιος din grupa cronologică a V-a. [Garlan 2004, nr. 296].

15. ἄστυνό[μου] (fig. 1,15-15a)

[Εὐ]χάρισ[τος].

[Νι]κίας

Sinope. Ștampilă de magistrat – Εὐχάριστος 2 Δημητρίου, producător Νικίας. Datate: cca. 268-267 a.Chr.

16. monograma ΘΕΥ (fig. 1,16-16a)

Sinope. O ștampilă de producător. Este un patronimic al producătorului Ποσειδώνιος 1 ὁ Θευδώρου 1. Gr. II. [Grakov 1929, 222, nr. 2 și pl. 14/2; Garlan 2004, nr. 620].

17. Π[ασίων] (fig. 1,17)

ασ[τυνόμου]

Chersones. Ștampilă de magistrat Πασίων. În denumirea magistraturii – sigma lunar. Cu siguranță și în numele magistratului ar trebui să fie la fel, aceeași variantă a sigmei. Sub-grupa 1B, cca. 305-296 a.Chr. [Katz 2007, 442, Anexa X]. Asemănător la: [Katz 1994, Tab. XXXIX/I-93, 5a, 6, 7, 8].

Fig. 1. Ștampile de amfore grecești din câteva situri getice din nord-estul Dobrogei.

Fig. 1. Timbres d'amphores grecques provenant de plusieurs sites gètes du nord-est de Dobrogea.

Bibliografie

- Avram 1996:** Al. Avram, Les timbres amphoriques.1. Thasos. Histria VIII (București-Paris 1996).
- Bon, Bon 1957:** A.M. Bon, A. Bon, Les timbres amphoriques de Thasos. Etudes Thasiennes IV (Paris 1957).
- Canarache 1957:** V. Canarache, Importul amforelor grecești la Istria (București 1957).
- Conovici et al. 1989:** N.Conovici, Al. Avram, Gh. Poenaru-Bordea, Nouveaux timbres amphoriques sinopeens de Callatis. Dacia 33, 1989, 111-124.
- Conovici 1998:** N. Conovici, Les timbres amphoriques. 2. Sinope. Histria VIII (București-Paris 1998).
- Garlan 1986:** Y. Garlan, Quelques nouveaux ateliers amphoriques a Thasos. Rcherches sur les amphores grecques. BCH, Suppl. XIII, 201-276 (Paris-Athene 1986).
- Garlan 1999:** Y. Garlan, Les timbres amphoriques de Thasos. Timbrsa protothasiens et thasiens anciens. Études Thasiennes XVIII, (Athènes-Paris 1999).
- Garlan 2004:** Y. Garlan, Les timbres céramiques sinopeens sur amphores et sur tuiles, trouvés à Sinope. Présentation et catalogue. Varia Anatolica XVI (Paris 2004).
- Grakov 1929:** B.N. Grakov, Drevnegrecheskie keramicheskie kleima s imenami astinomov, (Moskva 1929) // Б.Н. Граков, Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов (Москва 1929)
- Katz 1994:** V.I. Katz, Keramicheskie kleima Khersonesa Tavricheskogo. Katalog opredelitel'. (Saratov 1994) // В.И. Кац, Керамические клейма ХерсонесаТаврического. Каталог определитель (Саратов 1994).
- Katz 2007:** V.I. Katz, Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniia) (Simferopol'-Kerch' 2007) // В.И. Кац Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) (Симферополь-Керчь 2007).
- Lungu 1994:** V. Lungu, Amfore ștampilate din Nordul Dobrogei. Pontica 27, 1994, 133-155.
- Mateevici et al. 2015:** N. Mateevici, M. Iacob, D. Paraschiv, Descoperiri de amfore grecești în zona peceneaga din vestul Dobrogei. Tyrageia IX, 1, 2015, 161-166.
- Pridik 1917:** E.M Pridik, Inventarnyi katalog kleim na amfornykh ruchkakh i gorlyshkakh Ermitazhnogo sobraniia (Petrogad 1917) // Е.М. Придик, Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках Эрмитажного собрания (Петроград 1917).

Natalia Mateevici, dr., cercetător coordonator sectorul Arheologie, Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str.31 August 121A, Chișinău, 2005, Republica Moldova, e-mail: amforaelada@gmail.com

Mihaela Iacob, cercetător științific, Institutul de Studii Avansate pentru Cultura și Civilizația Levantului, Bulevardul Mareșal Constantin Prezan nr. 2A, sector 1, București, România, e-mail: iacobm9@yahoo.com

Dorel Paraschiv, cercetător științific, Institutul de Cercetări Eco-Muzeale „G. Simion” Tulcea, Str. Progresului nr. 32, Tulcea, România, e-mail: drlparaschiv@yahoo.com

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVII _ nr. 1

Revistă indexată în bazele de date
SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2021

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Responsabil de volum/responsible for volume: dr. **Ghenadie Sîrbu**

Secretar de redacție/editorial secretary: **Livia Sîrbu**

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Ștefan cel Mare si Sfânt bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul double blind peer-review
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели double blind peer-review
All the papers to be published will be reviewed by experts according the double blind peer-review model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Виталий Окатенко (<i>Харьков</i>), Сергей Скорый (<i>Киев</i>). Бронзовое блюдо с позолотой из Второго Караванского кургана раннескифской поры (Украинская Левобережная Лесостепь)	5
Татьяна Кузнецова (<i>Москва</i>). Античные традиции в генезисе зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка	17
Natalia Mateevici (<i>Chişinău</i>), Mihaela Iacob (<i>Bucureşti</i>), Dorel Paraschiv (<i>Tulcea</i>). Colecţia de ştampile de amfore greceşti din câteva situri getice din nord-estul Dobrogei	34
Nikolai Jefremow (<i>Greifswald</i>), Andrei Kolesnikov (<i>Moskau</i>), Elena Bolonkina (<i>Krim</i>). Neue Namen in den Keramikstempeln von Knidos in der Sammlung des Historisch-archäologischen Museums in Kerč (Krim)	41

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Сергей Рыжов , Валентина Шумова , Александр Дяченко (<i>Киев</i>). Исследования на поселении западнотрипольской культуры Колодистое II	46
Александр Могилов (<i>Киев</i>), Юрий Ляшко (<i>Каменка</i>), Сергей Руденко (<i>Чигирин</i>). Скифское всадническое погребение в бассейне р. Тясмин	59
Сергей Агульников , Виталий Железный (<i>Кишинев</i>). Могильник ногайской культуры у с. Казаклия	81
Vasile Paul Scrobotă (<i>Aiud</i>), Elena Gherman (<i>Iaşi</i>). Cercetări de supraveghere arheologică la obiectivul colegiul „Bethlen Gabor” din municipiul Aiud, jud. Alba. Campania 2012	99

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Mariana Gugeanu , Maria Geba (<i>Iaşi</i>). Investigaţii non-invazive aplicate textilelor arheologice de la Mănăstirea Căpriană	113
--	-----

RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Stanislav Țerna , Mariana Vasilache , <i>Figurinele antropomorfe din etapa Cucuteni A din interfluviul pruto-nistean: (în baza colecţiilor Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei)</i> Biblioteca Tyragetia, 31. Chişinău 2019, 264 pagini şi 63 planşe. ISBN 978-9975-87-562-2 (Илья Палагута, Санкт-Петербург)	120
---	-----

IN HONOREM

К юбилею археолога Анатолия Федоровича Гуцала (Александр Могилов, Виталий Гуцал, Киев)	125
--	-----

Doctorul habilitat EUGEN SAVA la 65 ani (Mariana Sîrbu, <i>Chişinău</i>)	128
---	-----

IN MEMORIAM

In memoriam colegului şi prietenului Oleg Leviţki (Alexandru Furtună, <i>Chişinău</i>)	133
---	-----

In memoriam Olga Larina (15.11.1952 – 01.2021) (Sergiu Bodean, <i>Chişinău</i>)	134
--	-----

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION	137
---	-----

INFORMAȚII ŞI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE	138
--	-----

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE	139
--	-----

Nikolai Jefremow, Andrei Kolesnikov, Elena Bolonkina

Neue Namen in den Keramikstempeln von Knidos in der Sammlung des Historisch-archäologischen Museums in Kerč (Krim)

„Dass etwas neu ist und daher gesagt werden sollte,
merkt man erst, wenn man auf scharfen Widerspruch stößt“.

Konrad Lorenz

Keywords: Knidos, symbol, prow, coins, Ist chronological group, Bosporus, magistrats, fabricants, Zenon.

Cuvinte cheie: Knidos, simbol, „nasul navei“, prima grupă cronologică, Bosfor, magistrați, producători, Zenon.

Ключевые слова: Книд, эмблема, «нос корабля», монеты, 1-ая хронологическая группа, Боспор, магистраты, фабриканты, Зенон.

Nikolai Jefremow, Andrei Kolesnikov, Elena Bolonkina

New names in the ceramic stamps of Cnidus from the collection of the Kerch Historical and Archaeological Museum's complex

In the article are published four amphora stamps of Cnidus of the Ist chronological group, with hitherto unknown names Κέραμος, Ξένων and Τιμᾶναξ. A comparison with other types within the group, as well as with specimens of Zenon's group with the emblem of "prow", allows to classify the first of them as late, and the other two as early and date, respectively, within wide limits after 332 and before 280 BC.

Nikolai Jefremow, Andrei Kolesnikov, Elena Bolonkina

Nume noi pe ștampilele ceramice de tip Knidos din colecția complexului muzeal de istorie și arheologie din Kerch

În articol sunt prezentate patru ștampile de Knidos, din prima grupă cronologică cu nume necunoscute până acum Κέραμος, Ξένων și Τιμᾶναξ. Analiza comparativă a acestora cu alte tipuri din cadrul grupei, precum și cu exemplarele din grupul Zenon cu emblema „prora”, ne permite să o încadrăm pe prima perioadei mai târzii, iar celelalte două mai timpurii și să le datăm, respectiv, în limite cronologice destul de largi – după anii 332 și până la 280 a. Chr.

Николай Ефремов, Андрей Колесников, Елена Болонкина

Новые имена в керамических клеймах Книда из собрания Керченского историко-археологического музея заповедника

В статье публикуются четыре клейма Книда I-ой хронологической группы с неизвестными до сих пор именами Κέραμος, Ξένων и Τιμᾶναξ. Сравнение с другими типами внутри группы, а также с экземплярами группы Зенона с эмблемой «прора» позволяют отнести первого из них к числу поздних, а двух других – к числу ранних и датировать соответственно в широких пределах после 332 и до 280 гг. до н.э.

Archäologische Grabungen und Surveys auf dem Territorium des Bosporanischen Reiches bescherten immer wieder eine Menge an Daten über die Handelsaktivitäten der Region in der Antike. Eine wichtige Quelle für die Forschungen auf diesem Gebiet stellen griechische Keramikstempel dar. Allein in den Depots des Kerč Museums werden mehr als 35.000 solcher Stücke aufbewahrt. Materialien des Museums dienten als Grundlage für die Publikation von zwei Korpora der Keramikstempel: [Fedoseev 2012; 2016]. Einen unbedeutenden Teil unter diesen bilden Abdrücke auf den Henkeln der Amphoren von Knidos. Einige von ihnen wurden

bereits mehr oder weniger in den Publikationen bekannt gemacht [Jefremow 1995; Bolonkina, Jefremow, Kolesnikov 2019]. Die anderen werden nach und nach publiziert. Eine besondere und recht zahlreiche Gruppe innerhalb der Gesamtmasse der knidischen Stempel bilden die Stücke mit dem Symbol „πρῶρα“ alias „Schiffsbug“ – dem Staatswappen der Polis in der hellenistischen Zeit [vgl.: Börker 1986, 474, 477; Panagou 2010, Εικ. 25. 2a-β; Killen 2015, 257, Taf. 33, 5], welches auch als Münzembleme belegt ist (Abb. 10-11). Im Einklang mit der gültigen Klassifizierung gehören diese Stempel in die I. Chronologische Gruppe. Deren absolute Datierung wird

allerdings sehr breit angelegt. In Angesicht des Fehlens anderer Daten nimmt man das Gründungsdatum von Alexandrien in Ägypten durch Alexander den Großen als terminus post quem [Börker 1986, 474 f.] an. Ähnlich äußert sich V. I. Kats [Kats 2007, 222 f.]: „Es ist nicht ausgeschlossen, dass die Abdrucke mit dem Staatswappen der Polis gleich nach der Befreiung von Knidos von der persischen Herrschaft durch Alexander den Großen 332 v. Chr. zu datieren sind“. Es gibt ganz offensichtlich keinen Beweggrund zu beweisen, dass ein solcher „Ausgangspunkt“ für die Chronologie der Gruppe sehr gewagt ist, und allein die Funde knidischer Stempel dieser Periode nicht als Zeugnis deren Datierung gleich nach dem Gründungsjahr der Stadt 331¹ dienen und kein genaueres Datum liefern können [Monachov 2003, 103; Jefremow 2013, 449 f.]. Deshalb entbehrt jeglicher Grundlage auch die Datierung 325 v. Chr. [Cankardeş Şenol 2006, 73; Cankardeş Şenol 2015, 170]. Für den terminus ante quem gibt es außer die auf den indirekten Hinweisen fußenden Mutmaßungen, keine weiteren Beweise für den Beginn der II. chronologischen Gruppe ca. 280 r. [Jefremow 1992, 258, Anm. 28; Jefremow 1995, 63-64, Anm. 543; Jefremow 2013, 423; Cankardeş Şenol 2006, 73; Cankardeş Şenol 2015, 170; Gülsefa 2016, 43], wobei dieses Datum zuweilen absolut verstanden wird. Eine etwas „schmalere“ Datierung Ende des IV. – Anfang des III. Jh.s, erwägt Ch. Börker [Börker 1986, 474 f.] Dennoch kollidiert diese mit der Gesamtzahl von 24 Namen, die nach seiner Meinung Amtsinhaber sein sollten. Bis heute sind eindeutig 33 Eigennamen auf den Stempeln mit dem Symbol „Schiffsbug“ bezeugt, außerdem ist ein Name als zweifelhaft anzusehen. Aus der Liste ist zu streichen Περιθύμος [Jefremow 2013, 438, №XXII (161-162)]. Außerdem ist zweifelhaft Πανσανίας, der nur auf einigen schlecht erhaltenen Exemplaren in der Sammlung von Hermitage in St. Petersburg bekannt ist [Jefremow 2013, 437, №XX (148-152)]. Dagegen muss Ἀριστόδαμος wieder als Name in dieser Gruppe „rehabilitiert“ werden: [Jefremow 2018, 544]. Ein neuer, überarbeiteter, überprüfter und ergänzter Korpus knidischer Stempel der I. chronologischen Gruppe wird von uns vorbereitet.

Dmitri B. Šelov und Christoph Börker meinten, dass sich unter den Namen dieser Stempel knidische Amtsträger (Magistrate) verbergen [Shelov

1957, 215; Börker 1986, 474; Empereur, Garlan 1992, 27]. Dennoch stehen die meisten Namen, falls sie nicht abgekürzt sind, im Nominativ, was gerade ein Charakteristikum der Fabrikanten-Stempel ist [Jefremow 1995, 62]. Allerdings soll der Begriff „Fabrikant“ eher im technischen Sinne als „zweiter Name“ und nicht unbedingt als der Name des Werkstatteigentümers verstanden werden [Jefremow 1995, 17-19, 25; Börker, Burow 1997, 15 f.; Börker 2019, 79-81, 83, 87]. Ferner muss vermerkt werden, dass in einer Reihe von Produktionszentren gerade die Stücke der Fabrikanten den Anfang der Tradition der Keramikstempelung markiert haben, wie etwa in Rhodos, Herakleia Pontike und Sinope [Chesmistrenko 1958, 59-77; Kats 2007, 205, 208, 212, 238, Taf. 7: 252, Abb. 58].

Andererseits würde die Interpretation der Namensträger dieser chronologischen Gruppe durch B. Shelov und K. Börker optimal mit deren Datierung in den Zeitrahmen 311-280 v. Chr. übereinstimmen [Jefremow 1995, 62 f., Anm. 543; Jefremow 2013, 420, 449].

Alle drei hier publizierten neuen Stempel (Abb. 1-3) wurden im Gebiet des Bosporanischen Reiches entdeckt. Drei von ihnen stammen aus den planmäßigen Grabungen in Pantikapaion (heute Kerč) und auf der Chora von Gorgippeia (heute Anapa) (Κέραμος, Ξένων), und der vierte wurde bei den Unterwasserarbeiten in der Meerenge von Kerč (Τιῶναξ) gefunden².

1. Κέραμος

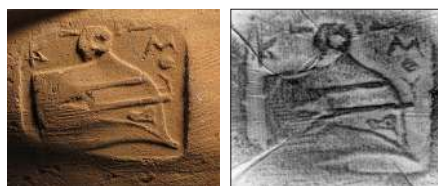

Abb. 1

Κ[ε[ρά]]μου
Schiffsbug ⇒

ΚΙΚ3 ΚΠ 181088 ΚΚΚ-25970. Kerč. Grabungen auf dem Berg Mithridates.

Über die Namen – Derivaten von den Zeichnungen bzw. von denen mit ihnen verbunde-

1. Alle Daten, falls das nicht gesondert vermerkt ist, beziehen sich auf die Zeit v. Chr.

2. Für die außerordentlich freundliche Erlaubnis diese Stempel zu publizieren, möchten wir uns an dieser Stelle bei den Herren Dr. V.P. Tolstikov und S.V. Olkhowski (beide Moskau) bedanken.

nen Erzeugnissen s. Bechtel 1917, 514 ff., 607 f. So ist zum Beispiel der äußerst seltene Eigenname Κεράμων – eine Ableitung von κέραμος: Bechtel 1917, 609 (Athen). Im Lexikon der griechischen Eigennamen ist der Name Κέραμος nur ein Mal für Sparta vermerkt: LGPN IIIA, 240. Weniger wahrscheinlich sind (LGPN Va) Κεραίας (Kolophon), Κεράσις (Lydien), Κέραννος (Herakleia Pontike); (LGPN IIIA: Lakonien) Κέραμβος Κέρας, Κέρδος.

2. Τιμᾶναξ

Abb. 2

⇐ Τιμᾶ|ναξ
Schiffsbug

Па6-2017 (Ак-Бурун). Р 278А С 1 № 12/2.

Meerenge von Kerč. Während der Eigenname Τιμῶναξ im LGPN 57 Mal vermerkt ist, verzeichnet man dort den Namen Τιμᾶναξ nur 23 Mal, darunter 17 Mal auf den Inseln: 15–Rhodos, 2–Chios (LGPN I: 437), dann 5 Mal in Athen (LGPN II: 428) und 1 Mal in Knidos (LGPN VB: 408), wo er in der Liste der Prostaten von Pirinda aus der zweiten Hälfte des IV Jh. (IvKnidos: 11, Nr. 22 I:7) vorkommt.

3. Ξένων

Abb. 3

⇐ Ξέ|νων (rückläufig)
Schiffsbug

1. Пан. 2020 НВМ KB 84 КП 199466
ВКИКМ 3 (Pantikapaion. Die obere Stadt).
2. Khutor „Lenina“ bei Anapa (Gorgippeia); Кап-гин 2020: 923, 981, Abb. 8, 19: falsch gelesen als [Αλ]εξί[ν]ο[ς].

Alle fünf Buchstaben sind recht gut erkennbar. Sie sind retrograd gescriben und befinden sich am oberen und linken Rand des Stempels. Unten sind keine Buchstaben zu sehen und trotz des schlechteren Erhaltungszustandes ist offensichtlich, dass die Legende mit dem Stamm-„ν“ endete, was mehrere Lesungen des Namens möglich macht: Ξενώνδης (LGPN I: 343), Ξενωνιανός (LGPN II: 242), Ξενωνίδης (LGPN II: 347 f.), Ξενωνίς (LGPN I: 346) und schließlich Ξένων. Gerade dieser letzte Name genoss eine große Popularität. Im Lexicon of Greek Personal Names gibt es auf ihn bezogen 578 Einträge. In Karien ist er 6 Mal registriert: in Iasos, Mylasa, Tralleis und im benachbarten Milet (LGPN VB: 324). Darüber hinaus ist in Knidos selbst im III. Jh. auch ein recht verbreiteter weiblicher Name Ξενώ (IvKnidos, Nr. 140; LGPN VB: 324) belegt, wohl einer Fremden, da die Inschrift, wo dieser auftaucht, im ionischen Dialekt verfasst ist (Ebd., S. 82).

Ein Vergleich mit den einzelnen Elementen der Legende, deren Verteilung in den Abdrücken sowie der Interpretation vom Symbol in den Stempeln dieser chronologischen Gruppe erlaubt es, die Stücke des Τιμᾶναξ und des Ξένων etwas früher als die des Fabrikanten Κέραμος zu datieren. Zugunsten dieser These zeugen folgende Merkmale: der Symbol „Schiffsbug“ in seinem Abdruck ist nach rechts gerichtet, während der Name im Genetiv steht, was kein typisches Kennzeichen der früheren Stempel ist. Dies bestätigen sowohl die anderen Abdrücke dieser chronologischen Gruppe (Abb. 6-8) als auch die Stempel der sog. Zenon-Gruppe, die einen späteren ikonographischen Typus wiedergeben (Abb. 4-5). In jenen letzten setzten die Graveure bereits nach dem Verschwinden der „klassischen Stempel“ der I. chronologischen Gruppe fort, noch eine Zeit lang das Staatswappen in die Stempel zu setzen, bevor es endgültig durch die symbollosen Stücke der II. chronologischen Gruppe verdrängt wurde [Bolonkina, Jefremow, Kolesnikov 2019, 28 f.; Jefremow, Kolesnikov, Bolonkina 2021].

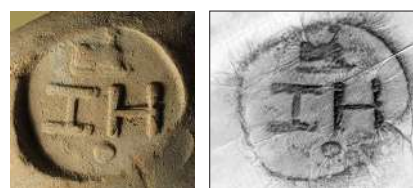

Abb. 4

Abb. 5

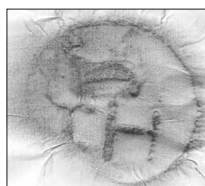

Abb. 10

Abb. 6

Abb. 7

Abb. 11

Abb. 8

Abb. 9

Literaturliste

Bechtel 1917: F. Bechtel, Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit (Halle 1917). Re-print Hildesheim-New York 1982.

Bolonkina, Jefremow, Kolesnikov 2019: E.V. Bolonkina, N.V. Jefremow, A.B. Kolesnikov, K khronologii rannikh keramicheskikh kleim ellinisticheskogo Knida. In: (red. D.A. Kostromichev) ARKHONT (Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiia, nakhodka, teorii). Materialy nauchnoi konferentsii, 17-19 sentiabria 2019 goda, Sevastopol' (Sevastopol' 2019), 26-32 // E.B. Болонкина, N.V. Ефремов, А.В. Колесников, К хронологии ранних керамических клейм эллинистического Книда. В: (ред. Д.А. Костромичёв) АРХООНТ (Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории). Материалы научной конференции Севастополь, 17-19 сентября 2019 года (Севастополь 2019), 26-32.

Bolonkina, Jefremow, Kolesnikov 2019a: E.V. Bolonkina, N.V. Jefremow, A.B. Kolesnikov, Novye varianty keramicheskikh kleim ranneellinisticheskogo Knida. AMA 19, 2019, 274-317 // E.B. Болонкина, Н.В. Ефремов, А.В. Колесников, Новые варианты керамических клейм раннеэллинистического Книда. AMA 19, 2019, 274-317.

Börker 1986: Chr. Börker, Die Herkunft der Schiffsbug-Stempel. In: (eds. J.-Y. Garlan) Empereur. Recherches sur les amphores grecques. Actes du Colloque international organise pa le Centre national de la recherche scientifique, l'Université de Rennes II et l'École française d'Athènes, 10-12 septembre 1984 (BCH Suppl. XIII) (Paris 1986), 473-478.

Börker 2019: Chr. Börker, Der ἐργαστηριάρχης und die rhodischen Amphorenstempel. ZPE 209, 78-90.

Börker, Burow 1997: Chr. Börker, J. Burow, Die hellenistischen Amphorenstempel aus Pergamon. Der Pergamon-Komplex. Die übrigen Stempel aus Pergamon. Pergamenische Forschungen 11 (Berlin 1997).

Cankardeş Şenol 2006: G. Cankardeş Şenol, Klasik ve hellenistic dönem'de Mühürlü amphora üreten merkezler ve mühürleme sistemleri (Ege Yayinlari) (Istanbul 2006).

Cankardeş Şenol 2015: G. Cankardeş Şenol, Early Cnidian Amphora Exports to Alexandria, Egypt. Recent Studies on the Archaeology of Anatolia. BAR International Series 2750, 2006, 169-192.

Fedoseev 2012: N.F. Fedoseev, Kolleksiia keramicheskikh kleim iz sobraniia Kerchenskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika. Tom I. Bospor (Kiev 2012) // Н.Ф. Федосеев, Коллекция керамических клейм из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Том I. Боспор (Киев 2012).

Fedoseev 2012: N.F. Fedoseev, Keramicheskie kleima iz sobraniia Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeia-zapovednika. Tom II. Gerakleia Pontiiskaia (Kerch' 2012) // Н.Ф. Федосеев, Керамические клейма из собрания Восточно-крымского историко-культурного музея-заповедника. Том II. Гераклея Понтийская (Керчь 2012).

Gülsefa 2016: G. Gülsefa, 2006-2013 Myndos Kazilarinda Bulunan Amphoralar ve Amphora Mühür Buluntulari. In: (ed. D. Şhin) Myndos Kazi ve Araştırmaları I, Bursa, 2016, 35-160.

Jefremow 1995: N. Jefremow, Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos (München 1995).

Jefremow 1992: N.V. Jefremow, K istorii svyazei Knida s Sevennym Prichernomor'em. In: (red. V.I. Kats, S.Iu. Monachov) Grecheskie amfory. Problemy razvitiia remesla i trgovli v antichnom mire. Tematicheskii sbornik (Saratov 1992), 254-265 // Н.В. Ефремов, К истории связей Книда с Северным Причерноморьем. В: (ред. В.И. Кац, С.Ю. Монахов). Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире. Тематический сборник (Саратов 1992), 254-265.

Jefremow 2018: N.V. Jefremow, Dvadtsat' let spustia. Primechaniia k keramicheskim kleimam Knida. In: (red. A.N. Kovalenko) Prichernomor'e v antichnoe i srednevekovoe vremia. Vypusk 2. Sbornik nauchnykh trudov, posviashchennyi 70-letiiu professora V.P. Kopylova (Rostov na Donu 2018), 542-561 // Н.В. Ефремов, Двадцать лет спустя. Примечания к керамическим клеймам раннеэллинистического Книда. В: (ред. А.Н. Коваленко) Причерноморье в античное и средневековое время. Выпуск 2. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора В.П. Копылова (Ростов на Дону 2018), 542-561.

Jefremow, Kolesnikov, Bolonkina 2021: N.V. Jefremow, A.B. Kolesnikov, J.V. Bolonkina, Zur Chronologie der Amphorenstempel des frühhellenistischen Knidos. Einige Bemerkungen zu den Stempeln der Zenon-Gruppe. In: AA (im Druck).

Kargin 2020: Iu.Iu. Kargin, Keramicheskie kleima iz raskopok poseleniia „Lenina“ v okrestnostiakh Gorgippii v 2018 g. MAIASP 12, 2020, 914-995 // Ю.Ю. Каргин, Керамические клейма из раскопок поселения «Ленина» в окрестностях античной Горгиппии в 2018 г. МАИАСП 12, 2020, 914-995.

Kats 2007: V.I. Kats, Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniia). Bosporskie issledovaniia, vyp. XVIII (Simferopol'-Kerch' 2007) // В.И. Кац, Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Боспорские исследования, вып. XVIII (Симферополь-Керчь 2007).

Killen 2015: S. Killen, Parasema. Offizielle Symbole griechischer Poleis und Bundesstaaten. Archäologische Forschungen, Bd. 36 (Wiesbaden XII).

Lund 2018: J. Lund, A note on the so-called fabricants of Knidian amphorae. Skyllis 18.1, 2018, 79-84.

LGPN I 1987: A Lexicon of Greek Personal Names (The British Academy) (eds. P.M. Fraser, E. Matthews), Vol. 1: The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica, XXXV (Oxford 1987).

LGPN II 1994: A Lexicon of Greek Personal Names (The British Academy) (eds. M. Osborne, P.M. Fraser), Vol. 2: Attica (British Academy), XIX (Oxford 1994).

LGPN IIIA 1997: A Lexicon of Greek Personal Names (The British Academy). (eds. P.M. Fraser, E. Matthews), Vol. IIIA: The Peloponnese, Western Greece, Sicily and Magna Graecia (British Academy), XXXI (Oxford 1997).

LGPN VA 2010: A Lexicon of Greek Personal Names (The British Academy). (ed. Th. Corsten), Vol. VA: Coastal Asia Minor: Pontos to Ionia (Oxford 2010).

LGPN VB 2018: A Lexicon of Greek Personal Names (The British Academy) (eds. J.-S. Balzat et al.), Vol. VB: Coastal Asia Minor: Caria to Cilicia (Oxford 2018).

Shelov 1957: D.B. Shelov, Kleima na amforakh i cherepitsach, naidennykh pri raskopkakh Pantikapeia v 1945-1948 gg. MIA 56, 1957, 202-227 // Д.Б. Шелов, Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантিকাпея в 1945-1949 гг. МИА 56, 1957, 202-227.

Tsekhmistrenko 1960: V.I. Tsekhmistrenko, Sinopskie keramicheskie kleima s imenami goncharnykh masterov. SA 3, 1960, 59-77 // В.И. Цехмистренко, Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров. СА 3, 1960, 59-77.

Nikolai Jefremow, Abt. Klassische Philologie, Historisches Institut der Ernst-Moritz-Arndt-Universität-Greifswald, Domstraße 9 A, 17487 Greifswald, Deutschland, e-mail: nikolai.jefremow@gmx.de

Andrei Kolesnikov, Institut für Archäologie der Russischen Akademie der Wissenschaften, Ul. Dmitri Uljanov 19, 117292 Moskau, e-mail: abkolesnikov60@mail.ru

Jelena Bolonkina, Historisch-archäologisches Museum zu Kerč, Ul. Swerdlowa 22, Kerč, Krim, e-mail: lenabolonkina@mail.ru

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVII _ nr. 1

Revistă indexată în bazele de date
SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2021

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Responsabil de volum/responsible for volume: dr. **Ghenadie Sîrbu**

Secretar de redacție/editorial secretary: **Livia Sîrbu**

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Ștefan cel Mare si Sfânt bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul double blind peer-review
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели double blind peer-review
All the papers to be published will be reviewed by experts according the double blind peer-review model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Виталий Окатенко (<i>Харьков</i>), Сергей Скорый (<i>Киев</i>). Бронзовое блюдо с позолотой из Второго Караванского кургана раннескифской поры (Украинская Левобережная Лесостепь)	5
Татьяна Кузнецова (<i>Москва</i>). Античные традиции в генезисе зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка	17
Natalia Mateevici (<i>Chişinău</i>), Mihaela Iacob (<i>Bucureşti</i>), Dorel Paraschiv (<i>Tulcea</i>). Colecţia de ştampile de amfore greceşti din câteva situri getice din nord-estul Dobrogei	34
Nikolai Jefremow (<i>Greifswald</i>), Andrei Kolesnikov (<i>Moskau</i>), Elena Bolonkina (<i>Krim</i>). Neue Namen in den Keramikstempeln von Knidos in der Sammlung des Historisch-archäologischen Museums in Kerč (Krim)	41

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Сергей Рыжов , Валентина Шумова , Александр Дяченко (<i>Киев</i>). Исследования на поселении западнотрипольской культуры Колодистое II	46
Александр Могилов (<i>Киев</i>), Юрий Ляшко (<i>Каменка</i>), Сергей Руденко (<i>Чигирин</i>). Скифское всадническое погребение в бассейне р. Тясмин	59
Сергей Агульников , Виталий Железный (<i>Кишинев</i>). Могильник ногайской культуры у с. Казаклия	81
Vasile Paul Scrobotă (<i>Aiud</i>), Elena Gherman (<i>Iaşi</i>). Cercetări de supraveghere arheologică la obiectivul colegiul „Bethlen Gabor” din municipiul Aiud, jud. Alba. Campania 2012	99

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Mariana Gugeanu , Maria Geba (<i>Iaşi</i>). Investigaţii non-invazive aplicate textilelor arheologice de la Mănăstirea Căpriană	113
--	-----

RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Stanislav Țerna , Mariana Vasilache , <i>Figurinele antropomorfe din etapa Cucuteni A din interfluviul pruto-nistean: (în baza colecţiilor Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei)</i> Biblioteca Tyragetia, 31. Chişinău 2019, 264 pagini şi 63 planşe. ISBN 978-9975-87-562-2 (Илья Палагута, Санкт-Петербург)	120
---	-----

IN HONOREM

К юбилею археолога Анатолия Федоровича Гуцала (Александр Могилов, Виталий Гуцал, Киев)	125
--	-----

Doctorul habilitat EUGEN SAVA la 65 ani (Mariana Sîrbu, <i>Chişinău</i>)	128
---	-----

IN MEMORIAM

In memoriam colegului şi prietenului Oleg Leviţki (Alexandru Furtună, <i>Chişinău</i>)	133
---	-----

In memoriam Olga Larina (15.11.1952 – 01.2021) (Sergiu Bodean, <i>Chişinău</i>)	134
--	-----

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION	137
---	-----

INFORMAȚII ŞI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE	138
--	-----

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE	139
--	-----

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Сергей Рыжов, Валентина Шумова, Александр Дяченко

Исследования на поселении западнотрипольской культуры Колодистое II

Keywords: Western Tripolye culture, Nebelevskaya local group, Southern Bug and Dnieper interfluve, ceramics, ploschadki.

Cuvinte cheie: cultura Vest tripoliană, grupul local Nebelevka, interfluviul Bug-Nipru, ceramică, platforme.

Ключевые слова: западнотрипольская культура, небелевская локально-хронологическая группа, Буго-Днепровское междуречье, керамика, трипольские площадки.

Sergei Ryzhov, Valentina Shumova, Aleksandr Diachenko

Investigations on the Western Tripolye culture Kolodistoe II settlement

This paper presents the analysis of the remains of two dwellings excavated at the Western Tripolye culture settlement of Kolodistoe II in 2004 and the obtained collections of ceramics, figurines and tools made of stone, flint and bone. The analysis of ceramic complex contributes to the understanding of the evolution of technology, morphology and ornamentation of Tripolye pottery in the Southern Bug and Dnieper interfluve. One of the two dwellings had one storey, while two-storeyed dwellings dominate in the Tripolye settlements in this region. Analysis of the pottery collection enables referring Kolodistoe II to the second (late) phase of Nebelevskaya local group of the Western Tripolye culture of the end of Tripolye BII period. Construction techniques applied to producing of the interior elements and their location in the dwellings of Kolodistoe II and other settlements of Nebelevskaya group may indicate that, while migrating to the Southern Bug and Dnieper interfluve, populations of Mereshevskaya group also brought their traditions of organizing interior of houses.

Sergei Ryzhov, Valentina Shumova, Aleksandr Diachenko

Investigații în așezarea culturii Vesttripoliene Kolodistoe II

În articol sunt analizate două construcții de suprafață, descoperite în anul 2004, în așezarea Kolodistoe II atribuite culturii Vesttripoliene, precu și colecția de ceramică, plastică și unelte descoperite în aceste complexe. Studiarea ceramicii vine să completeze datele despre evoluția tehnologică, morfologică și al ornamentării vaselor tripoliene din interfluviul Bug-Nipru. Una din cele două platforme, în rezultatul reconstrucției, a fost catalogată ca construcție cu un singur nivel. Astfel, aceasta prezintă interes, dat fiind faptul, că în așezările tripoliene din regiunea menționată predomină platformele cu două nivele. Analiza vestigiilor permite atribuirea așezării Kolodistoe II celei de a doua faze (târzii) a grupului local Nebelivka, aparținând culturii Vesttripoliene de la finalul Tripolie BII. Tehnicile de construcție ale detaliilor de interior vin să confirme faptul, că purtătorii grupului Mereshovka, care au migrat în interfluviul Bug-Nipru, au adus cu ei și tradițiile de amenajare a locuințelor.

Сергей Рыжов, Валентина Шумова, Александр Дяченко

Исследования на поселении западнотрипольской культуры Колодистое II

В данной статье рассмотрены остатки двух наземных построек, исследованных на западнотрипольском поселении Колодистое II в 2004 г. и происходящие из них коллекции керамической посуды, пластики, орудий труда. Анализ керамического комплекса дополняет понимание эволюции технологии, морфологии и орнаментации трипольской посуды Буго-Днепровского междуречья. Одна из двух исследованных на поселении площадок реконструируется как одноэтажная постройка. Потому последняя представляет особенный интерес ввиду доминирования двухэтажных сооружений на трипольских поселениях региона. Анализ материала позволяет отнести Колодистое II ко второй (поздней) фазе небелевской локально-хронологической группы западнотрипольской культуры финала этапа Триполье BII. Конструктивные приемы сооружения деталей интерьера и их расположение в постройках Колодистого II и других поселений небелевской группы могут свидетельствовать о том, что мигрировавшее в Буго-Днепровское междуречье население мерешовской группы принесло с собой традиции обустройства интерьера жилищ.

Введение

За последнее десятилетие трипольские поселения Буго-Днепровского междуречья стали объектом возрастающего интереса и активных дискуссий в европейской археологии. Такому интересу во многом способствовала работа на поселениях-гигантах или мега-поселениях (англ. *mega-sites*) в рамках международных проектов [Menotti, Korvin-Piotrovskiy 2012; Müller et al. 2016; Gaidarska 2020; Ohlrau 2020]. Поскольку понимание формирования, развития, функционирования и оставления крупных поселений требует их анализа в контексте общей системы расселения трипольского населения в регионе, одной из актуальных задач является введение в научный оборот материалов раскопок памятников сравнительно небольших размеров.

В данной статье мы рассматриваем остатки двух наземных построек, исследованных на поселении Колодистое II в 2004 г. и происходящие из них коллекции керамической посуды, пластики, орудий труда. Анализ керамического комплекса дополняет понимание эволюции технологии, морфологии и орнаментации трипольской посуды Буго-Днепровского междуречья. Одна из двух исследованных на поселении площадок (остатков сожженных в ритуальных пожарах жилищ) реконструируется как одноэтажная постройка с чердаком. Потому последняя представляет особенный интерес ввиду доминирования двухэтажных сооружений на трипольских поселениях региона [Kruts 1990; 2003; Chernovol 2012a; 2019].

Локализация поселения и краткая история его исследования

Трипольское поселение Колодистое II находится в 2,5 км на юго-восток от известочного трипольского поселения Колодистое I, исследования на котором проводили В. Доманицкий и М. Беяшевский. Поселение Колодистое II расположено на землях сел Колодистое (до последней административной реформы – Тальновский район Черкасской области) и Луковка (бывший Катеринопольский район Черкасской области). Границей земель этих сел является проходящая через трипольский памятник с запада на восток лесопосадка. Участок плато, на котором расположен памятник,

с юга ограничен изгибом р. Гнилой Тикич, с запада – ручьем Колодыстым, а с северо-востока – широкой неглубокой древней балкой (рис. 1,1). Площадь памятника не превышает 15 га. Поселение, застроенное наземными жилищами, вероятно, имело эллиптическую планировку.

Поселение Колодистое II открыто в конце XIX века В. Доманицким [Domanitskii 1899, 174-176; 1901]. В 1960х памятник был обследован сотрудниками Уманского районного историко-краеведческого музея [Stefanovich, Didenko 1968, 534]. В 2004 году здесь были проведены археологические раскопки, однако в научный оборот введена лишь краткая информация об их результатах [Ryzhov et al. 2005]. В процессе проводившихся в центральной части поселения работ исследованы остатки двух построек и часть углубленного объекта. Трипольские площадки из этих раскопок отдельно проанализированы Д. Черноволом (2019), однако его интерпретация экстерьера и интерьера жилищ отличается от предложенной ниже. Остатки еще одной постройки были выявлены в углу раскопа, но последняя не была исследованной полностью из-за отсутствия времени (рис. 1,2).

Площадки

Площадка 1 размерами 10,6х6,2 м имела близкую к прямоугольной в плане форму и была ориентирована по линии север – юг. Площадка состояла из двух слоев обожженной глины. Верхний, более массивный, слой толщиной 7-12 см залегал в виде скоплений амфорной формы, перемежавшихся с глиняной «крошкой». В глине присутствовали примеси половы. Обжиг достаточно сильный, но неравномерный. Верхняя часть поверхности небрежно заглажена, а нижняя несет отпечатки элементов деревянной конструкции – узких плах, жердей, прутьев. Отпечатки преимущественно ориентированы перпендикулярно длинной оси сооружения. Отдельные фрагменты обмазки лежали на ребре или были перевернуты. С верхним слоем связаны находки столовой и кухонной керамики, сосредоточенные в северо-восточной части площадки – развалы нескольких мисок, сфероконических сосудов, двух столовых горшков, кубка.

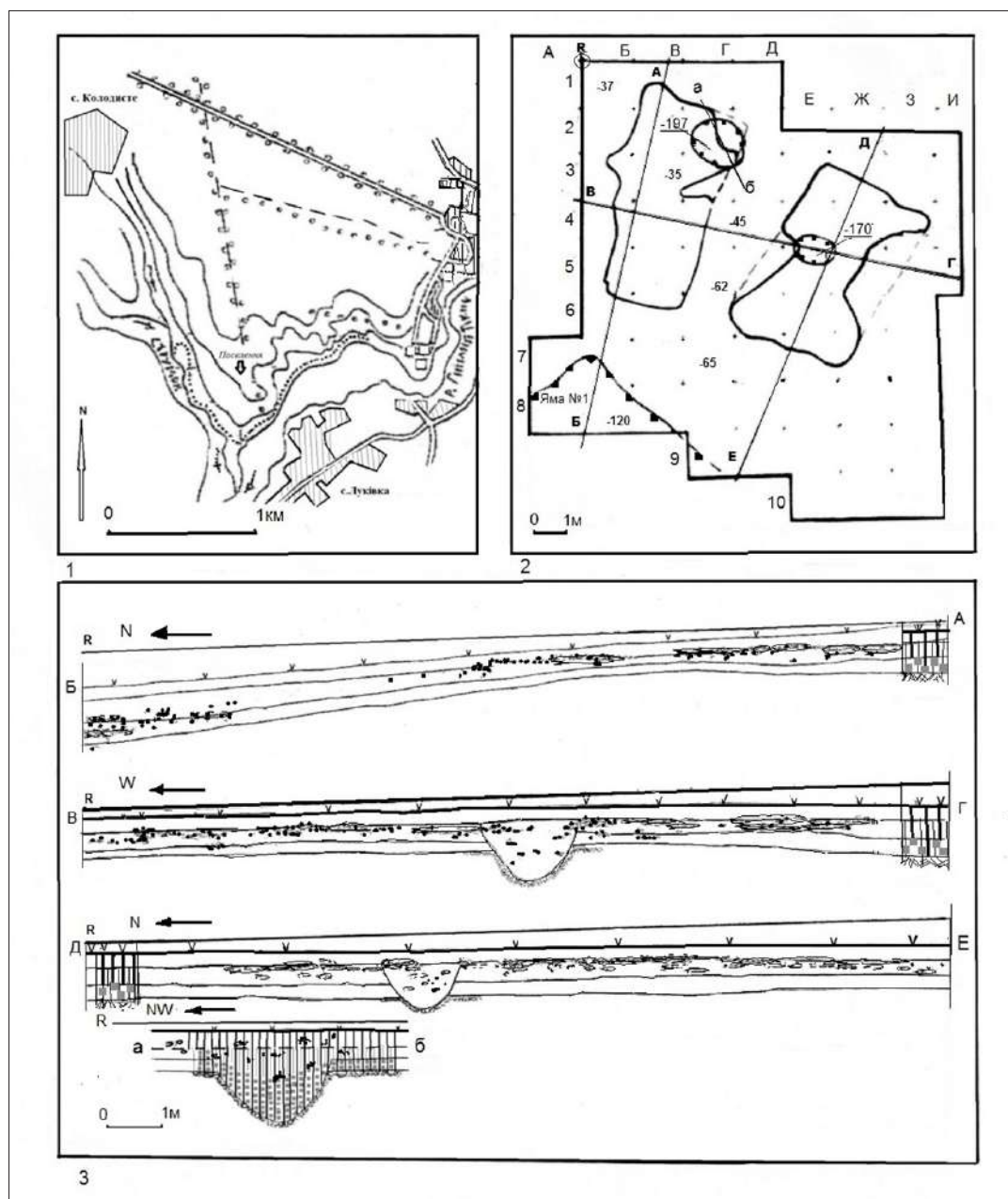

Рис.1. Поселение Колодистое II: 1. Локализация памятника; 2. План-схема раскопа 3. Продольные и поперечные разрезы объектов.

Fig. 1. Kolodistoe II site: 1. Location of the site; 2. Scheme of the excavation site; 3. Features' profiles.

Нижний слой обмазки (подмазка пола) из глины без растительных примесей зафиксирован в центральной части площадки. Для этого слоя характерны тонкие наслоения глины и слабый нисходящий обжиг. У западного края площадки обнаружены остатки открытого очага размерами 0,9x0,8x0,1 м. Основу пода составляли выложенные на поверхности и тщательно подогнанные друг к другу обломки плоского камня, перемазанные

сверху слоем глины. Почти по центру площадки находилась частично разрушенная вымостка с бортиком овальной в плане формы. Ее размеры составляли 2,2x1,3 м. Вымостка была сконструирована непосредственно на дневной поверхности с подсыпкой из сухой глины. Зафиксированы три слоя ее последовательного возведения. Рядом лежала большая гранитная зернотерка треугольной формы. Западнее вымостки зафиксировано

возвышение прямоугольной в плане формы размерами 0,80x0,80x0,13-0,15 м. Возвышение было сконструировано из выложенных на земле необработанных подогнанных друг к другу камней, перекрытых толстым заглаженным слоем светлой глины без растительных примесей, равномерно обожженным при достаточно высокой температуре. Вероятно, это возвышение связано с рабочим местом (вымошкой с зернотеркой).

В южной части площадки, на уровне первого этажа сооружения, расчищена небольшая вымошка размерами 0,6x0,6 м. В ее конструкцию входили три тонких слоя глины, намазанных на горизонтально выложенные на земле фрагменты керамики.

Следует также отметить два участка подмазки пола, намазанных в один слой, но имевших заглаженную поверхность. На одном из этих участков пол окрашен красной охрой. Остатки этого участка зафиксированы в восточной и северной частях площадки.

С нижним слоем площадки связаны находки каменных зернотерок, развалов мисок, сфероконических сосудов, столовая миска, фрагменты кубка и обломки глиняных фигурок. Значительное количество керамики найдено в северо-восточной части площадки и вдоль восточного ее края за пределами залегания обмазки. В частности, здесь были найдены развалы кубков, столового горшка, сфероконического сосуда и кратера.

В северо-восточном углу площадки 1, на уровне дневной поверхности, обнаружена овальная в плане яма с пологими стенками и округлым дном. Размеры ямы 1,4x0,9 м, глубина 1,5 м. В ее заполнении изредка встречались фрагменты керамики, мелкие обломки камней, глиняная крошка. Вероятно, эта яма была либо засыпана перед возведением постройки, либо же она с какой-то целью (но не как мусорная яма) оставалась открытой и была засыпана уже позднее (рис. 1,3 – разрезы А-Б, а-б; рис. 2,1).

Таким образом, площадку 1 можно реконструировать как остатки одноэтажной постройки с легким чердачным перекрытием. Это перекрытие состояло из обмазанного глиной с примесью половы настила плотно подогнанных узких деревянных плах и жердей, краями опиравшихся на длинные стены по-

стройки. Около трех четвертей пола сооружения было подмазано глиной. Не подмазанной, вероятно, осталась входная часть постройки. В центре северной части находилось рабочее место – нанесенная в несколько слоев вымошка с невысоким округлым в плане бортиком. Рядом с ним, но ближе к западной длинной стене, располагался открытый очаг квадратной в плане формы, под которого был сконструирован из выложенного на землю камня, перемазанного слоем глины. В северо-восточном углу жилища в течение какого-то времени, возможно, функционировала впоследствии засыпанная яма. Конструктивные особенности стен и крыши остались не выясненными (рис. 3,1).

Площадка 2 размерами 11,0x6,0 м находилась в 1,5-3,0 м к востоку от площадки 1. В плане площадка 2 имела прямоугольную форму. Ее края, в особенности восточный и южный – неровные. В южной части наблюдалось понижение в залегании обмазки на 0,25 м.

Зафиксированы верхний слой обожженной обмазки и глинобитные детали интерьера на нижнем горизонте. Верхний слой площадки 2 залегал не цельным массивом, а в виде более-менее плотных участков обмазки, отдельных скоплений обожженной глины и значительных участков глиняной «крошки». В северо-восточной части площадки, начиная от края, наблюдался разрыв. Этот разрыв имел относительно ровные, почти параллельные края. Его длина 4,0 м, ширина 0,7-1,0 м. Обожженная глина в центре разрыва (нижний слой) отличается от обмазки верхнего слоя. Лишь у западного края площадки отмечены плотные ее участки. Здесь же найдены и фрагменты обмазки большого размера. Поверхность ее хорошо заглажена. Глина – комковатая, с незначительной примесью половы. Почти сплошное залегание обмазки наблюдалось в южной трети площадки, однако фрагменты обмазки здесь были расположены несколько хаотично, иногда «на ребре».

Разборка верхнего слоя показала, что толщина его колеблется в пределах 7-12 см. Нижняя часть фрагментов обмазки несла следы колотого дерева – узких плах, небольших колод, жердей. Отпечатки ориентированы в разном направлении, преимущественно с запада на

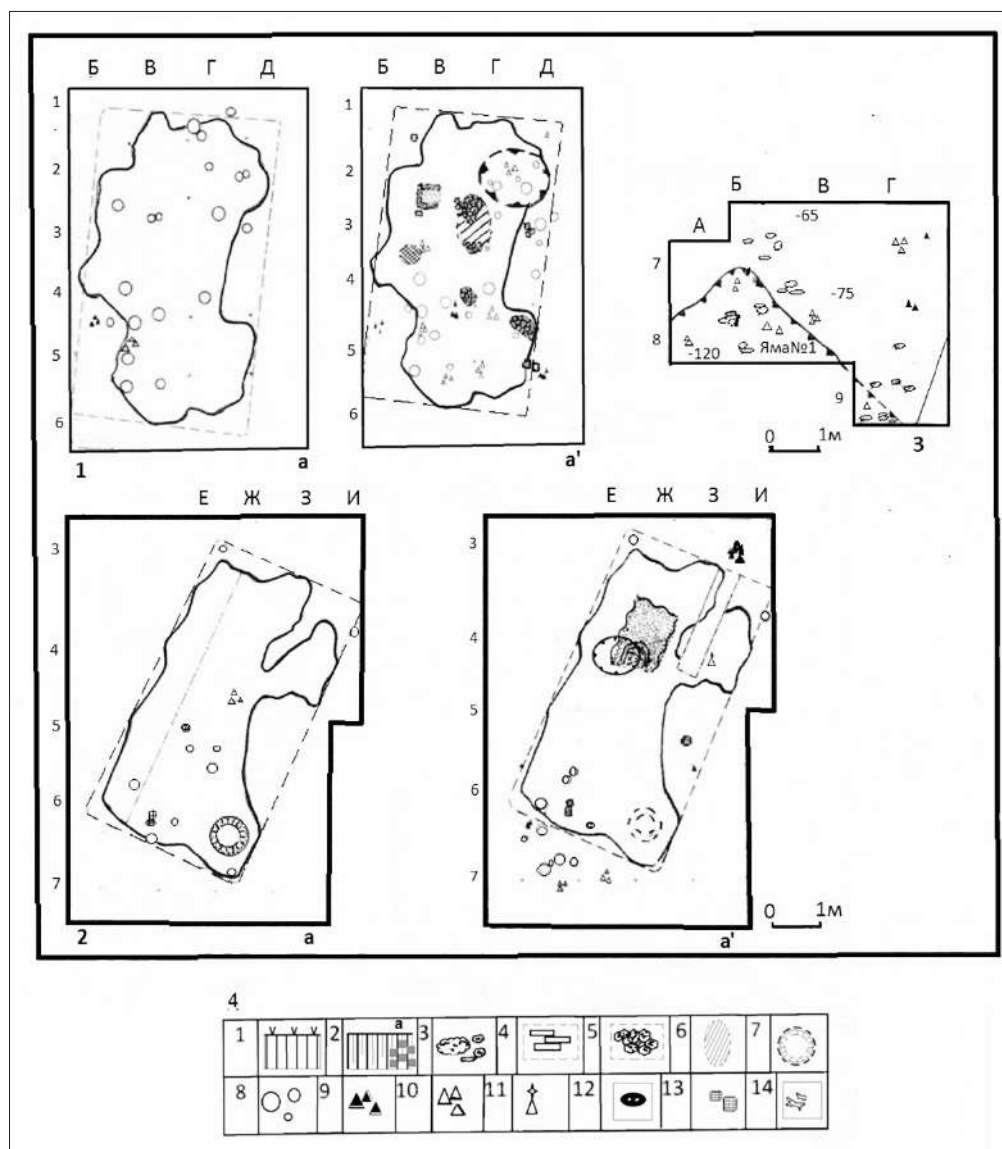

Рис. 2. Поселение Колодистое II: 1. Площадка 1. Залегание верхнего (а) и нижнего (а') слоев глиняной обмазки; 2. Площадка 2. Залегание верхнего (а) и нижнего (а') слоев глиняной обмазки; 3. Яма 1. План; 4. Условные обозначения: 1 – чернозем, 2-2а – гумусированный суглинок, 3 – глиняная обмазка, 4 – плитчатая обмазка, 5 – вымостки, 6 – подсыпка, 7 – «лаз», 8 – целая посуда и развалы сосудов, 9 – кухонная керамика, 10 – столовая керамика, 11 – антропоморфная пластика, 12 – оттяжка ткацкого станка, 13 – камень, 14 – кость.

Fig. 2. Kolodistoe II site: 1. Ploshchadka 1. Upper (a) and lower (a') layer of daub; 2. Ploshchadka 2. Upper (a) and lower (a') layer of daub; 3. Pit 1. Plan; 4. Legend: 1 – chernozem, 2-2a – humified loam, 3 – daub, 4 – tile-shaped daub, 5 – installations, 6 – additional layer of clay below installation, 7 – «manhole», 8 – complete and archaeologically complete vessels, 9 – kitchen pottery, 10 – table pottery, 11 – anthropomorphic figurines, 12 – loom hauler, 13 – stone, 14 – bone.

восток, т.е. перпендикулярно длинным стенам постройки. Обжиг верхнего слоя достаточно высокий, но неравномерный. Следы наибольшего воздействия температуры отмечены у западного края площадки, где встречались ошлакованные и деформированные фрагменты обмазки. Среди находок можно отметить развалы двух столовых мисок, грушевидного

и двух сфероконических сосудов, фрагменты глиняных фигурок, обломки камня и зерно-терки.

На уровне верхнего слоя зафиксированы детали интерьера постройки. Так, вдоль западного края были расчищены небольшие, более-менее плотные фрагменты обмазки с примесью половы. Поверхность конструкции была

заглаженной, а ее восточный округлый край плавно понижался до уровня пола. В пожаре глина приобрела светло-серый цвет с зеленым оттенком. Скорее всего, глина в обмазке конструкции отличалась по составу от глины обмазки пола. Вероятнее всего, эту конструкцию следует интерпретировать как невысокий (0,7-0,8 м) подиум длиной 11,0 м и шириной 1,4-1,5 м, расположенный вдоль северо-восточного края постройки.

В юго-восточном углу площадки, в верхнем слое обмазки, выявлены остатки округлого сквозного отверстия – возможно, «лаза» на второй этаж. Кольцевое обрамление вокруг него диаметром 1,0 м имело выпуклую форму в профиле (высота 5-7 см), а поверхность была тщательно заглаженной.

После снятия слоя обмазки на земляном полу в северной трети площадки были расчищены остатки глиняной конструкции. Скорее всего, она имела квадратную в плане форму (1,4х1,4 м). Остатки конструкции представляли собой тонкий (4-5 см) растрескавшийся слой обожженной глины из однородной массы без примесей. Ее южный край имел два слоя намазки толщиной 2-3 см округлой в плане формы (диаметр 1,0 м). Эти наслоения возвышались над основным слоем на 5-6 см. Поверхность их заглажена, а по округлому краю они плавно переходят на уровень нижней подмазки. Нижний слой был нанесен непосредственно на землю, о чем свидетельствуют «негативные» отпечатки на нижней поверхности. Обжиг всех слоев высокий и относительно равномерный, нисходящий.

В южной части постройки, под слоем обмазки, зафиксированы несколько небольших плоских обломка камня. В этом же месте выявлена яма овальной в плане формы размерами 1,8х1,5 м. Стенки ямы – пологие, дно – округлое. Глубина от уровня залегания подмазки 1,0 м. В заполнении ямы (темно-серый гумусированный суглинок) встречены несколько мелких фрагментов обмазки. С северо-восточной стороны к этой конструкции прилегали небольших размеров фрагменты обмазки из комковатой глины буро-красного цвета без растительных примесей. Залегали такие фрагменты неширокими бугорчатыми полосами, направление и края которых почти совпадают

с разрывом в залегании верхнего слоя обмазки. На другом участке площадки 2 деталей каких-либо конструкций не выявлено.

С нижним горизонтом связаны находки развала кухонного горшка и другие фрагменты кухонной керамики, скопление фрагментов столовой керамики, а именно развалы трех столовых мисок и сфероконического сосуда, обломки каменной зернотерки, целый каменный растиральник и костное долото. В южной части раскопа, за пределами площадки, найдены развалы сфероконического сосуда, кубка, миски, двух кратеров, большая зернотерка, фрагменты кухонного горшка и скопление фрагментов столовой керамики (рис. 1,2,3, разрез В-Г; рис. 2,2).

Отмеченные особенности позволяют реконструировать площадку 2 как остатки сожженной двухэтажной постройки. В северной части помещения на земляном полу первого этажа была в один слой намазана вымостка квадратной в плане формы. У ее южного края находился открытый очаг с двухслойным глиняным округлым в плане подом, перекрывавшим небольшую более раннюю яму. Рядом был сооружен внутренний продольный глинобитный простенок без каркасной конструкции. Между простенком и западной длинной стеной был оставлен проход в центральную часть постройки.

Межэтажное перекрытие представлено настилом из колотого дерева – колод, плах, жердей, – выложенных параллельно друг другу и перпендикулярно длинным стенам дома. Сверху деревянный настил был обмазан слоем глины с растительными примесями. На заглаженной поверхности пола второго этажа, вдоль всей западной стены, был обустроен подиум. Во входной части дома в перекрытии было сделано отверстие, ограниченное по краям нешироким кольцевым возвышением, – вероятно, лаз на второй этаж. Следы чердачного перекрытия отсутствуют.

В юго-восточном углу раскопа, где наблюдалось значительное понижение слоя чернозема, обнаружен край еще одной площадки (полностью не раскапывалась из-за отсутствия времени), размещенной перпендикулярно площадкам 1 и 2. В юго-западном углу раскопа исследован сегмент ямы 1. В ее заполнении из

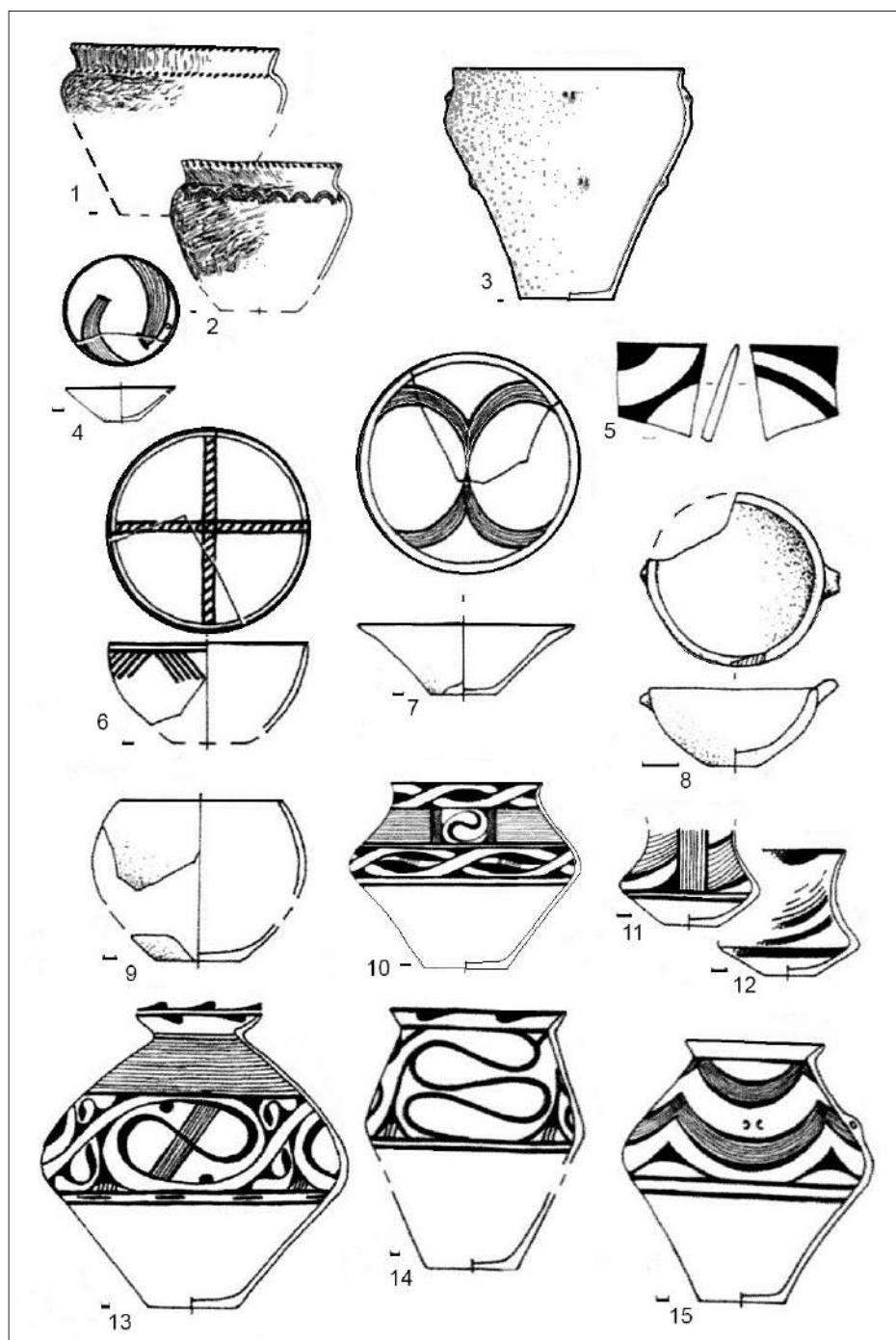

Рис. 3. Поселение Колодистое II. Кухонная (1-2), «тарная» (3) та столовая (4-15) посуда.

Fig. 3. Kolodistoe II site. Kitchen (1-2), «container» (3) and table (4-15) pottery.

гумусированного суглинка встречались фрагменты обожженной обмазки жилищ и керамики (рис. 1,2,3, разрез А-Б, рис. 2,3).

Керамика

Преобладающее число находок на площадках 1 и 2 составляют фрагменты керамиче-

ской посуды. Традиционно керамика условно разделена на кухонную, тарную и столовую.

Кухонная посуда (2% от всего керамического комплекса) преимущественно изготовлена из ожелезненной («красной») глины. В состав гончарной массы наиболее часто добавлялась дрезва или толченая раковина, реже – только

крупнозернистый песок или мелкий шамот. Обжиг кухонных сосудов довольно высокий, более-менее равномерный, окислительный или восстановительный. Поверхность сосудов была или заглажена и несколько шероховата, или покрыта расчесами. По форме выделяются горшки с округлыми плечиками, широким горлом и относительно высоким, немного отогнутым наружу венчиком.

Орнаментировались такие сосуды просто – по краю венчика и плечикам проходят горизонтальные ряды насечек, мелких наколов, ногтевых вдавлений, вдавлений разной формы. Венчик часто украшался вертикальными или косыми расчесами. Также встречается орнамент в виде горизонтального пояса, который состоит из арковидных дуг, образованных тонкими прочерченными линиями (рис. 3,1-2).

Обратим внимание, что в керамическом комплексе, видимо, отсутствуют миски. Незначительное количество маловыразительных фрагментов не дает возможности реконструировать сосуды этой формы.

К тарной посуде условно отнесен лишь один крупный сосуд, выполненный из «красной» глины с примесью крупнозернистого песка и шамота. Внешняя поверхность покрыта слоем облицовки из чистой глины, окрашенной светло-коричневой краской. Дно сосуда – узкое, стенки нижней части – слегка вогнутые. Его горловина – широкая, венчик – высокий, почти вертикальный. Под шейкой и ниже плечиков находятся небольшие петельчатые ручки, размещенные двумя рядами с небольшим смещением. По ряду технологических и морфологических признаков этот сосуд напоминает кухонную керамику (рис. 1,3).

Столовая посуда (98% керамического комплекса) преимущественно лепилась из смеси «красной» и «белой» глины, с преобладанием последней. Треть сосудов изготовлена из «красной» глины. В состав гончарной массы чаще всего добавлялся крупнозернистый песок, реже – шамот, кусочки каолина, зерна кварца или мелкая толченая раковина в небольшом количестве. Часть столовой керамики изготовлена из тонкоструктурной (отмученной) глиняной массы без примесей. Сосуды, как правило, тонкостенные, тщательной формовки. Их поверхность хорошо заглажена, часто покрыта тонким анго-

бирующим слоем из чистой глины. Ангоб или заглаженная поверхность дополнительно окрашивалась в желтый или красный цвет разных оттенков. Поверх окраски (фон) коричневой или черной краской наносилась монохромная роспись. Часть керамики сохраняет на поверхности следы лощения. Обжиг сосудов высокотемпературный, равномерный, всегда окислительный. К сожалению, значительное число столовой посуды фрагментировано, что часто делает невозможной реконструкцию форм и орнаментов.

По форме выделяется несколько типов сосудов. Значительным числом представлены миски двух подтипов. Преобладают миски усеченно-конической формы (первый подтип), среди которых выделяются три варианта. К первому отнесены высокие или низкие миски с прямыми стенками и заостренным или округлым краем венчика. Иногда на венчиках таких изделий встречаются конические выступы. Второй вариант включает преимущественно низкие миски с плавным переходом от доньшка к слегка выпуклым стенкам. Третий вариант – преимущественно высокие сосуды со слегка вдавленными стенками и утолщенным, срезанным под углом краем венчика.

Усеченно-конические миски преимущественно расписывались кометовидной схемой. Последняя представляет собой две дуговидных ленты из тонких параллельных линий, заходящих друг за друга в центре дна. Реже встречается схема, в которой ленты из тонких линий сходятся под углом в центре и образуют на поле миски 8-видную фигуру из двух симметрично расположенных «негативных» (фон) овалов и секторов. Эта схема также могла исполняться закрашенными треугольниками с вытянутыми вершинами. В последнем случае схема представлена на внешней и внутренней поверхности миски.

Ко второму подтипу относятся высокие или приземистые миски полусферической формы с относительно широким дном, выпуклыми стенками и почти вертикальным или слегка наклоненным внутрь краем венчика. Одна из полусферических мисок орнаментирована с внешней стороны горизонтальным фризом, образованным косыми широкими линиями, сходящимися под углом. Внутреннее поле миски занимает крестовидная схема из узких лент, где между широкими параллельными лентами впи-

саны короткие штрихи. В росписи, возможно, также использовалась фестонная схема. Встречаются полусферические миски с зооморфными налечами (рис. 3,4-9).

Следующий тип столовой посуды – кубки. Тип представлен двумя вариантами. Первый включает невысокие тонкостенные сосуды с низкими округлыми плечиками и высокой вогнуто-цилиндрической горловиной и почти вертикальным краем венчика. Второй вариант объединяет относительно крупные сосуды с высокими округлыми плечиками, широким усеченно-коническим горлышком и плавно отогнутым наружу венчиком. Иногда они имеют одну петельчатую ручку, крепящуюся к венчику и плечикам. Кубки преимущественно украшались метопной схемой, где широкий горизонтальный фриз вертикально разделяется на метопы либо узкой полосой со штрихами («лесенка»), либо широкой лентой из тонких параллельных линий. Поля метоп заняты комбинацией косой ленты из тонких линий, обведенных широкими лентами, и закрашенными треугольниками. Часто в метопных полях косые линии замещаются параллельными фестонами. В росписи кубков также использовался многофризовый декор. В верхнем фризе проходят горизонтальные волнистые линии с закрашенным листовидным расширением в центре. Средний фриз – широкий пояс из тонких параллельных линий, вертикально разделенный на метопы, в поля которых вписана S-видная фигура. Нижний пояс на плечиках состоял из горизонтальных полудуг с закрашенными листовидными окончаниями, заходящими друг за друга (рис. 3,4-9).

Распространенными типами столовой посуды являются сфероконические и биконические сосуды. Сфероконические сосуды имеют широкие, округлые плечики, выпуклые стенки верхней части корпуса, узкое горло и резко отогнутый невысокий прямой или воронковидный венчик. Биконические сосуды – это сосуды с широкими, относительно остросереберными плечиками и отогнутым венчиком. На плечиках обоих типов встречаются небольшие петельчатые ручки. К отдельному подтипу биконических сосудов отнесены крупные сосуды с относительно узкими плечиками, широким горлом и прямым венчиком, под шейкой которых иногда встречаются небольшие конические налечи.

В орнаментации биконических и сфероконических сосудов использовались как широкая однофризная, так и двухфризная роспись. Большинство сосудов орнаментировано меандровой схемой из горизонтальных или вертикальных S-видных дуг. Эта схема часто объединялась с верхним фризом из тонких горизонтальных линий. Еще одна схема росписи – фестонная, состоящая из широких лент, заполненных тонкими линиями. Эта схема, как правило, закомпонована в широкий орнаментальный пояс. Реже в декоре сосудов встречаются схемы «Tangentenkreisband», «совиный лик», метопная и волютная (рис. 3,13-15).

Только фрагментами представлен тип «амфоры». Это небольшие сосуды с округлыми плечиками на середине высоты корпуса, широким горлом и невысоким отогнутым венчиком. Под шейкой обязательны петельчатые ручки. В росписи амфор использовалась лицевая схема.

Грушевидные сосуды – это сосуды с широкими округлыми плечиками, узким горлом и невысоким венчиком, край которого вертикальный или слегка наклоненный внутрь. Таким изделиям присущ декор в виде широкого фриза, в который симметрично вписаны вертикальные тонкие линии, с обеих сторон охватывающие вертикально вытянутый овал с закрашенными сегментами. Также они расписывались меандровой схемой (рис. 4,1). Грушевидным сосудам сопутствуют крышки, из которых выявлены только экземпляры, относящиеся к подтипу «крышки шлемовидной формы» (рис. 4,2).

Среди столовой посуды поселения также часто встречаются кратеры. Это относительно крупные сосуды двух вариантов. Первый вариант включает сосуды с высокими округлыми плечиками, широким горлом и высоким прямым венчиком-раструбом. Ко второму варианту отнесены сосуды с относительно широким дном, округлым корпусом, широким горлом и высоким прямым или близким к воронковидной форме венчиком-раструбом. В декоре кратеров использовалась меандровая схема по нижней части корпуса и наклонные волнистые полосы и закрашенные фестоны по венчику. Высокий венчик чаще расписывали с двух сторон (рис. 4,3-4).

Столовые горшки – небольшие сосуды с округлыми плечиками на середине высоты корпуса, широким горлом и невысоким, слег-

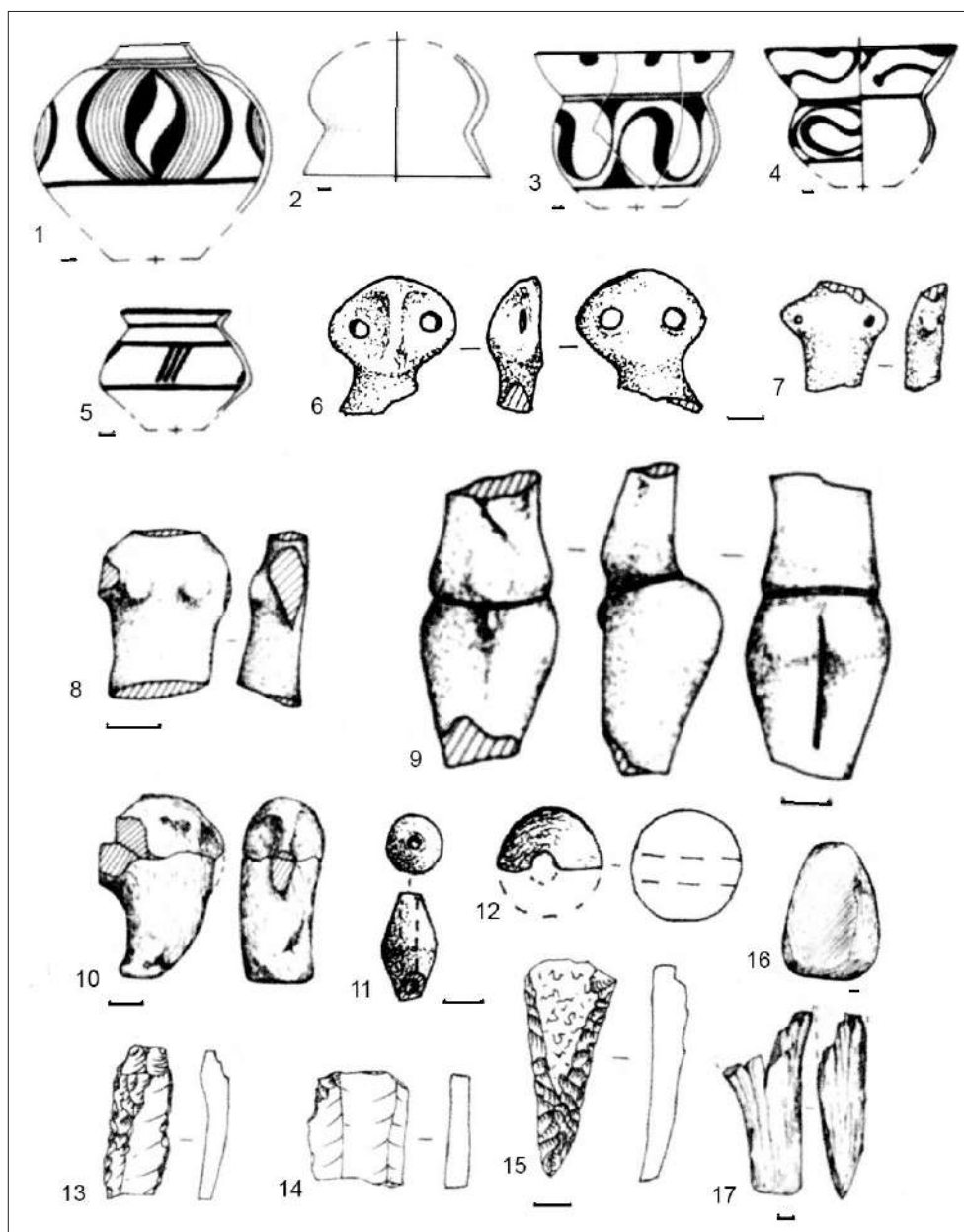

Рис. 4. Поселение Колодистое II. Столовая посуда (1-5), пластика (6-10), бусины из глины (11-12), орудия из кремня (13-15), камня (16) и рога (17).

Fig. 4. Kolodistoe II site. Table pottery (1-5), figurines (6-10), clay beads (11-12), tools made of flint (13-15), stone (16) and horn (17).

ка отогнутым венчиком. Такие сосуды могут иметь четыре невысоких ножки. Рисунок на них прост – в горизонтальный фриз на плечиках вписаны группы косых полос (рис. 4,6).

Также найдена фрагментированная часть близкого к прямоугольному в плане сосуда с невысокими ручками-ушками. Возможно, в керамическом комплексе были представлены биноклевидные сосуды. Однако маловыразительные фрагменты не дают уверенности в

этом. Ни формы, ни орнамент не реконструируются.

Пластика

Антропоморфная пластика представлена фрагментами изделий. Лепились они из той же гончарной массы, что и столовая керамика. Поверхность статуэток заглажена, и только на одном фрагменте фигурки сохранился окрас в буро-красный цвет. Все антропоморфные ста-

туэтки – и женские, и мужские – относятся к типу схематических. Часто они имеют веретеновидную ножку (рис. 4,6-9).

Среди фрагментов *зооморфной пластики* интересной является задняя часть фигурки, особенности моделирования которой позволяют предположить, что данное изделие передает медведицу (рис. 4,10).

Были найдены выполненные из тонкоструктурной глины небольшие *бусины* со сквозным отверстием. Одна из них имела биконическую форму, вторая – округлую (рис. 4,11-12).

К пластике также условно отнесены два небольших глиняных шарика, глиняный предмет каплевидной формы, фрагмент глиняного изделия с выступами и неглубокими наколами по поверхности.

Орудия и предметы быта

Орудия труда и предметы быта изготовлены из глины, рога, кремня и камня. Найдена лишь одна оттяжка конической формы, использовавшаяся в вертикальном ткацком станке.

Из роговых орудий имеем обломок рабочего края с уплощенным, почти прямым лезвием от долота (клина) или небольшой мотыги (рис. 4,17).

Кремневые изделия представлены обломком пластины с ретушью, длинной стрелой на пластине и, возможно, обломком ножа (рис. 4,13-15). Также встречались кремневые сколы и отщепы.

Из гальки с залощенными плоскостями был сделан растиральник, а из плоских кусков гранита – зернотерки (рис. 4,16).

Выводы и обсуждение

Керамика как наиболее массовая категория находок позволяет определить хронологическую и таксономическую позицию поселения Колодистое II среди трипольских памятников Буго-Днепровского междуречья. Наибольшее сходство материалам поселения как в технологии изготовления посуды, так и в ее морфологии и орнаментации находим в керамике поселения Глыбочок [Ryzhov, Shumova 1995; Ryzhov 1997; 2000]. Некоторые отличия, однако, наблюдаются в приготовлении гончарной массы и орнамен-

тации кухонных горшков. Так, в тесте кухонной посуды Колодистого II зафиксированы заметные примеси шамота, в то время как этот компонент совсем отсутствует в керамике Глыбочка. Декор кухонной посуды в Колодистом II разнообразнее – это горизонтальные ряды наколов, вдавлений разной формы, защипов, ногтевых вдавлений и ленты из прочерченных линий.

Фиксируются и некоторые отличия в приготовлении гончарного теста для столовой посуды. По морфологии и орнаментации миски двух поселений почти идентичны. На кубках из Колодистого II преобладает метопная схема, а в Глыбочке чаще фиксируется узкий фриз из горизонтально расположенных дуг с листовидным расширением. В керамическом комплексе Колодистого II значительно преобладают биконические и сфероконические сосуды, где в росписи доминирует меандровая схема, а за ней в количественном отношении следует фестонная. В Глыбочке вторая по численности орнаментальная схема – тангентная. Для сосудов остальных типов значительных отличий не наблюдается.

Анализ материала позволяет отнести Колодистое II ко второй (поздней) фазе небелевской локально-хронологической группы западно-трипольской культуры финала этапа Триполье ВП [Ryzhov 1993; 2012]. Результаты пространственного анализа памятников региона позволяют дополнительно разделить вторую фазу небелевской группы на три ступени [Diachenko, Menotti 2012]. Такое хронологическое членение подтверждается особенностями керамики. К первой ступени второй фазы небелевской группы принадлежат Глыбочек, Колодистое II и другие поселения. Радиоуглеродные даты для анализируемого памятника пока не получены, однако сопоставление относительной и абсолютной хронологии поселений Буго-Днепровского междуречья позволяет датировать функционирование Колодистого II в рамках 3900 – 3850 лет до н.э. [Diachenko et al. 2020].

Интересно отметить, что конструктивные приемы сооружения деталей интерьера и их расположение в постройках Колодистого II и других поселений небелевской группы [Chernovol 2012b] также известны для мерешовских и ранних петренских памятников Среднего Поднепровья [Markevich 1981; Chernovol 2013; Terna,

Heghea 2017; Diachenko et al. 2021]. Это может свидетельствовать о том, что мигрировавшее в Буго-Днепровское междуречье население мерешовской группы принесло с собой не только керамические традиции коренного ареала западнотрипольской культуры [Ryzhov 2007; 2012], но и традиции обустройства интерьера жилищ.

Благодарности

Исследования финансировались по гранту Национального географического общества (National Geographic Society; Юрий Рассамкин, PI).

Библиография

- Chernovol 2012a:** D. Chernovol, Houses of the Tomashovskaya local group. In: (eds. F. Menotti and A.G. Korvin-Piotrovskiy), *The Tripolye Culture Giant-Settlements in Ukraine: Formation, Development and Decline* (Oxford 2012), 182-209.
- Chernovol 2012b:** D. Chernovol, Inter'er budivel' nebeliv'skoï local'noi grupi tripil'skoï kulturi. *Arkheologiya* 1, 2012, 62-71 // Д. Черновол, Інтер'єр будівель небелівської локальної групи трипільської культури. *Археологія* 1, 2012, 62-71.
- Chernovol 2013:** D. Chernovol, Postroiki petrenskoi local'noi grupy. *RA IX*, 1, 2013, 72-82 // Д. Черновол, Постройки петренской локальной группы. *RA IX*, 1, 2013, 72-82.
- Chernovol 2019:** D. Chernovol, Inter'er budivel' tripil'skoï kulturi (dis. kand. ist. nauk) (Київ 2019) // Д. Черновол, Інтер'єр будівель трипільської культури (дис. канд. іст. наук) (Київ 2019).
- Diachenko et al. 2020:** A. Diachenko, I. Sobkowiak-Tabaka, S. Ryzhov, Approaching the unification and diversity of pottery assemblages: The case of Western Tripolye culture ceramics in the Southern Bug and Dnieper interfluvium, 4100-3600 BC. *Documenta Praehistorica* 47, 2020, 522-535.
- Diachenko et al. 2021:** A. Diachenko, I. Sobkowiak-Tabaka, Ye. Levinzon, The Western Trypillia culture house from the settlement of Kamianets-Podilskyi, Tatarsky, 3950-3900 BCE. *Arkheologiya i davnia istoriya Ukrainy* 2, 226-236.
- Domanitskii 1899:** V.N. Domanitskii, Ploshchadki s raspisnymi sosudami v Zvenigorodskom i Umanskom uездakh. *Arkheologicheskaya letopis' Iuzhnoi Rossii I*, 1899, 174-176 // В.Н. Доманицкий, Площадки с расписными сосудами в Звенигородском и Уманском уездах. *Археологическая летопись Южной России I*, 1899, 174-176.
- Domanitskii 1901:** V.N. Domanitskii, Raskopki na meste neoliticheskogo poseleniia s keramikoï domikenskogo tipa u s. Kolodistogo. *Arkheologicheskaya letopis' Iuzhnoi Rossii III*, 1901, 69-72 // В.Н. Доманицкий, Раскопки на месте неолитического поселения с керамикой домикенского типа у с. Колодистого. *Археологическая летопись Южной России III*, 1901, 69-72.
- Gaydarska 2020:** B. Gaydarska, Early Urbanism in Europe. The Trypillia Megasites of the Ukrainian Forest-Steppe (Warsaw and Berlin 2020).
- Kruts 1990:** V.A. Kruts, Planirovka poseleniia u s. Tal'ianki i nekotorye voprosy tripol'skogo domostroitel'stva. In: (red. V.G. Zbenovich) *Rannezemledel'cheskie poseleniia-giganty tripol'skoi kultury na Ukraine. Tezisy dokladov I polevogo seminaru* (Tal'ianki 1990), 43-47 // Круц В.А. Планировка поселения у с. Тальянки и некоторые вопросы трипольского домостроительства. В: (ред. В.Г. Збеневич) *Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Тезисы докладов I полевого семинара* (Тальянки 1990), 43-47.
- Kruts 2003:** Kruts V.A., Tripolskie ploshchadka – rezultat ritualnogo razrusheniya domov. In: (eds. V.O. Kruts, O.G. Korvin-Piotrovskii, S.M. Ryzhov) *Trypil'ski poselennia-giganty. Materialy mizhnarodnoi konferentsiï* (Київ 2003), 74-76 // Круц В.А., Трипольские площадки – результат ритуального сожжения домов. В: (ред. В.О. Круц, О.Г. Корвин-Піотровський, С.М. Рижов) *Трипільські поселення-гіганти. Матеріали міжнародної конференції* (Київ 2003), 74-76.
- Markevich 1981:** V.I. Markevich, Pozdnetripol'skie plemena Severnoi Moldavii (Kishinev 1981) // В.И. Маркевич, Позднетрипольские племена Северной Молдавии (Кишинев 1981).
- Menotti, Korvin-Piotrovskiy 2012:** F. Menotti, A.G. Korvin-Piotrovskiy, *The Tripolye Culture Giant-Settlements in Ukraine: Formation, Development and Decline* (Oxford 2012).
- Müller et al. 2016:** J. Müller, K. Rassmann, M. Videiko, Trypillia Megasites and European Prehistory, 4100-3400 BC. (London and New York 2016).

- Ohlrau 2020:** R. Ohlrau, Maidanets'ke: Development and Decline of a Trypillia Mega-Site in Central Ukraine [Scales of Transformations in Prehistoric and Archaic Societies 7] (Leiden 2020).
- Ryzhov 1993:** S.M. Ryzhov, Nebelivs'ka grupa pam'iatok trypil'skoї kul'turi. *Arkheologiiia*, 3, 1993, 101-114 // С.М. Рижов, Небелівська група пам'яток трипільської культури. *Археологія*, 3, 1993, 101-114.
- Ryzhov 1997:** S.M. Ryzhov, Rozkopki tripil'skogo poselennia bilia sela Glibochok na Cherkashchini. In: *Pam'iatki ta viznachni mistisia Shevchenkovs'kogo kraiu. Problemi okhoroni ta doslidzhennia. Tezi dopovidei naukovo-praktychnoi konferentsii* (Kaniv 1997), 134-135 // С.М. Рижов, Розкопки трипільського поселення біля села Глибочок на Черкащині. В: *Пам'ятки та визначні місця Шевченківського краю. Проблеми охорони та дослідження. Тези доповідей науково-практичної конференції* (Канів 1997), 134-135.
- Ryzhov 2000:** S.M. Ryzhov, Tripil'ske poselennia bilia sela Glibochok. In: (red. M.Iu. Videiko) *Arkheologichni vidkrittia v Ukraїni 1994-1996 rr.* (Київ 2000), 133-135 // С.М. Рижов, Трипільське поселення біля села Глибочок. В: (ред. М.Ю. Відейко) *Археологічні відкриття в Україні 1994-1996 рр.* (Київ 2000), 133-135.
- Ryzhov 2007:** S.M. Ryzhov Suchasni stan vivchennia kul'turno-istorichnoi spil'nosti Kukuten'-Trypillia. In: (red. Iu. Rassamakin, S. Ryzhov) *Oleg Ol'zhich. Arkheologiiia* (Київ 2007), 437-477 // С.М. Рижов, Сучасний стан вивчення культурно-історичної спільності Кукутен'-Трипілля. В сб: (ред. Ю. Рассамакін, С. Рижов) *Олег Ольжич. Археологія* (Київ 2007), 437-477.
- Ryzhov 2012:** S.N. Ryzhov, Relative chronology of the giant-settlenents period BII-CI. In: (eds. F. Menotti, A.G. Korvin-Piotrovskiy), *The Tripolye Culture Giant-Settlements in Ukraine: Formation, Development and Decline* (Oxford 2012), 92-98.
- Ryzhov, Shumova 1995:** S.M. Ryzhov, V.O. Shumova, Rozkopki tripil'skogo poselennia bilia sela Glibochok. In: (red. M. Kravets') *XIV Vinnits'ka oblasna istoriko-kraeznavcha konferentsiia. Tezi dopovidei* (Vinnitsia 1995), 7-9 // С.М. Рижов, В.О. Шумова, Розкопки трипільського поселення біля села Глибочок. В: (ред. М. Кравець) *XIV Вінницька обласна історико-краєзнавча конференція. Тези доповідей* (Вінниця 1995), 7-9.
- Ryzhov et al. 2005:** S.M. Ryzhov, D.K. Chernovol, V.O. Shumova, Doslidzhennia tripil'skogo poselennia Kolodiste II u 2004 r. In: (red. N.A. Gavriluk) *Arkheologichni vidkrittia v Ukraїni 2004 roku* (Київ-Запоріжжя 2005), 272-274 // С.М. Рижов, Д.К. Черновол, В.О. Шумова, Дослідження трипільського поселення Колодисте II у 2004 р. В: (ред. Н.А. Гаврилюк) *Археологічні відкриття в Україні 2004 року* (Київ-Запоріжжя 2005), 272-274.
- Stefanovich, Didenko 1968:** V.A. Stefanovich, O.P. Didenko, *Arkheologicheskie pamiatniki Uman'shchiny* (rukopis'), *Naukovii arkhiv IA NANU, fond 12, № 534* (Київ 1968) // В.А. Стефанович, О.П. Диденко, *Археологические памятники Уманыщины* (рукопись), *Науковий архів ІА НАНУ, фонд 12, № 534* (Київ 1968).
- Țerna Heghea 2017:** S. Țerna, S. Heghea, Middle and Late Copper Age settlements from the Brînzei microzone on the Prut river: Older research in a modern background. *Sprawozdania Archeologiczne* 69, 2017, 297-325.

Сергей Рыжов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Института Археологии НАН, Киев, Украины, e-mail: sryzhov@ukr.net

Валентина Шумова, старший преподаватель, Национальный университет «Киево-Могилянская академия», Киев, Украины, e-mail: vshumova@ukr.net

Александр Дяченко, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Института Археологии НАН, Киев, Украины, e-mail: adiachenko@iananu.org.ua

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVII _ nr. 1

Revistă indexată în bazele de date
SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2021

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Responsabil de volum/responsible for volume: dr. **Ghenadie Sîrbu**

Secretar de redacție/editorial secretary: **Livia Sîrbu**

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Ștefan cel Mare si Sfânt bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul double blind peer-review
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели double blind peer-review
All the papers to be published will be reviewed by experts according the double blind peer-review model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Виталий Окатенко (<i>Харьков</i>), Сергей Скорый (<i>Киев</i>). Бронзовое блюдо с позолотой из Второго Караванского кургана раннескифской поры (Украинская Левобережная Лесостепь)	5
Татьяна Кузнецова (<i>Москва</i>). Античные традиции в генезисе зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка	17
Natalia Mateevici (<i>Chişinău</i>), Mihaela Iacob (<i>Bucureşti</i>), Dorel Paraschiv (<i>Tulcea</i>). Colecţia de ştampile de amfore greceşti din câteva situri getice din nord-estul Dobrogei	34
Nikolai Jefremow (<i>Greifswald</i>), Andrei Kolesnikov (<i>Moskau</i>), Elena Bolonkina (<i>Krim</i>). Neue Namen in den Keramikstempeln von Knidos in der Sammlung des Historisch-archäologischen Museums in Kerč (Krim)	41

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Сергей Рыжов , Валентина Шумова , Александр Дяченко (<i>Киев</i>). Исследования на поселении западнотрипольской культуры Колодистое II	46
Александр Могилов (<i>Киев</i>), Юрий Ляшко (<i>Каменка</i>), Сергей Руденко (<i>Чигирин</i>). Скифское всадническое погребение в бассейне р. Тясмин	59
Сергей Агульников , Виталий Железный (<i>Кишинев</i>). Могильник ногайской культуры у с. Казаклия	81
Vasile Paul Scrobotă (<i>Aiud</i>), Elena Gherman (<i>Iaşi</i>). Cercetări de supraveghere arheologică la obiectivul colegiul „Bethlen Gabor” din municipiul Aiud, jud. Alba. Campania 2012	99

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Mariana Gugeanu , Maria Geba (<i>Iaşi</i>). Investigaţii non-invazive aplicate textilelor arheologice de la Mănăstirea Căpriană	113
--	-----

RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Stanislav Țerna , Mariana Vasilache , <i>Figurinele antropomorfe din etapa Cucuteni A din interfluviul pruto-nistean: (în baza colecţiilor Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei)</i> Biblioteca Tyragetia, 31. Chişinău 2019, 264 pagini şi 63 planşe. ISBN 978-9975-87-562-2 (Илья Палагута, <i>Санкт-Петербург</i>)	120
---	-----

IN HONOREM

К юбилею археолога Анатолия Федоровича Гуцала (Александр Могилов, Виталий Гуцал, <i>Киев</i>)	125
--	-----

Doctorul habilitat EUGEN SAVA la 65 ani (Mariana Sîrbu, <i>Chişinău</i>)	128
---	-----

IN MEMORIAM

In memoriam colegului şi prietenului Oleg Leviţki (Alexandru Furtună, <i>Chişinău</i>)	133
---	-----

In memoriam Olga Larina (15.11.1952 – 01.2021) (Sergiu Bodean, <i>Chişinău</i>)	134
--	-----

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION	137
---	-----

INFORMAȚII ŞI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE	138
--	-----

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE	139
--	-----

Александр Могилов, Юрий Ляшко, Сергей Руденко

Скифское всадническое погребение в бассейне р. Тясмин

Keywords: barrow, Scythian time, funeral ceremony, horse burial, bridle.

Cuvinte cheie: tumul, perioada scitică, rit funerar, înmormântarea cailor, piese de harnașament.

Ключевые слова: курган, скифский период, погребальный обряд, захоронение коня, узда.

Oleksandr Mogilov, Yuriy Lyasko, Sergiy Rudenko

Scythian equestrian burial in the Tiasmin river basin

The article is dedicated to the publication of materials from barrow No. 1 near Mykhailivka village, Kamyanka district, Cherkasy Region. The monument was investigated by the Scythian Right-bank expedition in 2018. The height of the barrow mound was 1,25 m, diameter – 25,08-27,7 m. A burnt wooden pillar tomb with dromos was found under it. The grave was surrounded by a clay waste 14,6 m in diameter. The burial chamber measured 3,95x4,25 m. The horseman was buried in it, accompanied by a horse with a bridle. Later, another inlet burial of an adult warrior was made. The grave was robbed. Probably, these burials belong to the ruling elite of a nearby large settlement of the Scythian time. The complexes are dated by the end of the VI-V centuries BC.

Oleksandr Mogilov, Yuriy Lyasko, Sergiy Rudenko

Înmormântare ecvestră scitică în bazinul râului Tiasmin

Articolul este dedicat publicării materialelor din tumulul 1 din preajma satului Mihailovka, raionul Kamyanka, regiunea Cherkasy. Situl a fost investigat în anul 2018 de expediția scitică de pe malul drept al râului Tiasmin. Înălțimea terasamentului este de 1,25 m și are diametrul de 25,08-27,7 m. Sub manta a fost descoperit un mormânt cu urme de lemn ars și cu dromos. Mormântul a fost înconjurat cu pământul de aruncătură – lut, pe un diametru de 14,6 m. Camera funerară avea dimensiunile de 3,95x4,25 m, în ea fiind înmormântat călărețul însoțit de un cal și piese de harnașament. Mai târziu, în acest tumul a mai fost înmormântat un războinic adult, iar mormântul a fost jefuit. Probabil, aceste morminte aparțin elitei conducătoare a unei mari așezări din perioada scitică, amplasată în apropiere. Complexele se datează cu sfârșitul secolelor VI-V. a.Chr.

Александр Могилов, Юрий Ляшко, Сергей Руденко

Скифское всадническое погребение в бассейне р. Тясмин

Статья посвящена публикации материалов кургана 1 возле с. Михайловка Каменского района Черкасской области. Памятник исследован Скифской Правобережной экспедицией в 2018 г. Высота насыпи 1,25 м, диаметр 25,08-27,7 м. Под ней обнаружена сожженная столбовая деревянная гробница с дромосом. Могила окружал глиняный выкид диаметром 14,6 м. Погребальная камера имела размеры 3,95x4,25 м. В ней был захоронен всадник в сопровождении коня с уздой. Позже совершено еще одно впускное захоронение взрослого воина. Могила ограблена. Вероятно, эти погребения принадлежат правящей верхушке расположенного рядом большого поселения скифского времени. Комплексы датируются концом VI-V вв. до н.э.

На юге Днепровской Правобережной Лесостепи, в бассейне р. Тясмин, в окрестностях Мотронинского городища располагается один из наиболее насыщенных памятниками микро-регионов в Скифии. Здесь известны целый ряд знаковых для этой эпохи поселений и курганов у сел Жаботин, Грушевка, Михайловка, Райгород, Флярковка. Исследования древностей здесь начались еще до революции, продолжаютя они и сейчас.

В 2018-2019 гг. Скифской Правобережной экспедицией, организованной Институтом

археологии НАН Украины и Национальным историко-культурным заповедником «Чигирин», было проведено исследование курганов в урочище «Шпили» у с. Михайловка (бывшее с. Прусы) Каменского района Черкасской области. Группа из двух насыпей располагалась в 1780 метрах на восток – юго-восток от села. Курганы возведены на высоком мысу, вытянутом с юга (напольная сторона) на север (рис. 1). С запада, севера и востока мыс ограничен глубокими и широкими оврагами, над которыми он поднимается на высоту до 20-25 м. Пара насыпей вы-

Рис. 1. Курганы у с. Михайловка.

Fig. 1. Mounds near the village Mikhaylivka.

тянуты по линии север-юг. Рядом с некрополем, до 500 м на юго-восток, располагается крупное поселение скифского времени, площадью до 100 га [Liashko 2017]. Данная работа посвящена публикации кургана 1 упомянутого некрополя, раскопанного осенью 2018 г. [Mogilov, Liashko, Rudenko 2020].

Курган 1

Памятник располагался на краю мыса, на его гребне, где поверхность понижалась к северу, в сторону оврага, а по бокам – еще и к западу и востоку. Насыпь была несколько более крутой с севера. И более пологой – с южной стороны (рис. 2). С запада и востока склоны плавно сливались с окружающим рельефом. В северной поле кургана видны следы небольших углублений от грабительских прокопов. Наибольшая высота насыпи была с севера – 1,25 м. В то время, как с востока и запада она составляла 1,11 и 0,95 м. А с юга – всего 0,72 м. Диаметр от 25,08 м (запад-восток), до 27,7 м (север-юг). Черноземная насыпь была сооружена над углубленной в почву сожженной деревянной столбовой дромосной гробницей. Склеп, вероятно, несколько выступал над древней поверхностью, и от действия огня развалился в разные стороны. При этом, он перекрыл на некоторых участках глиняный выкид, и сформировал мощные (до 0,76 м) пережженные слои, диаметр залегания которых составлял 9,9-10,1 м. Они содержали вкрапления древесного угля и фрагменты отдельных

обугленных бревен. Почва в некоторых местах запекалась в кирпичевидные фракции. Особенно мощными были эти слои с юга, в районе дромоса.

Могила окружал глиняный выкид (рис. 3). Он лег довольно широким кольцом диаметром 14,45-14,6 м. Его ширина – от 1,8 м на юге, до 2,6 м на севере и 3,2 м на западе. Толщина, однако, не была чересчур большой, только в отдельных местах достигая 40-44 см. В южной части, напротив дромоса, по которому

вносили покойника и коня, выкид имел разрыв. В юго-восточном секторе, на глубине 42 см, на слое выброшенной глины, под массивом чернозема, лежали части античной гончарной амфоры от тризны (1).

Курган был ограблен в новое время, большой грабительской ямой в центре. Она фиксировалась с глубины 40 см, имея ширину до 4,36 м (север-юг), и постепенно сужаясь к низу. Далее она частично пробила верх южной, восточной и северной стен гробницы, оставив уцелевшими только ее углы и часть дромоса. На уровне глиняного материка грабительская яма имела размеры 3,95x4,25 м. А ниже, где мародеры могли уже хорошо ориентироваться на фоне желтой глины, прокоп шел почти по контуру могилы, и в дно почти не углублялся. Немного подкопанными оказались

Рис. 2. Курган 1 осенью 2018 г.

Fig. 2. Mound 1 in autumn 2018.

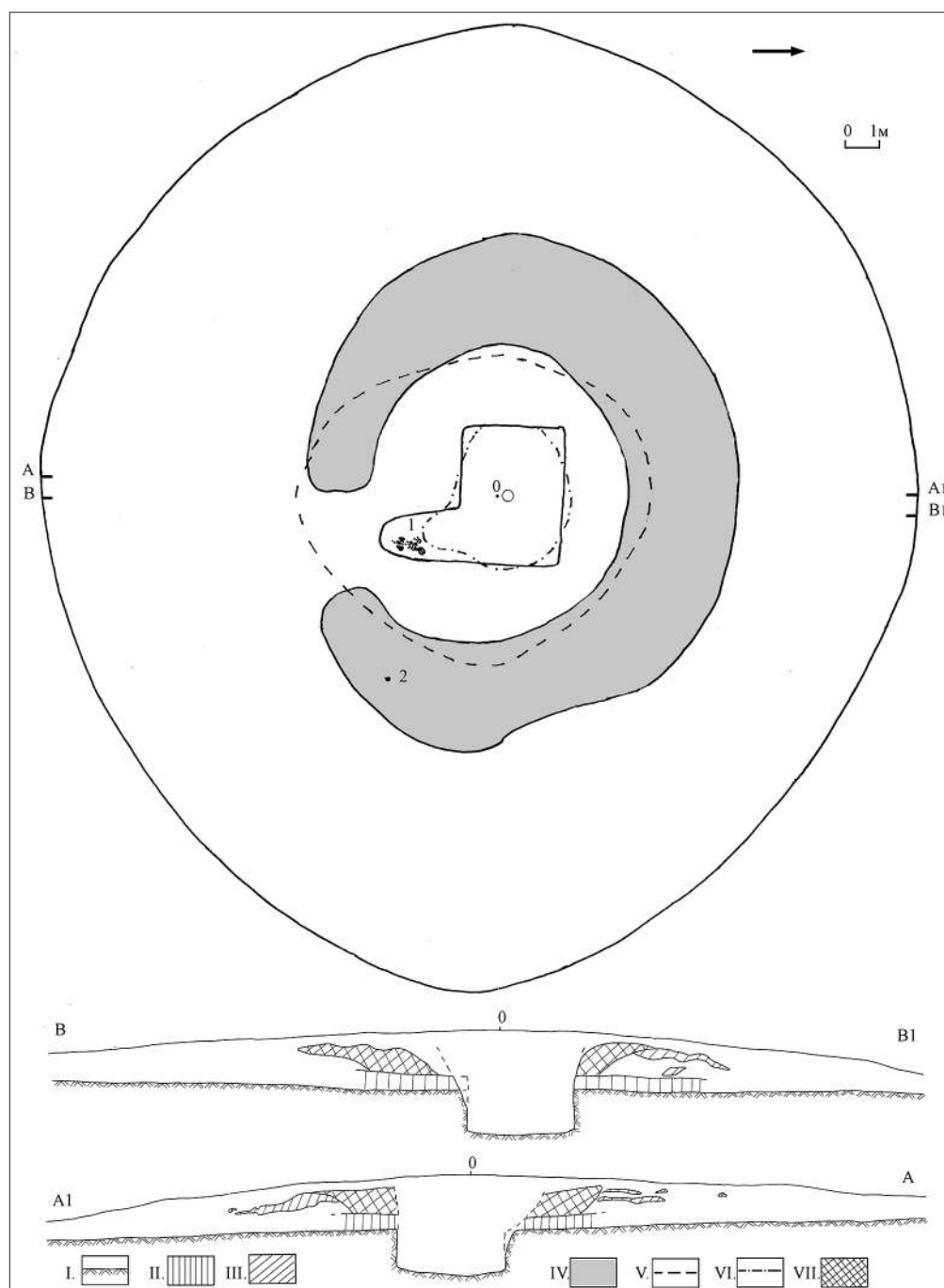

Рис. 3. Михайловка, курган 1, план: 1 – погребение коня; 2 – амфора из тризны; I – материковая глина; II – древний чернозем; III, IV – глиняный выкид; V, VII – прожженный слой; VI – контуры грабительской ямы.

Fig. 3. Mikhaylivka, mound 1, plan: 1 – burial of a horse; 2 – amphora from a funeral feast; I – continental clay; II – ancient soil; III, IV – clay ejected from the grave; V, VII – burnt layer; VI – contours of the plunder pit.

углы сооружения. Заполнение грабительской ямы составлял плотный намывной чернозем. В нем найдены четыре фрагмента стенок гончарного горшка нового времени, на одном из которых были заметны следы копоти. А также – несколько пережженных костей покойника

из центральной могилы (диафизы бедренной кости, обеих больших берцовых и двух пяточных костей). Они принадлежали взрослому мужчине¹. С ними был небольшой фрагмент

1. Антропологические определения А.Д. Козак (Институт археологии НАН Украины).

стенки античной красноглиняной гончарной амфоры (2).

Центральная гробница (№1)

Погребение было совершено в деревянной столбовой дромосной гробнице, углубленной в почву, которая была сожжена (рис. 4). Погребальная камера ориентирована широтно, и имеет размеры 3,9х3,08 м. Длина гробницы с дромосом – 5,47 м. Глубина – до 1,72 м в центре. У стен она уменьшается до 1,62-1,68 м. Дромос примыкает к камере с южной стороны, у юго-восточного угла. Его длина – 2,48 м, ширина у камеры – 1,36 м, у входа – 1,42 м. Дно – наклонное в сторону могилы. В его начале и в месте перехода в дно гробницы сделаны две наклонные ступени. Первая – на 37 см от входа, на глубине 79 см, имеет высоту 58 см и округлый верх. Вторая – в 2 м от входа, на глубине 1,35 м, имеет высоту 25 см, и формирует наклонную поверхность шириной 18 см.

В центре могилы находилась круглая столбовая яма диаметром от 37 см (север-юг), до 40 см (запад-восток). Она конусовидно сужается к низу. Дно округлое. Глубина 34 см. Заполнение, не бывшее прокопанным грабителями, плотное черноземное с вкраплениями глины.

У стен могилы зафиксированы следы обугленного дерева от сгоревшей обшивки. Дополнительных канавок в дне под стенками не обнаружено. Практически через всю западную стену, на глубине 60-95 см, почти горизонтально (с просадкой в центре) шла обуглившаяся деревянная плаха диаметром 6-10 см. Остатки такого же горизонтального обугленного бревна, из дуба черешчатого (*Quercus robur L.*)², зафиксированы у дна северной стенки. Его диаметр 9 см. Сзади и перпендикулярно к нему, ближе к стенке, шла уже вертикальная обгоревшая плаха диаметром 7-8 см. Следы еще одной вертикальной балки, шириной до 10 см, зафиксированы у юго-западного угла. Таким образом, деревянная обшивка стен гробницы была двухслойной. Внешний слой был вертикальным, а внутренний – составляли продольные горизонтальные плахи. Они могли выполнять функцию крепления наружных балок.

Глиняные желтоватые стены могилы от сильного огня приобрели кирпичный оттенок.

Обжиг неравномерный, шириной от 2-3 см до 15-20 см. Прогорело и дно. Такой участок, в частности, был зафиксирован у северной стены. На большей же площади могилы грабители сняли этот слой, не различив с пережженным заполнением гробницы. Впрочем, далее в глину они не углублялись.

Не нарушенное грабителями заполнение гробницы состояло из пережженного рассыпчатого грунта кирпичного цвета. На участках у стенок попадались угли и пепел. Столь мощные слои свидетельствуют, что здесь долгое время горел очень сильный огонь.

Могила оказалась полностью ограбленной. Уцелела лишь значительная часть дромоса. Здесь, на наклонном дне, в 0,7 м от входа, головой к погребальной камере лежал конь, положенный под восточной стенкой. Пол животного определен как мужской, возраст – 4-10 лет³. Кости сильно перегорели. Особенно действие огня сказалось на отдельных ребрах, позвонках, костях таза и ног, бывших черно-угольного цвета. Лошадь лежала наклонно, головой на север. Круп расположен прямо. Задние ноги – согнуты под тазом. Передняя часть несколько развернута на правый бок. Передние ноги отброшены в левую сторону, левая – поверх правой. Голова неестественно сильно запрокинута назад, и лежит на правом боку.

У туши обнаружен бронзовый базисный наконечник стрелы (3), которым возможно было убито животное. У левых ребер, на дне расчищены железные петельчатые удила (4), в одно из внешних колец которых был вложен бронзовый Г-образный псалий (5). Здесь лежали и две бронзовые бляхи в виде кисти лапы животного (7, 8). Далее у крупа коня обнаружен второй парный бронзовый Г-образный псалий (6). Спереди, между грудью и головой, лежали бронзовые ворворка (13), бляхи в виде головы лося (12), кисти лапы животного и часть другой, такой же (9, 10). Под черепом лошади обнаружены бронзовые бляха-лапа животного, похожая на другие (11), и ворворка (14). Все вещи носят на себе следы воздействия огня. Характер расположения находок, свидетельствует о том, что в захоронение не была поставлена целая уздечка с ремнями. А

2. Определения А.И. Попова (Ботанический сад Харьковского национального университета).

3. Определение Т.В. Бударagiной (Институт археологии НАН Украины).

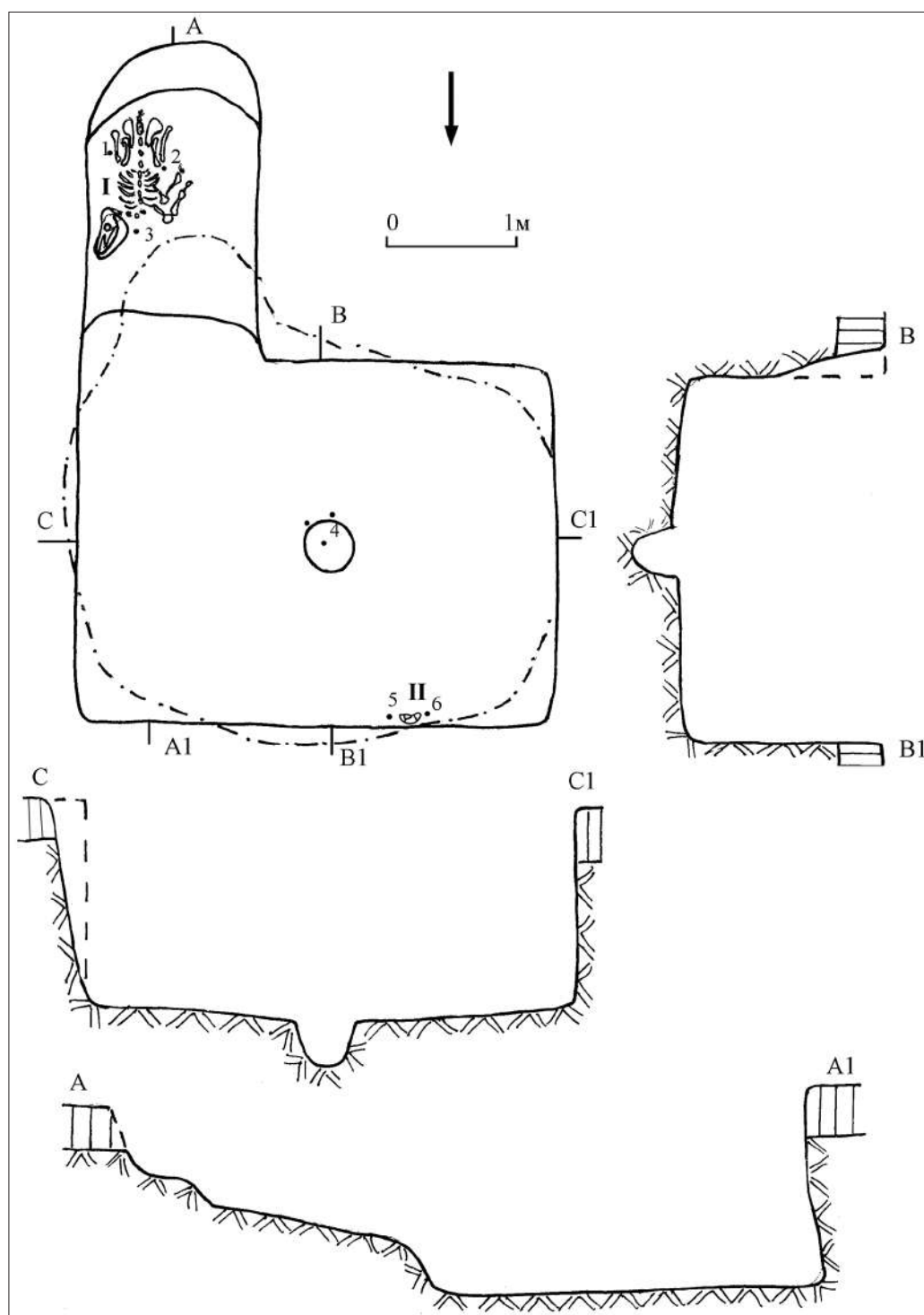

Рис. 4. Могила в кургане 1, план: I – погребение коня; II – впускное захоронение; 1-3 – узда в захоронении коня; 4 – уздечные предметы в столбовой яме; 5, 6 – наконечники стрел и нож из впускного захоронения.

Fig. 4. Grave in the mound 1, plan: I – burial of a horse; II – late burial; 1-3 – bridle in the burial of the horse; 4 – bridle objects in the pit; 5 – arrowheads and 6 – fragment of a knife near the skull.

лишь – отдельные детали снаряжения коня. Цельным было только соединение одного псалия с удилами. Нельзя исключать, что перед

захоронением ремни упряжи были умышленно порезаны, а вещи – разделены. «Порча» заупокойных даров, в частности и узды, известна

по другим синхронным среднескифским комплексам [Skoryi et al. 2019, ris. 118, 1].

Погребальная камера ограблена. В столбовой яме и в кротовинах возле нее обнаружено лишь несколько предметов снаряжения коня, свидетельствующих о том, что уздечка могла висеть на столбе. Среди этих находок – 3 бронзовых замочковидных подвески (15-17) и ворворка (18), а также фрагмент небольшого железного стержня (19).

Впускное погребение (№2).

Под южной стенкой могилы обнаружены следы впускного погребения. Оно прорезало толщу заполнения камеры (в том числе – остатки деревянной обшивки стен), и, на глубину до 10 см, вошло в желтую материковую глину. Захоронение оказалось уничтожено грабительской ямой. Уцелела только верхняя часть черепа, принадлежавшего взрослому мужчине, возраст которого оценивается в интервале от 35-40 до 50 (60) лет. Положение черепа свидетельствует о том, что покойник лежал головой на север. Кости, не обожжены, а только немного окрашены бывшим рядом древесным углем. Слева от головы расчищены, остриями к стене, два бронзовых наконечника стрел (20, 21). А также – фрагмент железного ножа (22).

Находки из кургана

Основное захоронение

1. От амфоры на сложнопрофилированной ножке уцелела верхняя часть высотой 14,2 см и диаметром горла – 8,5-10 см, и обломки от корпуса и придонной части. Судя по уцелевшим фрагментам, сосуд имел округлые абрисы корпуса и цилиндрическое, овальное в сечении горло, края которого едва отклонялись наружу. На плечиках, ниже ручки – пальцевое вдавление. На венчике извне, у утраченной ручки, едва прослеживается небольшая горизонтальная полоса, нанесенная бордовой краской (рис. 8,1).

2. Фрагмент стенки античной красноглиняной амфоры (рис. 8,2). Длина – 5,3 см, ширина – 2,5 см, толщина – 0,7 см.

3. Бронзовый базисный трехлопастный наконечник стрелы со скрытой втулкой (рис. 6,7; 7,12). Длина – 2,4 см, ширина основания – 1 см. Диаметр втулки – 0,55 см, диаметр отверстия

в ней – 0,4 см. На одной из граней – отверстие овальной формы (следы литейного брака).

Узда коня состояла из железных удиц и пары бронзовых Г-образных псалиев, имеющих идентичные размеры, пропорции и индивидуальные черты (в частности – линии литейных швов, или контуры расширений вокруг отверстий), что является, возможно, свидетельством отливания в одной форме. В набор входили также 5 блях в виде пятипалой лапы животного, составлявшие вероятно, систему нащечного обрамления, и имеющие аналогичные размеры, и абрисы, с расположением литейного шва включительно, что тоже может указывать на литье в одной форме. Массивная лосеголовая бляха, видимо, служила налобным украшением. Крепили ремни 2 ворворки.

4. Железные петельчатые удила. Длина – 19,5 см. Длина звеньев – 10 и 10,6 см. Диаметр внешних колец – до 2,5 см, внутренних – 2-2,5 см. Сечение стержней – прямоугольное 4х5 мм (рис. 6,12; 7,20).

5-6. Два бронзовых двудырчатых Г-образных псалия с коническим боковым выступом. Другой прямой конец утолщается и имеет круглую основу. Центр восьмерковидный, с расширением вокруг отверстий и суженным перехватом в центре между ними (для охвата внешней петлей удиц и противодействия ее соскальзыванию). Сечение краев стержня псалия – круглое. С обеих сторон по корпусу видны следы продольных литейных швов. Длина псалиев – 8,6 см. Диаметр стержней – от 7 мм, а круглой основы краев – 1,4 см. Длина бокового выступа – 2,5 см, а диаметр его широкого края – 1,5-1,6 см. Ширина центральной части вокруг отверстий – 1,4 и 1,5 см, а центрального перехвата между ними – 0,6-0,8 см (рис. 5,2-3; 7,2-3).

7-11. Бронзовые бляхи в виде кисти пятипалой лапы животного с петлей на обороте (5 экземпляров). Возможно, они отлиты в одной форме. В древности утрачена половина одного изделия, вместе с петлей. На другом – заметен литейный брак (овальное отверстие). Ширина блях – 1,5 см, длина – 3,2 см, толщина щитка – до 2 мм. Высота округлой петли – 0,9 см, ее ширина – 1,35 см. Размеры отверстия – 0,9х1 см. Под петлей на обороте, поперек щитка, видны следы литейного шва, указывающие, что при отливании изделий могла быть использована трехстворчатая форма (рис. 5,4-8; 7,15-19).

Рис. 5. Бронзовые детали узды из могилы.

Fig. 5. Bronze bridle from the grave.

12. Бронзовая бляха в виде головы лося с петлей на обороте. Изделие передает голову животного с рогами, приоткрытым ртом, характерной горбатой мордой и рифленным ухом (по образу стилизации некоторых крыловидных блях). Большой круглый глаз занимает центральную часть щитка. Внизу изделия рельефно обозначена характерная в этом месте более густая и длинная шерсть. Концы рогов декорированы головками хищной птицы с четко обозначенным глазом и клювом. В месте соединения веток рогов, изображена розет-

ка, которую сверху украшают пять лепестков (рис. 5,1; 7,1). Размеры – 7,5х5,5 см. Толщина щитка – до 3 мм. Петля отлита вместе с бляхой в двустворчатой форме, путем вставления дополнительного штифта, о чем свидетельствует характерный прямоугольный след на обороте. Ее высота – 0,8 см, ширина основания – 1,6 см. Размеры отверстия – 0,6х0,6 см.

13. Бронзовая усеченконическая вставка с вогнутыми сторонами (рис. 6,2; 7,5). Высота – 2 см. Диаметр нижнего основания – 1,6 см, верхнего – 0,9 см. Диаметр нижнего от-

Рис. 6. Находки из гробницы: 1-9 – бронза; 10, 11 – железо.

Fig. 6. Finds from the tomb: 1-9 – bronze; 10, 11 – iron.

верстия – 1,3 см, верхнего – до 0,5 см. Толщина стенок – 1,5-2,5 мм.

14. Бронзовая усеченочоническая ворворка с вогнутыми сторонами (рис. 6,3; 7,6). Высота – 1,6 см. Диаметр нижнего основания – 1,4-1,6 см, верхнего – 0,8 см. Диаметр нижнего отверстия – 1 см, верхнего – до 0,6 см. Толщина стенок – 1,3-2,5 мм. На одной из них – литейный брак (отверстие с неровными краями).

Из состава уздечного набора из погребальной камеры уцелели три привески и ворворка.

15-17. Три идентичных бронзовых замочковидных привески, вероятно, отлитые в одной двухстворчатой форме (рис. 6,4-6; 7,7-9). По периметру внутреннего отверстия сохранился литейный шов. Высота изделий – 1,65 см, ширина основания – 1,6 см, верха – 1,2 см. Толщина основы – 0,85 см, верха – 0,4 см. Высота и ширина отверстия – 0,7 см.

18. Бронзовая усеченочоническая ворворка с вогнутыми сторонами (рис. 6,1; 7,4). Высота – 2,6 см. Диаметр нижнего основания – 1,6 см, верх-

него – 0,85 см. Диаметр нижнего отверстия – 1,4 см, верхнего – до 0,6 см. Толщина стенок – 1 мм.

19. Фрагмент железного, прямоугольного в сечении, стержня (рис. 6,11; 7,10). Длина – 1,9 см, ширина – 0,6 см, толщина – 0,3 см.

С *впускного погребения* уцелели два бронзовых наконечника стрел и фрагмент железного ножа.

20. Бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с выступающей втулкой и треугольной головкой, концы лопастей которой образуют «жальца» (рис. 6,8; 7,13). Конец острия стрелы дополнительно заточен, из-за чего головка приобрела легкие башневидные абрисы. На одной из граней – отверстие неправильной формы (литейный брак). Длина – 3,5 см, ширина основы головки – 0,7 см, ее длина – 3,25 см. Втулка выступает на 0,6 см, ее диаметр – 0,5 см, а диаметр отверстия – 0,4 см.

21. Бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с сильно стертymi гранями (рис. 6,9; 7,14). Фактически, он источен почти до состояния трехгранного. Однако, на каждой из

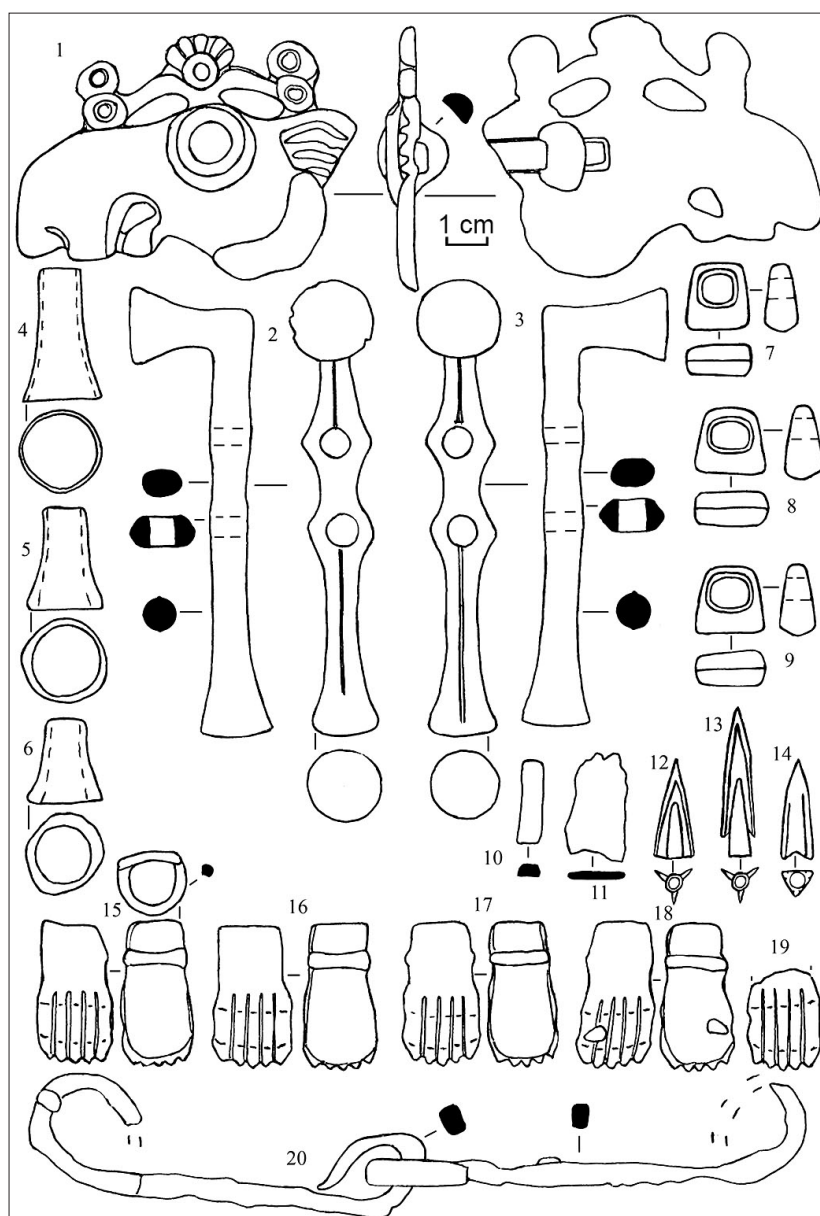

Рис. 7. Находки из кургана: 1-9, 12-19 – бронза; 10, 11, 20 – железо.

Fig. 7. Finds from the mound: 1-9, 12-19 – bronze; 10, 11, 20 – iron.

граней еще видно полосы, маркирующие основу лопастей. Конеч головки дополнительно заточен, из-за чего грани приобрели «ломаные» абрисы. На одной из граней – отверстие неправильной формы (литейный брак). Втулка отсутствует. Длина – 2,4 см, ширина основы – 0,65 см, диаметр отверстия – 0,4 см.

22. Фрагмент железного ножа (рис. 6,10; 7,11). Длина уцелевшего обломка – 2,6 см, ширина – 1,4 см, толщина – 0,2 см.

Анализ погребального обряда и инвентаря

Для среднескифского времени в Днепровской Правобережной Лесостепи **подкурганные захоронения** составляют основу источниковедческой базы [Коврапенко, Bessonova, Skoryi 1989, 36], хотя количество грунтовых захоронений постепенно увеличивается [Mogilov 2017, 303-307]. Подобна и ситуация в Степи Северного Причерноморья [Ol'khovskii 1991, 51, 61, 66, 74; Mogilov 2018, 306-308]. Нескільки диссонірує в Михайлівке невелика висота кургана, і доволі значительні розміри дромосної гробниці з наявністю коня з уздою там. На Правобережжя Середнього Дніпра (см. далі), із дореволюційних розкопок, коли насипи ще не були так снівеліровані, подібні кургани зі склепом і лошадою (не рідко – сочєтаними) чашє мали висоту в 2,7-6 м [Bobrinskoi 1902, 46, 48; 1905, 2, 8, 13, 19, 23]. Ізвєстні, впрочєм, і окремі більш скромні приєри. Так курган 5 вєзле Берєстняг в Порєсьє вєзвышався лишє на 1,4 м, при наявності кон-

ського погребєння, богатої інвєнтєря і узди [Bobrinskoi 1901, 93, 94; Mogilov, Didenko 2008, 84-86]. Ізвєстно, що кургани в Михайлівкє в єовєтськє вєрємя активно рєпахивались тєхнікєю, оказавшись єильно рєстянутими. Вє євєякого єомнєння, їх єервична висота була значительно більшє доєдєшої до нас в 1,25 м.

Для Днієровської Лєсостєпи той єпохи характерна єреимуществєнно одна **єєнтральна гробниця**, впрочєм, впускніє захоронєніє тєжє иногда фікєсируються [Коврапенко, Bessonova, Skoryi 1989, 37]. В Єтєпної Єкифії в V в. до н.є. основніє погребєніє єоставляють 77% [Ol'khovskii 1991, 66].

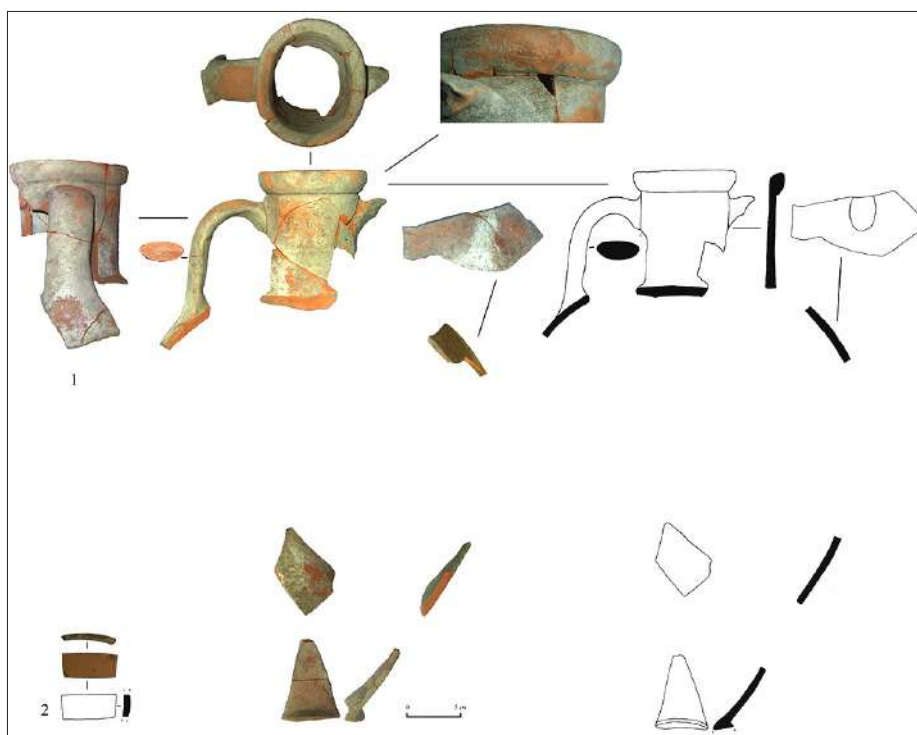

Рис. 8. Античная амфора.

Fig. 8. Antique amphora.

Тризна иногда встречается в курганах среднескифского периода в Днепровской Правобережной Лесостепи. Расчищена она, например, во рву кургана 1 в Стеблеве [Skoryi 1997, 78]. В Степной Скифии той эпохи она более обыкновенна и зафиксирована в 20-22% курганов [Ol'khovskii 1991, 75]. Учитывая такое преобладание, нельзя исключать степного влияния на бытование этой традиции на Правобережье Среднего Днепра в V в. до н.э. Тем более, что для упомянутого Стеблевского могильника предполагаются погребения собственно ираноязычного скифского степного этнического субстрата [Skoryi 1997, 60, 65]. Да и место находок – во рву, находит широкие параллели в степи. В Михайловском некрополе, как будет показано далее, тоже присутствуют ряд степных черт.

Столбовые гробницы в Правобережной Лесостепи имеют предскифские прототипы. Такое погребение зафиксировано, например, в Ольшане [Kovpanenko, Skoryi 2003-2004, 268, 269]. Они уходят своими корнями еще глубже, в эпоху финальной бронзы. Подобные конструкции, в частности, исследованы в курганах известного Гордеевского могильника в Среднем Побужье [Berezans'ka, Klochko 2011, 9, 15, 20]. В

среднескифский период в регионе деревянные склепы в ямах составляют 33%. Среди них многочисленны как раз **гробницы со столбами и дромосом**, характерные для бассейна р. Тясмин [Kovpanenko, Bessonova, Skoryi 1989, 38]. Они зафиксированы в ряде таких известных памятников этого региона, как курганы 396, 400, 401, 402 у Журовки [Bobrinskoi 1905, 2, 8, 13, 19, 23], 389, 392 возле Грушевки [Bobrinskoi 1902, 46, 48].

В Степи Северного Причерноморья среднескифского периода столбовые гробницы встречаются лишь изредка [Skoryi 1997, 18, 19]. Склепы со столбами по углам раскопаны, например, в таких известных курганах как I Завадская Могила [Mozolevskii 1980, 97, 98] и №17 у Шахты 22 под Орджоникидзе [Terenozhkin et al. 1973, 169]. Но, в целом, они малохарактерны для этого региона (деревянные гробницы всех типов составляют только 4,4%), да и наличие их объясняют возможным притоком лесостепного населения. Кроме этого, большинство из таких склепов расположены севернее, на границе с лесостепью [Ol'khovskii 1991, 65; Kozyr, Panchenko, Chornyi 2019, 300-302], контактами с населением которой можно объяснить более широкое их распространение там.

Сожжение деревянных гробниц – лесостепная традиция, известная на Правобережье, в частности – и на Тясмине, еще с раннескифского времени, и бытующая в V в. до н.э. [Коврапенко, Bessonova, Skoryi 1989, 34, 39]. В Степи такие случаи редки, и сконцентрированы, преимущественно, на границе с Правобережной Лесостепью [Ol'khovskii 1991, 66], контактами с населением которой, видимо, и следует связывать их распространение. Есть в степной зоне и примеры, когда обожжено только деревянное перекрытие, но и они локализируются на периферии ареала [Ol'khovskii 1991, 66].

Северная ориентировка покойного из впускного захоронения, насколько можно судить по имеющимся данным [Коврапенко, Bessonova, Skoryi 1989, 39, 40, tabl. 7], на Тясмине (для памятников которого вообще характерна большая вариабельность) равно распространена, наряду с некоторыми другими. Однако, для Киево-Черкасского региона в целом, она составляет лишь около 10%. Памятникам Степной Скифии данного периода она не свойственна [Ol'khovskii 1991, 66].

Первый Михайловский курган дополнил серию *конских погребений* среднескифского времени в Северном Причерноморье [Mogilov, Bokii 2016, 82-84; Evdokimov, Danilko, Mogilov 2011, 106-107]. В некоторых случаях в могиле была не вся лошадь, а только ее череп, впрочем, нередко – тоже с уздой. В других могилах поставлен череп с конечностями [Mogilov, Bokii 2016, 82]. Там можно предполагать положение целой шкуры коня, где остались лишь череп, отдельные кости и внутренности. Наиболее часты такие примеры у меотов Прикубанья, где этот обычай имеет протомеотские корни [Anfimov 1975, 37]. Но известны они и в Северном Причерноморье. Это может перекликаться с данными историка V в. до н.э. Геродота (IV, 72) об изготовлении чучел коней и всадников в память об усопшем царе [Ol'khovskii 1991, 117].

Как известно, раннескифские захоронения лошадей раскопаны на Северном Кавказе, тогда как для лесостепной и степной зон Северного Причерноморья они исключительны. Ситуация кардинально меняется с началом среднескифского этапа, когда и в этих регионах распространяются такие комплексы [Mogilov,

Bokii 2016, 81-85]. Так, для архаической эпохи Надчерноморья можно назвать лишь погребение лошади в кургане 35 у Бобрицы в Порожье [Bobrinskoi 1901, 113; Kovrapencko 1981, 13, 14]⁴. Насыпь у с. Станишино на севере степи, где зафиксировано захоронение воина с конем [Iastrebov 1889, 113-115], судя по последним датам здешней каменной стелы в рамках 2-й половины VI – начала V вв. до н.э. [Ol'khovskii, Evdokimov 1994, 27], относиться, скорее, к раннему среднескифскому времени [Mogilov, Bokii 2016, 81].

С началом среднескифской эпохи положение коня с усопшим в Северном Причерноморье уже не редко. Причем, лежать он мог и вместе с хозяином, и в отдельной могиле. Не редко фиксируется его расположение головой к всаднику, чтобы воин и на том свете в любое время мог взять верного товарища под уздцы [Mogilov, Bokii 2016, 81]. На Правобережье Среднего Днестра той поры конь с всадником в гробнице (в камере или дромосе, где лежат 1-3 лошади) известны в курганах Скифская Могила [Skoryi, Hohorovskiy 2004, 423], 396, 400, 401 у Журовки [Bobrinskoi 1905, 2, 8, 9, 14, 15], 491 в Макеевке [Galanina 1977, 26], 1 возле Стеблева [Skoryi 1997, 111], 4 и 5 около Берестняг [Bobrinskoi 1901, 94, 98; Mogilov, Didenko 2008, 84]. Второй половиной V в. до н.э. датирует В.Г. Петренко [Petrenko 1967, 93] курган 33 около Бобрицы [Bobrinskoi 1901, 111]. Раскопаны и отдельные конские могилы, где было по одному животному: насыпи 1 Павловской группы в Матусове [Mogilov 2007, рис. 2], у Омельника [Bokii 1971, 158-159].

В Днепро-Донской Лесостепи в ту эпоху известны захоронения коней в одной гробнице с хозяином. Они исследованы под насыпями в Крячковке в Посулье [Sydorenko 1964, 191], возле смт. Коротич в Северскодонецкой группе [Bandurovskii, Buinov 2000, 19, 48, 49; Babenko 2008, 28]. А в кургане 9 Песочинского могильника конца среднескифского – начала позднескифского времени, в нише могилы расчищен взнузданный череп [Babenko 2005, 22]. Среди северскодонецких древностей исследовано и захоронение

4. В этом контексте, пожалуй, стоит упомянуть и раннескифский курган 6 у Берестняг в Порожье. В могиле, рядом с бронзовыми удилами, лежал конский зуб. По мнению исследователя этого комплекса – Е.А. Зноско-Боровского, это было место, где ранее лежала лошадь [Bobrinskoi 1901, 100].

лошади в отдельной могиле: Малая Рогозянка-1, курган 2 [Bandurovskii, Buinov 2000, 48].

Хорошо известны конские захоронения среднескифского периода и в Степной Скифии. Здесь преобладают, наоборот, отдельные их могилы, известные в курганах I Завадская и IV Испанова Могила [Mozolevskii 1980, 89-96; 144-145], 6 в Новом Запорожье [Pleshivenko 1991, ris. 3], 1 группы Червоный Яр II [Gudkova 1978, 188-189], 1 возле Арциза [Alekseeva, Okhotnikov, Redina 1997, 51-53], 8 около Малой Лепетихи [Evdokimov, Danilko, Mogilov 2011, 104, 105], Близнец-2 [Romashko, Skoryi 2009, ris. 6; 8], 1 группы Шевченко-2 [Zaraiskaia, Privalov 1992, 130], 13 у Великой Знаменки [Otroshenko, Rassamakin 1986, 285; Boltrik, Fialko 2005, 21], 11 возле Акимовки [Boltrik, Fialko 2010 ris. 2; 9A], 8 возле Николаевки [Alekseeva, Bulatovich 1990, 38]. Количество лошадей – от 1 до 3. Две отдельные конские гробницы открыты в V Ак-Бурунском кургане [Iakovenko 1974, 67]. К этой группе близки захоронения эллинизированной знати в некрополе Нимфея, совершенные в отдельных могилах или сбоку основной гробницы. Количество коней здесь от 1 до 8. Такие примеры видим в курганах 24 (гробница 19), 17 (могила 18), 32 (погребение 14), исследованных в 1876 г., а также – 1 и 6 (1878 г.) [Silant'eva 1959, 51, 86]. Здесь известно и отдельное захоронение В-15 [Sokolova, Pavlichenko, Kasparov 1999, 332-337]. Погребение лошади с уздой раскопано и в Пантикапее [Tolstikov 2011, 56-58]. Добавим, что могилы коней известны и на Азиатском Боспоре. Такие комплексы V в. до н.э., в частности, раскопаны в некрополях Волна-1 и Артющенко-2 [Kashaev, Mimokhod, Sudarev 2019, 25-29]. Ямы – нередко обособленные или врезаются сбоку в гробницу воина, а конь лежит параллельно хозяину.

В Степной Скифии в среднескифскую эпоху известны и захоронения лошади в одной могиле с усопшим. Раскопаны они, в частности, в курганах пограничных с лесостепью: Медерово [Bokii 1974, 264], 32 у Олышанки [Mogilov, Bokii 2016, 76], возле с. Станишино [Iastrebov 1889, 113-115]. Но в других случаях – находятся глубоко в степи: насыпи 9 возле Никольского [Agulnikov, Sava 2004, 96-100], 11 группы Подгородное V [Kovaleva, Mukhopad 1979, 112], 15, погребение 2, у Танкового [Shchepinskii, Cherepanova 1969,

231, 232]; а также – 29 на Гаймановом Поле [Terenozhkin, Il'inskaia, Mozolevskii 1977, 187, 188], в котором есть находки и среднескифского и позднескифского времени, сигнализируя о сооружении кургана на рубеже двух этих периодов [Mogilov, Bokii 2016, 81, 82].

Добавим, что традиции положения коня как в отдельную могилу, так и с покойником, известны в Скифии и позже, в IV в. до н.э., причем встречаются они и в степи, и в лесостепи.

Среди погребального инвентаря в Михайловке выделяются **детали снаряжения коня**. Сбруя в среднескифское время известна для 32% погребальных памятников Правобережной Лесостепи [Kovpanenko, Bessonova, Skoryi 1989, 40]. В Степной Скифии доля таких захоронений заметно меньше и составляет 10% [Ol'khovskii 1991, 73]. Последнее, правда, в определенной степени объясняется масштабом раскопок рядовых захоронений там. Тогда как на Правобережье Среднего Днепра, во время дореволюционных исследований, заложивших основу источниковедческой базы, значительное внимание уделялось, прежде всего, большим насыпям.

Железные петельчатые удила появились еще в келермесских древностях. А в среднескифское и позднескифское время, за редкими исключениями, это единственный тип удила у населения Скифии [Mogilov 2008, 19-22].

Бронзовые Г-образные псалхи, у которых согнутый конец конусовидно расширяется, характерны для среднескифского времени: 2-я половина VI-V вв. до н.э. [Mogilov 2008, 38, ris. 80; 81: 1-5]. На Правобережье Среднего Днепра аналогии известны из курганов 400 у Журовки [Bobrinskoi 1905, 9-13, 27, ris. 25], 188 на Тенетинке [Bobrinskoi 1894, tabl. IV, 4]. В Лесостепном Левобережье значительна их подборка из Поворскля, где они найдены под насыпями Перещепинского могильника возле Бельского городища [Murzin et al. 1999, ris. 15, 5,6; 16, 1-4]. Встречаются они в Северскодонецкой группе [Bandurovskii, Buinov 2000, ris. 55, 2]. В Степи – найдены в курганах I Завадская и IV Испанова Могила [Mozolevskii 1980, tabl. 36, 11, 22; 83, 1], 1 (1937 г.) на Никопольском поле [Grakov 1962, ris. 10, 2,3]. Представлены они в некрополе Нимфея [Silant'eva 1959, ris. 37, 4; 40, 1; 47, 2,3]. Известны – на Северном Кавказе [Gabuev,

Erlikh, 2001, ris. 4, 10], а также – в Добрудже на Нижнем Дунае [Simion 2003, fig. 6].

Бляха в виде головы лошади относится к изделиям среднескифского времени: 2-я половина VI-V вв. до н.э. [Mogilov 2008, 47, 48]. В Украине стилистически к михайловской бляхе наиболее близки некоторые изделия из Крыма, в частности – предметы из кургана 7 у Колосков [Ol'khovskii, Hrapunov 1990, 42], а также – экземпляры из Крымской коллекции [Skoryi, Zimovets 2014, 84-85; №№3/281; 5/283]. Впрочем, они отличаются в пропорциях и отсутствием рифления на ухе.

Надо сказать, вообще, что бронзовые лосеголовые массивные бляхи стилистически достаточно вариабельны и распространены в разных регионах Скифии. Территориально ближайшие аналогии найдены в соседнем Втором Михайловском кургане, исследованном в 2019 г. [Mogilov 2021, ris. 4]. Из других правобережных лесостепных находок, можно отметить изделия из курганов 401 возле Журовки [Bobrinskoi 1905, ris. 33], 198 на р. Тенетинка [Bobrinskoi 1894, tabl. 4, 5], 459 около Турии [Bobrinskoi 1906, ris. 5; Mogilov, Didenko 2014, ris. 1]. С Лесостепного Левобережья происходят экземпляры из Жовнино [Il'inskaia, Gorishnii 1975, ris. 1], насыпи 2 близ Борзны [Il'inskaia 1968, tabl. XXXI, 12], селища Барвинкова Гора на Бельском городище [Shaporda, Shtanko, Ovcharenko 2019, ris. 5, 2]. В степном регионе выявлены предметы под насыпями 7 Акташского могильника [Bessonova, Bunyatyan, Gavriluk 1988, ris. 7, 3], 1 возле Новорозановки [Shaposhnikova 1970, ris. 5] 7 у Жданова [Chernenko 1970a, ris. 2: 4], 9 около Кушугума [Mogilov 2018, ris. 10, 1], 1 (погребение 1) у д. Кара-Меркит (Каштановка) у Ак-Мечетской бухты [Iakovenko 1976, ris. 7, 2; Ol'khovskii 1991, ris. 10].

Найдены они на античных памятниках, где связываются со скифским влиянием: курган 32 и одна из гробниц 1868 г. Нимфейского некрополя [Silant'eva 1959, ris. 37, 9; Chernenko 1970b, ris. 3], Никоний [Bruyako, Ostroverhov 2010, 113, ris. 1]. Встреченны – в Прикубанье: Малый Семибратний курган [Il'inskaia 1965, ris. 3, 6], и в Предкавказье: Атаги [Makhortykh 1991, ris. 19, 44]. В Нижнем Подунавье они маркируют проникновение скифов в Среднюю Европу: изделия из Крайовы [Párvan 1967, rys. 50; Venedikov, Gerasimov 1973, il. 296], Orgame [Simion 2003A, fig. 12, c]. Известны

они у савроматов [Očir-Gorjaeva 2005, 157, 159].

Эти изделия в подавляющем своем большинстве использовались в узде. И только в единичных случаях известны примеры украшения ими защитного доспеха, колчана или налучья и, возможно, ножен меча [Mogilov, Didenko 2014, 99].

Бронзовые бляхи в виде кисти лапы животного тоже относятся к среднескифскому периоду [Mogilov 2008, 51, 52; ris. 103, 1-12]. Подобная бляха уже была известна в дореволюционное время из Михайловки (тогдашних Прусс) [Drevnosti Pridneprov'ia 1899, №328]. Другая правобережная аналогия происходит из кургана 398 возле Журовки [Bobrinskoi 1905, ris. 7]. В Восточноподольской группе они найдены под насыпью 26 в Новоселке [Majewski 1905, ris. 67, 68]. Большая подборка известна из Лесостепного Левобережья: курганы курганы 1, 8 (погребение 1), 18 (гробница 1), 21 Перещепинского могильника [Shramko 1994, ris. 4.6; Murzin, Rolle, Bilozor 1996, mal. 3; Murzin et al. 2000, ris. 34,10; 2002, ris. 46, 12] в Поворосльке; 3 около Протопоповки [Bandurovskii, Buinov 2000, ris. 55, 9] в Северскодонецкой группе; Кийлов в Террасовой Лесостепи [Mogilov 2008, ris. 103, 7].

Найдены они в Степной Скифии: погребение у Стылы [Privalova 1993, ris. 83, 70], курган 9 около Кушугума [Mogilov 2018, ris. 10, 1], предметы из Крымской коллекции [Skoryi, Zimovets 2014, 125]. Такие находки маркируют продвижение скифов в Среднюю Европу через Нижнее Подунавье, где они найдены в пещере Бычьей Скала [Bukowski 1977, fig. 14, 8], могильнике Чилик Дера [Simion, 2000, fig. 10.5].

Обнаружены они на античных памятниках и в их округе: захоронение 8 (1992 г.) некрополя Ольвии [Papanova 1993, рис. 28, 6], окрестности Феодосии [Gavrilov 2004, ris. 74, 4]. Встречаются – у савроматов [Smirnov 1976, ris. 1, 25; Očir-Gorjaeva 2005, abb. 54, 7].

Указанные бляхи следует отличать от рукоподобных изображений с обособленным большим пальцем [Mogilov 2008, 51, 52, 56].

Замочковидные подвески – характерные украшения узды среднескифского времени [Mogilov 2016, 74, 75]. Из более ста известных уже подобных изделий, ближайшее найдено в соседнем Михайловском кургане №2. Другие предметы на Правобережье Среднего Днепра выявлены в курганах 188 на р. Тенетин-

ка [Bobrinskoi 1894, tabl. III, 12], у Омельника [Bokii 1971, 155], 3 и 4 возле Стеблева [Skoryi 1997, ris. 22, 2-5; 26, 3]. Не редки они в Лесостепном Левобережье: насыпи 5 и 18 Перещепинского могильника в Бельське [Murzin et al. 1999, 20; 2000, ris. 34, 9]; 2 (1897-1898 гг.) у Волковцев [Drevnosti Pridneprov'ya 1899, tabl. XVI, 316], Т.В. Кибальчича около Аксютинцев, 2 в урочище Стайкин Верх [I'inskaia 1968, tabl. V, 22; XXVI, 2, 4] в Посуллье. На Северском Донце они обнаружены в курганах 3 коло Протопоповки, 5 Песочинского могильника [Babenko 2005, ris. 7, 10; 2008, ris. 1, 11, 12].

Не редки такие изделия в Степной Скифии: насыпи 48 Акташского могильника [Bessonova, Skoryi 1986, ris. 6, 2], I Завадская Могила, IV Испанова Могила [Mozolevskii 1980, ris. 36, 3, 4; 37, 5, 6; 38, 2], 1 группы Подгородное-X [Kovaleva, Mukhopad 1979, ris. 2, 10], Малая Цимбалка [Alekseev 1995, ris. 2: 2]. Немалое их число известно из Нимфейских курганов [Silant'eva 1959, ris. 40, 5; 37, 12; 47, 10; 49, 4]. Одна находка происходит даже из Греции [Robinson 1941, pl. CLV, 2503].

Бронзовые срезаноконические ворворки с вогнутыми боками – едва ли не наиболее распространенный тип ворворок среднескифской эпохи, известный во многих памятниках Лесостепной и Степной Скифии. Позже их находки уже достаточно редки [Mogilov 2008, 75].

Трехлопастные стрелы с выступающей втулкой и треугольной головкой, концы лопастей которой иногда могут формировать «жальца», характерны для колчаных наборов 2-й – 4-й четвертей V в. до н.э. [Polin 1987, fig. 11-13].

Базисные трехлопастные стрелы с треугольной (иногда – утяжеленной) головкой и скрытой втулкой бытуют во 2-й половине VI – 1-й четверти V вв. до н.э. Во второй половине VI в. до н.э., они зафиксированы в кургане 19 у Купьевахи в Поворсклье с клазоменской амфорой [Boyko, Berestnev 2001, ris. 41], датированной серединой – 3-й четвертью VI в. до н.э. [Vdovichenko 2007, 16]. По пропорциям, со сравнительно высокими горлом и ручками, покатыми плечиками, она имеет параллели среди изделий 2-й половины этого столетия [Monakhov 2003, 53; fig. 33, 1; Abramov 2019, 22, fig. 10-12; Sezgin 2004, 176, 177, fig. 14]. Последней третью VI в. до н.э. датируется литейная

мастерская в Ольвии, откуда известна серия базисных наконечников [Buyskih 2015, 111; ris. 18, 132-16]. Яма 5 (2005 г.) из Патрея содержит керамику и монету начала или 1-й четверти V в. до н.э. [Abramov, Zakharov 2007, 15, 18; ris. 5]. По античным материалам, 1-й четвертью V в. до н.э. датирован курган в Васином [Kozyr, Panchenko, Chornyi 2019, 312]. Видимо, одним из наиболее поздних памятников, который демонстрирует нам преобладание базисных типов, является курган 400 у Журовки [Petrenko 1967, 61, tabl. 34]. Хиоские амфоры отсюда могут быть сопоставлены с изделиями, датированными 80-ми – 70-ми гг. V вв. до н.э. [Monakhov 2003, 17]. Рубеж первой и второй четвертей этого столетия, видимо, был временем замены типов наконечников. И во 2-й – 4-й четвертях V в. до н.э. господствуют уже изделия с выступающей втулкой [Polin 1987, tabl. 11-13].

Выводы

Исходя из результатов раскопок, *история кургана*, может быть реконструирована следующим образом. В конце VI – начале V в. до н.э. на высоком мысу над оврагами, рядом с большим поселением скифской эпохи, было совершено погребение всадника с конем. Сначала была выкопана гробница с дромосом, а грунт с нее положен кольцом вокруг гробницы. Разрыв остался только напротив дромоса. В дальнейшем, в яме был построен деревянный склеп, имевший обшивку стен из плах. Его крыша опиралась на центральный столб. Это сооружение, вероятно, несколько выступало над древней поверхностью. Далее – в гробницу был внесен усопший, знатная особа. В камеру положена узда, и, вероятно, другой достаточно представительный инвентарь. В дромос помещен конь, рядом с которым оставлена узда. Наконечник стрелы, обнаруженный у животного, не исключает, что лошадь могла быть убита из лука.

Родственники совершают тризну по усопшему, распивая у гробницы вино, и бросая обломки разбитой амфоры на глиняный выброс в юго-восточном секторе кургана. После этого гробница поджигается. Пламя было очень сильным. Почва пропеклась до кирпичного цвета, иногда сплавившись в куски шлака. Покойник и конь сильно обгорели. Их кости местами пережжены до черного и серого цветов.

Следы действия огня носят и уздечные детали. Сгорев, гробница развалилась, причем еще пылающее дерево упало, не только внутрь, но и наружу, обжигая почву и здесь. Вслед за сожжением гробницы, родственники насыпают из чернозема курган. Безусловно, раньше он имел высоту большую, чем современные 1,25 м.

Во 2-й – 3-й четвертях V в. до н.э. в центральной части насыпи впускается еще одно захоронение. Яма была выкопана до уровня дна и незначительно углублена в него. С покойным положили наконечники стрел, нож. Судя по более скромному инвентарю, и своему впускному характеру, это было погребение социально менее значимого покойника, но не исключено, что потомка первого всадника.

В новое время курган был ограблен. Матеродеры прокопали большую яму в центре насыпи, и дошли до материкового суглинка. От них остались фрагменты гончарного горшка, имевшего на себе следы сажи. Инвентарь был вынесен, или выброшен наружу и не сохранился. Уцелела только большая часть дромоса с конем, а в камере – углы и небольшой участок под северной стеной, центральная столбовая яма. Грабители оставили курган с ямой посередине, и она заплывала много лет, заполняясь плотным намытым черноземом. В 70-х – 80-х гг. XX в., уже оплывшая насыпь, распахивалась колхозной техникой. Следы ямы в ее центре были окончательно сnivelированы, а сам курган – растянут плугами. Он приобрел сравнительно невысокие абрисы значительно диаметра. В таком виде он и предстал перед глазами своих исследователей.

Датировка первичного захоронения кургана возможна на основании амфоры из тризны⁵. Она относится к сосудам на сложнопрофилированной ножке (по более ранней терминологии – к протофасоским амфорам). Насколько можно судить по уцелевшим частям, она близка к 3-й группе амфор на сложнопрофилированной ножке, выделенной С.Ю. Монаховым. В ней появляются и сосуды с цилиндрическим горлом, численно преобладающие уже позже. Данная группа датируется **концом VI – началом V в. до н.э.** [Monakhov, 2003, 40, 41; tabl. 24]. Этот хроно-

логический отрезок кажется вполне правомерным для сооружения кургана, что подтверждает и другой инвентарь, в том числе узда и базисный наконечник стрелы.

Впускное погребение сопровождалось двумя наконечниками стрел. Один из них, с треугольной головкой, концы лопастей которой образуют шипы, и втулкой, которая выступает. Такие изделия преобладают в колчаных наборах 2-й – 4-й четвертей V в. до н.э. [Polin 1987, tabl. 11-13]. Другой наконечник сильно стерт, втулки нет. На первый взгляд, по форме он близок к трехгранным изделиям IV в. до н.э. И все же видно, что ранее он был трехлопастным (на гранях едва видны следы лопастей), относясь, таким образом, к базисным типам, бытующим в начале среднескифского периода. Ключевым при датировке, в данном случае, выступает более поздний наконечник 2-й – 4-й четвертей V в. до н.э. Базисный же экземпляр может указывать на более ранний отрезок в этих хронологических рамках: **2-я – 3-я четверти V в. до н.э.**

Рассматривая **социальную принадлежность** усопшего, отметим, что в кургане был, вне всякого сомнения, похоронен не рядовой общинник. Их захоронения известны в грунтовых могильниках, на территории поселений, под маленькими курганами. Первый Михайловский курган выделяется размерами могилы и наличием захоронения коня с уздой. Невдалеке от некрополя, как отмечалось, расположено огромное поселение скифского времени площадью до 100 га. Можно предположить, что под насыпью положен один из его правителей. Умерший из впускного захоронения, возможно, был его потомком, имел определенный статус, но, судя по впускному характеру захоронения, вероятно, уже не занимал в общине столь выдающегося положения.

Говоря об **этнической принадлежности** покойного из центральной могилы Михайловского кургана 1, да и о воине из кургана 2, исследованного здесь же в 2019 г. [Mogilov 2021], нельзя не отметить сочетания в Михайловском некрополе и лесостепных, и степных черт погребального обряда. К первым, как отмечалось, относятся деревянные гробницы и обычай их сожжения. В числе вторых можно назвать ямы со ступенькой, как раскопанная под насыпью 2. Эти могилы сосредоточены в

5. Искренне благодарим С.Ю. Монахова и С.А. Задникова за любезные консультации при атрибуции античных материалов.

степной зоне и в южных регионах лесостепи, и демонстрируют целый ряд признаков свойственных захоронениям номадов: погребения коней, положение умершего на разостланный доспех, жертвенная мясная еда, наличие котлов, узды [Mogilov, Bokii 2016, 78-82]. Далее, для V в. до н.э. степным влиянием, как отмечено выше, можно считать и тризну. А также – и мясную заупокойную еду [Skoryi 2003, 53]. Правда, во Втором Михайловском кургане стоит обратить внимание на ее ассортимент. Наряду с быком, зафиксированы и кости свиньи, животного характерного для оседлого хозяйства, но не свойственного кочевому. В этом можно усматривать адаптацию южной традиции местными аборигенами.

К кочевым традициям относят обычай захоронения коня в отдельной могиле [Bessonova 1990, 29; Ol'khovskii 1991, 164; Skoryi 2003, 48]. В Правобережной Лесостепи номадам приписываются, равно, и некоторые могильники, где это животное было в гробнице с хозяином [Skoryi

1997, 60-65]. У скифов-кочевников в степи, как писалось, такие случаи тоже известны.

Описанный синтез погребальных традиций, видимо, следует объяснять сложной межэтнической ситуацией на юге Украинской Лесостепи в скифское время. Исследователи выделяют несколько волн кочевой экспансии в Лесостепь [Skoryi 2003, 75-78, 88, 89]. Представляется вполне возможным, что ранне-скифские кочевники, перейдя в регион, могли установить господство над аборигенами, став правящей верхушкой и оставаясь на покоренной территории. Не исключены их династические браки с представителями местных элит, которые были выгодны обеим сторонам, укрепляя их положение. Отображением такого процесса и могло стать смешение отдельных черт погребального отряда в регионе. Возможно, один из таких потомков номадов, занявших господствующее место в лесостепи и правивших людом соседнего огромного поселения, и был погребен в Михайловке.

Библиография

- Abramov 2019:** A.P. Abramov, Grecheskie amfory 6-5 vv. do n.e. v Severnom Prichernomor'e (Moskva 2019) // А.П. Абрамов, Греческие амфоры 6-5 вв. до н.э. в Северном Причерноморье (Москва 2019).
- Abramov, Zakharov 2019:** A.P. Abramov, E.V. Zakharov, Kompleks amfor pervoi chetverti V v. do n.e. iz Patreia. DB 11, 2007, 15-22 // А.П. Абрамов, Е.В. Захаров, Комплекс амфор первой четверти V в. до н.э. из Патрея. ДБ 11, 2007, 15-22.
- Agul'nikov, Sava 2004:** S. Agul'nikov, E. Sava, Issledovaniia kurganov na Levoberezh'e Dnestra (Kishineu 2004) // С. Агульников, Е. Сава, Исследования курганов на Левобережье Днестра (Кишинэу 2004).
- Alekseev 1995:** A.Iu. Alekseev, Skifskoe pogrebenie V v. do n.e. v kurgane Malaia Tsimbalka (raskopki I.E. Zabelina v 1868 g.). ASGE 32, 1995, 53-59 // А.Ю. Алексеев, Скифское погребение V в. до н.э. в кургане Малая Цимбалка (раскопки И.Е. Забелина в 1868 г.). АСГЭ 32, 1995, 53-59.
- Alekseeva, Bulatovich 1990:** I.L. Alekseeva, S.A. Bulatovich, Dva kurgana na levoberezh'e Dnestrovskogo limana. In: (red. A.O. Dobroliubskii) Okhrannye istoriko-arkheologicheskie issledovaniia na iugo-zapade Ukrainy (Odesa, Zaporozh'e 1990), 35-48 // И.Л. Алексеева, С.А. Булатович, Два кургана на левобережье Днестровского лимана. В: (ред. А.О. Добролюбский) Охранные историко-археологические исследования на юго-западе Украины (Одесса, Запорожье 1990), 35-48.
- Alekseeva, Okhotnikov, Redina 1997:** I.L. Alekseeva, S.B. Okhotnikov, E.F. Redina, Skifskoe pogrebenie u g. Art-siz. In: (red. V.E. Iarovoi) Chobruzhskii arkheologicheskii kompleks i voprosy vzaimovliania antichnoi i varvarskoi kul'tur (IV v. do n.e. – IV v. n.e.) (Tiraspol' 1997), 48-55. // И.Л. Алексеева, С.Б. Охотников, Е.Ф. Редина, Скифское погребение у г. Арциз. В: (ред. В.Е. Яровой) Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н.э. – IV в. н.э.) (Тирасполь 1997), 48-55.
- Anfimov 1975:** N.V. Anfimov, Novyi pamiatnik drevnemeotskoi kul'tury (mogil'nik u khut. Kubanskogo). In: (red. A.I. Terenozhkin) Skifskii mir (Kiev 1975), 35-51 // Н.В. Анфимов, Новый памятник древнеэотской культуры (могильник у хут. Кубанского). В: (ред. А.И. Тереножкин) Скифский мир (Киев 1975), 35-51.
- Babenko 2005:** L.I. Babenko, Pesochinskii kurgannyi mogil'nik skifskogo vremeni (Khar'kov 2005) // Л.И. Бабенко, Песочинский курганный могильник скифского времени (Харьков 2005).

- Babenko 2008:** L.I. Babenko, Sporiadzhennia konia u naselennia Sivers'kodonets'kogo regionu (za materialami pokhoval'nykh pam'iatok V st. do n.e.). In: (red. S.I. Posokhov) Problemy arkheologii Vostochnoi Evropy (Khar'kov 2008), 28-38 // Л.И. Бабенко, Спорядження коня у населення Сіверськодонецького регіону (за матеріалами поховальних пам'яток V ст. до н. е.). В: (ред. С.И. Посохов). Проблеми археології Восточної Європи (Харьков 2008), 28-38.
- Bandurovskii, Buinov 2000:** A.V. Bandurovskii, Iu.V. Buinov, Kurgany skifskogo vremeni (severskodonets'kii variant) (Kiev 2000) // А.В. Бандуровский, Ю.В. Буйнов, Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант) (Киев 2000).
- Berezans'ka, Klochko 2011:** S.S. Berezans'ka, V.I. Klochko, Gordiivs'kii mogil'nik. In: (red: V.I. Klochko) Gordiivs'kii mogil'nyk (Vinnitsia 2011), 7-113 // С.С. Березанська, В.И. Клочко, Гордіївський моги́льник. В: (ред. В.И. Клочко) Гордіївський моги́льник (Вінниця 2011), 7-113.
- Bessonova 1990:** S.S. Bessonova, Skifskie pogrebal'nye komplekсы kak istochnik rekonstruktsii ideologicheskikh predstavlenii. In: (red. V.M. Zubar') Obriady i verovaniia drevnego naseleniia Ukrainy (Kiev 1990), 17-40 // С.С. Бессонова, Скифские погребальные комплексы как источник реконструкции идеологических представлений. В: (ред. В.М. Зубарь) Обряды и верования древнего населения Украины (Киев 1990), 17-40.
- Bessonova, Buniatian, Gavriluk 1988:** S.S. Bessonova, E.P. Buniatian, N.A. Gavriluk, Aktashskii mogil'nik skifskogo vremeni v Krymu (Kiev 1988) // С.С. Бессонова, Е.П. Бунятян, Н.А. Гаврилюк, Акташский моги́льник скифского времени в Крыму (Киев 1988).
- Bessonova, Skoryi 1986:** S.S. Bessonova, S.A. Skoryi, Pogrebenie skifskogo voina iz Aktashskogo mogil'nika v Vostochnom Krymu. SA 4, 1986, 158-169 // С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Погребение скифского воина из Акташского моги́льника в Восточном Крыму. СА 4, 1986, 158-169.
- Bobrinskoi 1894:** A.A. Bobrinskoi, Kurgany i sluchainye arkheologicheskie nakhodki bliz mestechka Smely (Sankt-Petersburg 1894), II // А.А. Бобринской, Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы (Санкт-Петербург 1894), II.
- Bobrinskoi 1901:** A.A. Bobrinskoi, Kurgany i sluchainye arkheologicheskie nakhodki bliz mestechka Smely (Sankt-Petersburg 1901), III // А.А. Бобринской, Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы (Санкт-Петербург 1901), III.
- Bobrinskoi 1902:** A.A. Bobrinskoi, Otchet o raskopkakh v Cherkasskom i Chigirinskom uездakh Kievskoi gubernii v 1901 godu. IAK 4, 1902, 24-50 // А.А. Бобринской, Отчет о раскопках в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1901 году. ИАК 4, 1902, 24-50.
- Bobrinskoi 1905:** A.A. Bobrinskoi, Otchet o raskopkakh, proizvedennykh v 1903 godu v Cherkasskom uезде Kievskoi gubernii. IAK 14, 1905, 1-43 // А.А. Бобринской, Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Черкасском уезде Киевской губернии. ИАК 14, 1905, 1-43.
- Bobrinskoi 1906:** A.A. Bobrinskoi, Otchet o raskopkakh v Chigirinskom uезде Kievskoi gubernii v 1905 godu. IAK 20, 1906, 1-16 // А.А. Бобринской, Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1905 году. ИАК 20, 1906, 1-16.
- Boiko, Berestnev 2001:** Iu.N. Boiko, S.I. Berestnev, Pogrebeniia VII-III vv. do n.e. kurgannogo mogil'nika u s. Kup'evakha (Vorsklinskii region skifskogo vremeni) (Khar'kov 2001) // Ю.Н. Бойко, С.И. Берестнев, Погребения VII-III вв. до н.э. курганного моги́льника у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени) (Харьков 2001).
- Bokii 1971:** N.M. Bokii, Arkheologicheskie raboty na Kirovogradshchine v 1968 godu. AIU 1968 g. 3, 1971, 154-159 // Н.М. Бокий, Археологические работы на Кировоградщине в 1968 году. АИУ 1968 г. 3, 1971, 154-159.
- Bokii 1974:** N.M. Bokii, Skifskii kurgan u sela Mederovo. SA 4, 264-271 // Н.М. Бокий, Скифский курган у села Медерова. СА 4, 264-271.
- Boltrik, Fialko 2005:** U.V. Boltrik, E.E. Fialko, Rol' konia v pogrebal'noi traditsii skifov. Aktual'nye problemy arkheologii, istorii i kul'tury 2, 2005, 13-36 // Ю.В. Болтрик, Е.Е. Фиалко, Роль коня в погребальной традиции скифов. Актуальные проблемы археологии, истории и культуры 2, 2005, 13-36.
- Boltrik, Fialko 2010:** U.V. Boltrik, E.E. Fialko, Skifskii kurgan s rannei uzdoi iz Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia. BI 23, 2010, 104-122 // Ю.В. Болтрик, Е.Е. Фиалко, Скифский курган с ранней уздой из Северо-Западного Причерноморья. БИ 23, 2010, 104-122.
- Bruiaiko, Ostroverkhov 2010:** I.V. Bruiaiko, A.S. Ostroverkhov, Novye pamiatniki zverinogo stilia iz Nizhnego Podnestrov'ia. ZVNT OAM 1, 2010, 113-121 // И.В. Бруяко, А.С. Островерхов, Новые памятники звериного стиля из Нижнего Поднестровья. ЗВНТ ОАМ 1, 2010, 113-121.
- Buiskikh 2015:** A.V. Buiskikh, O datirovke bronzoliteinoi masterskoi v iuzhnoi chasti Olvii. ADIU 1(14), 2015,

93-112 // А.В. Буйских, О датировке бронзолитейной мастерской в южной части Ольвии. АДИУ 1(14), 2015, 93-112.

Bukowski 1977: Z. Bukowski, The scythian influence in the area of lusatian culture. (Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk 1977).

Chernenko 1970a: E.V. Chernenko, Skifs'ki kurgani V st. do n.e. poblizu m. Zhdanova. Arkheologiiia 23, 1970, 176-181 // Є.В. Черненко, Скіфські кургани V ст. до н. е. поблизу м. Жданова. Археологія 23, 1970, 176-181.

Chernenko 1970b: E.V. Chernenko, Pogrebeniia s oruzhiem iz nekropolia Nimfeia. In: (red. A.M. Leskov) Drevnosti Vostochnogo Kryma (Kiev 1970), 190-198 // Е.В. Черненко, Погребения с оружием из некрополя Нимфея. В: (ред. А.М. Лесков) Древности Восточного Крыма (Киев 1970), 190-198.

Drevnosti Pridneprov'ia 1899: Drevnosti Pridneprov'ia 2 (Kiev 1899) // Древности Приднепровья 2 (Киев 1899).

Evdokimov, Danilko, Mogilov 2011: H.L. Evdokimov, N.M. Danilko, O.D. Mogilov, Skifskii kurgan z pokhovanniam konia na Khersonshchini. Arkheologiiia 2, 2011, 103-109 // Г.Л. Евдокимов, Н.М. Данилко, О.Д. Могилов, Скіфський курган з похованням коня на Херсонщині. Археологія 2, 2011, 103-109.

Gabuev, Erlikh 2001: T.A. Gabuev, V.R. Erlikh, Dva pogrebeniia V v. do n.e. iz Predkavkaz'ia (Iz materialov Gosudarstvennogo muzeia Vostoka). MIAR 3, 2001, 112-125 // Т.А. Габуев, В.Р. Эрлих, Два погребения V в. до н.э. из Предкавказья (Из материалов Государственного музея Востока). МИАР 3, 2001, 112-125.

Gavrilov 2004: A.V. Gavrilov, Okrug antichnoi Feodosii (Simferopol' 2004) // А.В. Гаврилов, Округа античной Феодосии (Симферополь 2004).

Galanina 1977: L.K. Galanina, Skifskie drevnosti Podneprov'ia. SAI D1-33, 1977, 1-65 // Л.К. Галанина, Скифские древности Поднепровья. САИ Д1-33, 1977, 1-65.

Grakov 1962: B.N. Grakov, Skifskie pogrebeniia na Nikol'p'skom kurgannom pole. MIA 115, 1962, 56-113 // Б.Н. Граков, Скифские погребения на Никопольском курганном поле. МИА 115, 1962, 56-113.

Gudkova 1978: A.V. Gudkova, Raskopki kurganov u s. Chervonyi Iaer na Nizhnem Podunav'e. In: (red. O.P. Karyshkovskii) Arkheologicheskie issledovaniia Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Kiev 1978), 182-193 // А.В. Гудкова, Раскопки курганов у с. Червоний Яр на Нижнем Подунавье. В: (ред. О.П. Карышковский) Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья (Киев 1978), 182-193.

Iakovenko 1974: E.V. Iakovenko, Skifi Skhidnogo Krimu v V-III st. do n.e. (Kiiv 1974) // Е.В. Яковенко, Скіфи Східного Криму в V-III ст. до н.е. (Київ 1974).

Iakovenko 1976: E.V. Iakovenko, Predmety zverinogo stil'ia v ranneskifskikh pamiatnikakh Kryma. In: (red. A.I. Meliukova, M.G. Moshkova) Skifo-sibirskii zverinyi stil' v iskusstve narodov Evrazii (Moskva 1976), 128-137 // Э.В. Яковенко, Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма. В: (ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова) Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии (Москва 1976), 128-137.

Iastrebov 1899: V.N. Iastrebov, Raskopki v Khersonskoi gubernii v 1887 godu. Drevnosti. Trudy MAO 13, 1889, 104-119 // В.Н. Ястребов, Раскопки в Херсонской губернии в 1887 году. Древности. Труды МАО 13, 1889, 104-119.

Il'inskaia 1965: V.A. Il'inskaia, Nekotorye motivy ranneskifskogo zverinogo stil'ia. SA 1, 1965, 86-107 // В.А. Ильинская, Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. СА 1, 1965, 86-107.

Il'inskaia 1968: V.A. Il'inskaia, Skify Dneprovskogo lesostepnogo Levoberezh'ia (Kiev 1968) // В.А. Ильинская, Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (Киев 1968).

Il'inskaia, Gorishnii 1975: V.A. Il'inskaia, P.A. Gorishnii, Bronzovaia bliakha iz kurgana u s. Zhovnino. In: (red. A.I. Terenozhkin) Skifskii mir (Kiev 1975), 207-209 // В.А. Ильинская, П.А. Горишний, Бронзовая бляха из кургана у с. Жовнино. В: (ред. А.И. Тереножкин) Скифский мир (Киев 1975), 207-209.

Kashaev, Mimokhod, Sudarev 2019: S.V. Kashaev, R.A. Mimokhod, I.N. Sudarev, Pogrebeniia s loshad'mi v nekropoliakh Volna-1 i Artiushchenko-2. In: (red. D.G. Savinov) Greki i varvarkii mir Severnogo Prichernomor'ia: kul'turnye traditsii v kontaktnykh zonakh (Sankt-Petersburg 2019), 25-29 // С.В. Кашаев, Р.А. Мимоход, И.Н. Сударев, Погребения с лошадьми в некрополях Волна-1 и Артющенко-2. В: (ред. Д.Г. Савинов) Греки и варварский мир Северного Причерноморья: культурные традиции в контактных зонах (Санкт-Петербург 2019), 25-29.

Kovaleva, Mukhopad 1979: I.F. Kovaleva, S.E. Mukhopad, Skifskie pamiatniki Orel'sko-Samarskogo mezhdurech'ia. In: (red. I.F. Kovaleva) Kurgannye drevnosti Stepnogo Podneprov'ia III-I tys. do n.e. (Dnepropetrovsk 1979), 111-123 // И.Ф. Ковалева, С.Е. Мухопад, Скифские памятники Орельско-Самарского междуречья. В: (ред. И.Ф. Ковалева) Курганые древности Степного Поднепровья III-I тыс. до н. е. (Днепропетровск 1979), 111-123.

Kovpanenko 1981: G.T. Kovpanenko, Kurgany ranneskifskogo vremeni v basseine r. Ros' (Kiev 1981) // Г.Т. Ковпаненко, Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось (Киев 1981).

Kovpanenko, Skoryi 2003-2004: G.T. Kovpanenko, S.A. Skoryi, Ol'shana: pogrebenie predskifskogo vremeni v

Dneprovskoi Pravoberezhnoi Lesostepi. Stratum plus 3, 2003-2004, 265-288 // Г.Т. Ковпаненко, С.А. Скорый, Ольшана: погребение предскифского времени в Днепровской Правобережной Лесостепи. Stratum plus 3, 2003-2004, 265-288.

Kovpanenko, Bessonova, Skoryi 1989: G.T. Kovpanenko, S.S. Bessonova, S.A. Skoryi, Pamiatniki skifskoi epokhi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezh'ia (Kievo-Cherkasskii region) (Kiev 1989) // Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион) (Киев 1989).

Kozir, Panchenko, Chornii 2019: I.A. Kozir, K.I. Panchenko, O.V. Chornii, Vasins'kii kurgan seredn'oskifs'kogo chasu. ADIU 2(31), 2019, 300-314 // I.A. Козир, К.И. Панченко, О.В. Чорний, Васинський курган середньоскифського часу. АДІУ 2(31), 2019, 300-314.

Liashko 2017: Iu.Iu. Liashko, Nove velike poselennia skifs'kogo chasu v okolitsiakh Motronins'kogo gorodishcha. ADIU 2(23), 2017, 299-302 // Ю.Ю. Ляшко, Нове велике поселення скифського часу в околицях Мотронинського городища. АДІУ 2(23), 2017, 299-302.

Majewski 1905: E. Majewski, O charakterze starzych kurhanow. Swiatowit 6, 1905, 47-72.

Makhortykh 1991: S.V. Makhortykh, Skify na Severnom Kavkaze (Kiev 1991) // С.В. Махортых, Скифы на Северном Кавказе (Киев 1991).

Mogilov 2007: O.D. Mogilov, Kurgany Pavlivs'koi grupi skifs'kogo chasu bilia Matusova. In: (red. D.N. Kozak) Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni 2005-2007 rr. (Kiïv, Zaporizhzhia 2007), 451-454 // О.Д. Могилов, Курганы Павлівської групи скифського часу біля Матусова. В: (ред. Д.Н. Козак) Археологічні дослідження в Україні 2005-2007 рр. (Київ, Запоріжжя 2007), 451-454.

Mogilov 2008: O.D. Mogilov, Sporiadzhennia konia skifs'koi dobi u Lisostepu Skhidnoi Evropi (Kiïv, Kam'ianets'-Podil's'kii 2008) // О.Д. Могилов Спорядження коня скифської доби у Лісостепу Східної Європи (Київ, Кам'янець-Подільський 2008).

Mogilov 2016: O.D. Mogilov, Skifs'ki zamochkopodibni pidviski. Arkheologiiia 4, 2016, 72-79 // О.Д. Могилов, Скифські замочкоподібні підвіски. Археологія 4, 2016, 72-79.

Mogilov 2017: A.D. Mogilov, Ranniaia gruppa pogrebenii Svetlovodskogo mogil'nika. ADIU 2(23), 2017, 303-310 // А.Д. Могилов, Рання група погребеній Светловодського могильника. АДІУ 2(23), 2017, 303-310.

Mogilov 2018: O.D. Mogilov, Skifs'ki pokhovannia z vuzdoiu z Dniprovs'kogo Priporizhzhia. ADIU 2(27), 2018, 287-316 // О.Д. Могилов, Скифські поховання з вуздою з Дніпровського Припоріжжя. АДІУ 2(27), 2018, 287-316.

Mogilov 2021: O.D. Mogilov, Drugii Mikhailivs'kii kurhan – pam'iatka V st. do n. e. v Potiasminni. Arkheologiiia 2, 2021, 92-114 // О.Д. Могилов, Другий Михайлівський курган – пам'ятка V ст. до н. е. в Потясминні. Археологія 2, 2021, 92-114.

Mogilov, Bokii 2016: O.D. Mogilov, N.M. Bokii, Pokhovannia skifs'kogo vershnika na r. Siniukha. Arkheologiiia 3, 2016, 76-88 // О.Д. Могилов, Н.М. Бокій, Поховання скифського вершника на р. Синюха. Археологія 3, 2016, 76-88.

Mogilov, Didenko 2008: O.D. Mogilov, S.V. Didenko, Kurgan 5 u s. Berestniagi – pamiatnik sredneskifskogo vremeni v Poros'e. RA 4, 2008, 84-90 // А.Д. Могилов, С.В. Диденко, Курган 5 у с. Берестняги – пам'ятник середнескифського часу в Поросьє. РА 4, 2008, 84-90.

Mogilov, Didenko 2014: O.D. Mogilov, S.V. Didenko, Kurgan V v do n.e. u s. Turia v Dneprovskoi Pravoberezhnoi Lesostepi. RA 2, 2014, 96-107 // А.Д. Могилов, С.В. Диденко, Курган V в. до н.е. у с. Турия в Днепровской Правобережной Лесостепи. РА 2, 2014, 96-107.

Mogilov, Liashko, Rudenko 2018: O.D. Mogilov, U.U. Liashko, S.V. Rudenko, Doslidzhennia kurganu skifs'kogo chasu v Potiasminni. In: (red. Iu.V. Boltrik). Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni 2018 r. (Kiïv 2020), 241 // О.Д. Могилов, Ю.Ю. Ляшко, С.В. Руденко, Дослідження кургану скифського часу в Потясминні. В: (ред. Ю.В. Болтрик). Археологічні дослідження в Україні 2018 р. (Київ 2020), 241.

Mozolevskii 1980: B.M. Mozolevskii, Skifskie kurgany v okrestnostakh g. Ordzhonikidze na Dnepropetrovshchine (raskopki 1972-1975 gg.). In: (red. A.I. Terenozhkin) Skifia i Kavkaz (Kiev 1980), 70-155 // Б.М. Мозолевский, Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972-1975 гг.). В: (ред. А.И. Тереножкин) Скифия и Кавказ (Киев 1980), 70-155.

Monakhov 2003: S.Iu. Monakhov, Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiiia amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v amfornoi tare. Katalog-opredelitel' (Moskva, Saratov 2003) // С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в амфорной таре. Каталог-определитель (Москва, Саратов 2003).

Murzin, Rolle, Bilozir 1996: V.Iu. Murzin, R. Rolle, V.P. Bilozir, Pro podal'shi doslidzhennia Pereshchepins'kogo mogil'nika. Arkheologiiia 4, 1996, 141-149 // В.Ю. Мурзин, Р. Ролле, В.П. Білозір, Про подальші дослідження

Перещепинського могильника. Археологія 4, 1996, 141-149.

Murzin et al. 1999: V.Iu. Murzin, R. Rolle, V. Herts, S.V. Makhortykh, V.P. Belozor, Issledovaniia sovместnoi Ukrainsko-Nemetskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1998 (Kiev 1999) // В.Ю. Мурзин, Р. Ролле, В. Херц, С.В. Махортых, В.П. Белозор, Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1998 г. (Киев 1999).

Murzin et al. 2000: V.Iu. Murzin, R. Rolle, V. Kherts, S.A. Skoryi, S.V. Makhortykh, V.P. Belozor, Issledovaniia sovместnoi Ukrainsko-Nemetskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1999 g. (Kiev 2000) // В.Ю. Мурзин, Р. Ролле, В. Херц, С.А. Скорый, С.В. Махортых, В.П. Белозор, Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1999 г. (Киев 2000).

Murzin et al. 2002: V.Iu. Murzin, R. Rolle, V. Kherts, S.A. Skoryi, S.V. Makhortykh, V.P. Belozor, Issledovaniia sovместnoi Ukrainsko-Nemetskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 2001 g. (Kiev 2002) // В.Ю. Мурзин, Р. Ролле, В. Херц, С.А. Скорый, С.В. Махортых, В.П. Белозор, Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2001 г. (Киев 2002).

Očir-Gorjaeva 2005: M.A. Očir-Gorjaeva, Pferdegeschirr aus Chošeutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga. Arhăologie in Eurasien 19, 2005, 1-184.

Ol'khovskii 1991: V.S. Ol'khovskii, Pogrebal'no-pominal'naia obriadnost' naseleniia Stepnoi Skifii (VI-III vv. do n.e.) (Moskva 1991) // В.С. Ольховский, Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII-III вв. до н.э.) (Москва 1991).

Ol'khovskii, Evdokimov 1994: V.S. Ol'khovskii, G.L. Evdokimov, Skifskie izvaiania VII-III vv. do n.e. (Moskva 1994) // В.С. Ольховский, Г.Л. Евдокимов, Скифские изваяния VII-III вв. до н.э. (Москва 1994).

Ol'khovskii, Khrapunov 1990: V.S. Ol'khovskii, I.N. Khrapunov, Krymskaia Skifiia (Simferopol' 1990) // В.С. Ольховский, И.Н. Храпунов, Крымская Скифия (Симферополь 1990).

Otroshchenko, Rassamakin 1986: V.V. Otroshchenko, U.Ia. Rassamakin, Raskopki skifskogo kurgana u s. Velikaia Znamenka. AO 1974 g., 1986, 285-286 // В.В. Отрощенко, Ю.Я. Рассамакин, Раскопки скифского кургана у с. Великая Знаменка. АО 1974 г., 1986, 285-286.

Papanova 1993: V.A. Papanova, Nekropol' Ol'vii (istoriia issledovaniia, itogi raskopok) (Berdiansk 1993) // В.А. Папанова, Некрополь Ольвии (история исследования, итоги раскопок) (Бердянск 1993).

Pârvan 1967: V. Pârvan, Dacia. Civilizațiile antice din țările Carpato-Danubiene (București 1967).

Petrenko 1967: V.G. Petrenko, Pravoberezh'e Srednego Podneprov'ia v V-III vv. do n.e. SAI D1-4, 1967, 1-180 // В.Г. Петренко, Правобережье Среднего Поднепровья в V-III вв. до н.э. САИ Д1-4, 1967, 1-180.

Pleshivenko 1991: A.G. Pleshivenko, Issledovanie skifskikh kurganov v Dneprovskom Nadporozh'e. DSPK 1, 1991, 143-152 // А.Г. Плешивенко, Исследование скифских курганов в Днепровском Надпорожье. ДСПК 1, 1991, 143-152.

Polin 1987: S.V. Polin, Khronologiiia rann'oskifs'kikh pam'iatok. Arkheologiiia 59, 1987, 17-36 // С.В. Полін, Хронологія ранньоскифських пам'яток. Археологія 59, 1987, 17-36.

Privalova 1993: O.Ia. Privalova, Skifskoe pogrebenie u Styly. Arkheologicheskii al'manakh 2, 1993, 161-166 // О.Я. Привалова, Скифское погребение у Стылы. Археологический альманах 2, 1993, 161-166.

Robinson 1941: D.M. Robinson, Excavations at Olynthus. Metal and minor miscellaneous finds, an original contribution to Greek life X (Baltimore 1941).

Romashko, Skoryi 2009: V.A. Romashko, S.A. Skoryi, Bliznets-2: skifskii aristokraticheskii kurgan v Dneprovskom Pravoberezhnom Nadporozh'e (Dnepropetrovsk 2009) // В.А. Ромашко, С.А. Скорый, Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском Правобережном Надпорожье (Днепропетровск 2009).

Silant'eva 1959: L.F. Silant'eva, Nekropol' Nimfeia. MIA 69, 1959, 5-107 // Л.Ф. Силантьева, Некрополь Нимфея. МИА 69, 1959, 5-107.

Sezgin 2004: Y. Sezgin, Clazomenian Transport Amphorae of the seventh and sixts centuries. In: (ed. Moustaka et al.) Klazomenai, Teos and Abdera: Metropolis and Colony (Thessaloniki 2004), 169-183.

Shaporda, Shtan'ko, Ovcharenko 2019: O.M. Shaporda, A.I. Shtan'ko, M.I. Ovcharenko, Rozvidki na teritorii Bil's'kogo arkheologichnogo kompleksu v 2018 r. In: (red. I.I. Korost) Arkheologichni doslidzhennia Bil's'kogo gorodishcha 2018 r. (Kiiv, Kotel'va 2019), 142-151 // О.М. Шапорда, А.И. Штанько, М.И. Овчаренко, Розвідки на території Більського археологічного комплексу в 2018 р. В: (ред. І.І. Корост) Археологічні дослідження Більського городища 2018 р. (Київ, Котельва 2019), 142-151.

Shaposhnikova 1970: O.G. Shaposhnikova, Pogrebenie skifskogo voina na r. Ingul (predvaritel'naia publikatsiia). SA 3, 1970, 208-212 // О. Г. Шапошникова, Погребение скифского воина на р. Ингул (предварительная публикация). СА 3, 1970, 208-212.

- Shramko 1994:** B.A. Shramko, Rozkopki kurganiv VII-IV st. do n.e. poblizu Bil's'ka. Arkheologii 4, 1994, 117-133 // Б.А. Шрамко, Розкопки курганів VII-IV ст. до н.е. поблизу Більська. Археологія 4, 1994, 117-133.
- Shchepinskii, Cherepanova 1969:** A.A. Shchepinskii, E.N. Cherepanova, Severnoe Prisivash'e v V-I tysyacheletiakh do nashei ery (Simferopol' 1969) // А.А. Щепинский, Е.Н. Черепанова, Северное Присивашье в V-I тысячелетиях до нашей эры (Симферополь 1969).
- Simion 2000:** G. Simion, Tombes tumulaires dans la nécropole de Celic-Déré. In: (red. G. Simion) Tombes tumulaires de l'Age du Fer dans le Sub-Est de l'Europe (Tulchea 2000), 68-82.
- Simion 2003:** G. Simion, Gètes et Scythes aux Bouches du Danube. In: (red. G. Simion) Culturi antice în zona gurilor Dunării I (Cluj-Napoca 2003), 247-258.
- Simion 2003a:** G. Simion, Le site de Celic-Déré. Interprétations ethno-culturelles et implications dans la chronologie du Hallstatt final. In: (red. G. Simion) Culturi antice în zona gurilor Dunării I (Cluj-Napoca 2003), 217-236.
- Skoryi 1997:** S.A. Skoryi, StebleIn: skifskii mogil'nik v Poros'e (Kiev 1997) // С.А. Скорый, Стеблев: скифский могильник в Поросье (Киев 1997).
- Skoryi 2003:** S.A. Skoryi, Skify v Dneprovskoi Pravoberezhnoi Lesostepi (problema vydeleniia iranskogo etnokul'turnogo elementa) (Kiev 2003) // С.А. Скорый, Скифы в Днепроградской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента) (Киев 2003).
- Skoryi, Zimovets 2014:** S. Skoryi, R. Zimovets, Skifskie drevnosti Kryma (Kiev 2014) // С. Скорый, Р. Зимовец, Скифские древности Крыма (Киев 2014).
- Skoryi, Khokhorovski 2004:** S. Skoryi, Ia. Khokhorovski, Kurgan Skifskaya Mogila v Dneprovskoi Pravoberezhnoi Lesostepi (nekotorye predvaritel'nye itogi issledovaniia). SSPK 9, 2004, 239-244 // С. Скорый, Я. Хохоровский, Курган Скифская Могила в Днепроградской Правобережной Лесостепи (некоторые предварительные итоги исследования). ССПК 9, 2004, 239-244.
- Skoryi et al. 2019:** S.A. Skoryi, A.P. Orlik, R.V. Zimovets, D.V. Karavaiko, Skifskoe pogrebenie v kurgane Orlikova Mogila na iuge Kirovogradshchiny. Arkheologii i davnia istoriia Ukraïni, 2019, 4, 160-176 // С.А. Скорый, А.П. Орлик, Р.В. Зимовец, Д.В. Каравайко, Скифское погребение в кургане Орликова Могила на юге Кировоградской области. Археология и давня історія України, 2019, 4, 160-176.
- Smirnov 1976:** K.F. Smirnov, Savromato-sarmatskii zverinyi stil'. In: (red. A.I. Meliukova, M.G. Moshkova) Skifo-sibirskii zverinyi stil' v iskusstve narodov Evrazii (Moskva 1976), 74-89 // К.Ф. Смирнов, Савромато-сарматский звериный стиль. В: (ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова) Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии (Москва 1976), 74-89.
- Sokolova, Pavlichenko, Kasparov 1999:** O.U. Sokolova, N.A. Pavlichenko, A.K. Kasparov, Novye nakhodki na territorii Nimfeiskogo nekropolia. Hyperboreus 5, 1999, 326-339 // О.Ю. Соколова, Н.А. Павличенко, А.К. Каспаров, Новые находки на территории Нимфейского некрополя. Hyperboreus 5, 1999, 326-339.
- Sidorenko 1964:** G.O. Sidorenko, Skifs'kii kurgan na r. Udaï. Arkheologii 16, 1964, 191-194 // Г.О. Сидоренко, Скифский курган на р. Удай. Археологія 16, 1964, 191-194.
- Terenzhkin, Il'inskaia, Mozolevskii 1977:** A.I. Terenzhkin, V.A. Il'inskaia, B.N. Mozolevskii, Skifskii kurgannyi mogil'nik Gaimanovo Pole (raskopki 1968 g.). In: (red. A.I. Terenzhkin) Skify i sarmaty (Kiev 1977), 152-198 // А.И. Тереножкин, В.А. Ильинская, Б.Н. Мозолевский, Скифский курганный могильник Гайманово Поле (раскопки 1968 г.). В: (ред. А.И. Тереножкин) Скифы и сарматы (Киев 1977), 152-198.
- Terenzhkin et al. 1973:** A.I. Terenzhkin, V.A. Il'inskaia, E.V. Chernenko, B.N. Mozolevskii, Skifskie kurgany Nikopol'shchiny. In: (red. A.I. Terenzhkin) Skifskie drevnosti (Kiev 1973), 113-186 // А.И. Тереножкин, В.А. Ильинская, Е.В. Черненко, Б.Н. Мозолевский, Скифские курганы Никопольщины. В: (ред. А.И. Тереножкин) Скифские древности (Киев 1973), 113-186.
- Tolstikov 2011:** V.P. Tolstikov, K probleme «vzaimovliianiia» ellinskoi i varvarskoi kul'tur na Bospore v VI-V vv. do n.e. In: (red. M.U. Vakhtina i dr.) Bosporskii fenomen (Sankt-Petersburg 2011), 54-58 // В.П. Толстиков, К проблеме «взаимовлияния» эллинской и варварской культур на Боспоре в VI-V вв. до н.э. В: (ред. М.Ю. Вахтина и др.) Боспорский феномен (Санкт-Петербург 2011), 54-58.
- Vdovichenko 2007:** I.I. Vdovichenko, Antichnaia raspisnaia keramika na varvarskikh pamiatnikakh Severnogo Prichernomor'ia. In: (red. U.P. Zaitsev, V. I. Mordvintseva) Drevniaia Tavrika (Simferopol' 2007), 13-58 // И.И. Вдовиченко, Античная расписная керамика на варварских памятниках Северного Причерноморья. В: (ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева) Древняя Таврика (Симферополь 2007), 13-58.
- Venedikov, Gerasimov 1973:** I. Venedikov, T. Gerasimov, Trakiiskoe iskusstvo (Sofia 1973) // И. Венедиков, Т. Герасимов, Тракийское искусство (София 1973).
- Zaraiskaia, Privalov 1992:** N.P. Zaraiskaia, A.I. Privalov, Skifskie pamiatniki Shevchenkovskogo mogil'nika. DAS

2, 1992, 118-160. // Н.П. Зарайская, А.И. Привалов, Скифские памятники Шевченковского могильника. ДАС 2, 1992, 118-160.

Александр Могилов, кандидат исторических наук, Отдел археологии раннего железного века, Институт археологии, Национальная академия наук Украины, 04210, пр. Героев Сталинграда, 12, г. Киев, Украина, e-mail: mogilovod@gmail.com

Юрий Ляшко, Исторический музей, Каменский государственный историко-культурный заповедник, 20800, ул. Декабристов, 5, г. Каменка, Черкасская обл., Украина, e-mail: pitim1968@ukr.net

Сергей Руденко, Научно-исследовательский отдел охраны памятников истории, культуры и природы, Национальный историко-культурный заповедник «Чигирин», 20901, ул. Грушевского, 26, г. Чигирин, Черкасская обл., Украина, e-mail: serhii_rudenko@ukr.net

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVII _ nr. 1

Revistă indexată în bazele de date
SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2021

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Responsabil de volum/responsible for volume: dr. **Ghenadie Sîrbu**

Secretar de redacție/editorial secretary: **Livia Sîrbu**

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Ștefan cel Mare si Sfânt bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul double blind peer-review
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели double blind peer-review
All the papers to be published will be reviewed by experts according the double blind peer-review model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Виталий Окатенко (<i>Харьков</i>), Сергей Скорый (<i>Киев</i>). Бронзовое блюдо с позолотой из Второго Караванского кургана раннескифской поры (Украинская Левобережная Лесостепь)	5
Татьяна Кузнецова (<i>Москва</i>). Античные традиции в генезисе зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка	17
Natalia Mateevici (<i>Chişinău</i>), Mihaela Iacob (<i>Bucureşti</i>), Dorel Paraschiv (<i>Tulcea</i>). Colecţia de ştampile de amfore greceşti din câteva situri getice din nord-estul Dobrogei	34
Nikolai Jefremow (<i>Greifswald</i>), Andrei Kolesnikov (<i>Moskau</i>), Elena Bolonkina (<i>Krim</i>). Neue Namen in den Keramikstempeln von Knidos in der Sammlung des Historisch-archäologischen Museums in Kerč (Krim)	41

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Сергей Рыжов , Валентина Шумова , Александр Дяченко (<i>Киев</i>). Исследования на поселении западнотрипольской культуры Колодистое II	46
Александр Могилов (<i>Киев</i>), Юрий Ляшко (<i>Каменка</i>), Сергей Руденко (<i>Чигирин</i>). Скифское всадническое погребение в бассейне р. Тясмин	59
Сергей Агульников , Виталий Железный (<i>Кишинев</i>). Могилиник ногайской культуры у с. Казаклия	81
Vasile Paul Scrobotă (<i>Aiud</i>), Elena Gherman (<i>Iaşi</i>). Cercetări de supraveghere arheologică la obiectivul colegiul „Bethlen Gabor” din municipiul Aiud, jud. Alba. Campania 2012	99

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Mariana Gugeanu , Maria Geba (<i>Iaşi</i>). Investigaţii non-invazive aplicate textilelor arheologice de la Mănăstirea Căpriană	113
--	-----

RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Stanislav Țerna , Mariana Vasilache , <i>Figurinele antropomorfe din etapa Cucuteni A din interfluviul pruto-nistean: (în baza colecţiilor Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei)</i> Biblioteca Tyragetia, 31. Chişinău 2019, 264 pagini şi 63 planşe. ISBN 978-9975-87-562-2 (Илья Палагута, <i>Санкт-Петербург</i>)	120
---	-----

IN HONOREM

К юбилею археолога Анатолия Федоровича Гуцала (Александр Могилов, Виталий Гуцал, <i>Киев</i>)	125
--	-----

Doctorul habilitat EUGEN SAVA la 65 ani (Mariana Sîrbu, <i>Chişinău</i>)	128
---	-----

IN MEMORIAM

In memoriam colegului şi prietenului Oleg Leviţki (Alexandru Furtună, <i>Chişinău</i>)	133
---	-----

In memoriam Olga Larina (15.11.1952 – 01.2021) (Sergiu Bodean, <i>Chişinău</i>)	134
--	-----

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION	137
---	-----

INFORMAȚII ŞI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE	138
--	-----

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE	139
--	-----

Сергей Агульников, Виталий Железный

Могильник ногайской культуры у с. Казаклия

Keywords: Bugeac, Cazaclia, necropolis, migratory.

Cuvinte cheie: Bugiac, Cazaclia, necropolă, migratori.

Ключевые слова: Буджак, Казаклия, могильник, кочевники.

Sergei Agul'nikov, Vitalii Zheleznyi

The nogai culture necropolis in the Cazaclia village

The medieval flat necropolis near the village of Cazaclia (Ceadîr-Lunga district, ATU Gagauzia) was discovered in 2005. The site is located on the northeastern edge of the Cazaclia village, near of the current cemetery of the village. The profile of the clay quarry contains the contours of the pits of the funerary structures. A number of pits are lined and covered with stone, there are also simple burial chambers. The site needed an archaeological research because it was disturbed by clay mining and atmospheric phenomena. It was researched an area of 372 sq.m. First, the graves in the quarry wall were searched, on the verge of collapsing. Following the archeological excavations, there were identified and studied 40 tombs of the medieval Nogai nomads. The graves of adults and children are rectangular burial pits with complex structures with lining, steps and curbs. Remains of wooden coffins were found in some graves. The buried are facing the Sunset, and the facial part of the skull is facing southeast, in the direction of Mecca and Medina – this orientation was inherent in the Islamized Turkish population in the Black Sea steppe region. The condition of the bones of adults is satisfactory. Children's skeletons are poorly preserved, which is caused by a lack of calcium in the diet of the Nogaic population. In some tombs, remains of wooden structures can be traced – covering planks and even wooden coffins. In the flat necropolis the tombs of the walnut trees form certain rows from east to west. The tombs are practically without inventory, excepting a bronze ring in the grave no. 2 of one of the children. However, the elements of the funeral rite and the anthropological material of the discovered bone remains will make it possible to further study the problem of walnuts in the southern regions of the Republic of Moldova. It should be mentioned that this is the first detailed research aimed at studying the population of walnuts that lived in Bugeac in the sixteenth and eighteenth centuries, conducted after the 90s of the XXth century.

Sergei Agul'nikov, Vitalii Zheleznyi

Necropola nogaică de la Cazaclia

Necropola plană medievală din apropierea satului Cazaclia (raionul Ceadîr-Lunga, UTA Găgăuzia) a fost descoperită în 2005. Este situată la marginea de nord-est a satului Cazaclia, în apropiere de actualul cimitir al satului. Profilul carierei de argilă conține contururile gropilor funerare. O serie de gropi sunt căptușite și acoperite cu piatră, există și camere funerare simple. Situl avea nevoie de cercetări arheologice, deoarece era distrus ca urmare a exploatării argilei și a fenomenelor climaterice. A fost cercetată o suprafață de 372 m.p. Primele complexe descoperite au fost mormintele surprinse în profilul peretelui carierei. În urma săpăturilor arheologice, au fost identificate și studiate 40 de morminte aparținând unei comunități de nogai. Mormintele adulților și copiilor reprezintă gropi funerare dreptunghiulare având structuri complexe cu căptușeală, trepte și borduri. În unele morminte s-au descoperit resturi ale sicriilor din lemn. Cei înmormântați sunt orientați cu capul spre vest, iar partea facială a craniilor se îndreaptă către sud-est, în direcția Mecca și Medina – această orientare fiind caracteristică populației turcești islamizate din regiunea de stepă a bazinului Mării Negre. Starea de conservare a oaselor adulților este satisfăcătoare. Scheletele copiilor însă sunt slab conservate, probabil, cauzate de lipsa de calciu în alimentația populației nogaice. În unele morminte, au fost surprinse rămășițe ale unor structuri din lemn – scânduri de acoperământ și chiar sicrie din lemn. În necropola plană mormintele nogailor formează anumite rânduri de la est la vest. Mormintele sunt practic fără inventar, cu excepția unui inel de bronz descoperit în mormântul nr. 2. Cu toate acestea, elementele ritului funerar și materialul antropologic descoperit vor face posibilă studierea în continuare a problemei nogailor în regiunile sudice ale Republicii Moldova. Trebuie menționat că aceasta este prima cercetare detaliată care vizează studierea populației nogailor care au locuit în Bugeac în secolele XVI-XVIII, efectuată după anii 90 ai secolului XX.

Сергей Агульников, Виталий Железный

Могильник ногайской культуры у с. Казаклия

Средневековый грунтовый могильник у с. Казаклия (р-н Чадыр-Лунга АТО Гагаузия) был открыт в 2005 году. Памятник находится на северо-восточной окраине с. Казаклия не далеко от современного кладбища села. В профиле карьера по разработке глины были зафиксированы контуры ям от погребальных сооружений. Ряд ям совершены с подбоем и

перекрыты камнем, встречаются и простые погребальные камеры. Вскрыта площадь 372 кв. м. В первую очередь были исследованы разрушающиеся захоронения в борту карьера. В результате раскопок было выявлено 40 захоронений средневековых ногайских кочевников. Погребения взрослых и детей совершены в прямоугольных погребальных камерах сложных конструкций с подбоями, ступеньками, уступами. В некоторых могилах были отмечены остатки деревянных гробов. Погребенные ориентированы головой на запад, лицевой частью черепа обращены на юго-восток, в направлении Мекки и Медины, эта ориентировка была присуща исламизированному тюркскому населению степного Причерноморья. Сохранность скелетов взрослых удовлетворительная. Детские скелеты плохой сохранности, что вызвано отсутствием кальция в пище ногайского населения. В некоторых погребальных камерах прослеживаются остатки деревянных конструкций и даже деревянные гробы. Ногайские захоронения на могильнике образуют определенные ряды с востока на запад. Погребения практически безинвентарные, за исключением бронзового колечка найденном в детском погребении №2. Тем не менее, элементы погребального обряда и антропологический материал выявленных костных остатков позволит в дальнейшем более широко изучить ногайскую проблему в южных регионах Республики Молдова. При этом следует отметить, что это первые подробные исследования, направленные на изучение ногайского населения, пребывавшего в Буджаке в XVI-XVIII столетиях проведенные после 90-х годов XX века.

Проникновение ногайцев в южные степи Молдовы началось в XV-XVI вв., после окончательного распада Золотой Орды. Массовое заселение ими Буджака происходило не без вмешательства Османской Порты. По сообщениям Д. Кантемира жили они в степях, и у них не было городов кроме Кэушань на реке Ботна. По сравнению с другими топонимами тюркского происхождения тюрко-ногайские географические названия в Буджаке являются самыми многочисленными. Проблема расселения, существования и жизнедеятельности, материальной культуры этого населения в Буджакской степи, их взаимоотношения с автохтонным молдавским населением с одной стороны и с Османской Портой (Турцией) с другой, ждет своего разрешения. Этот вопрос коренным образом связан с современным гагаузским и болгарским населением юга Республики Молдова. На рубеже XV-XVI вв. степное кочевое или полукочевое средневековое население Буджака не было однородным.

Средневековый могильник у с. Казаклия (рис. 1) (р-н Чадыр-Лунга, Республика Молдова, АТО Гагаузия) был открыт в 2005 году. Грунтовый могильник находится на северо-восточной окраине с. Казаклия. На расстоянии в 0,4 км от края села и в 20 м к югу от автодороги Казаклия-Чадыр-Лунга, на пологом склоне возвышенности левого берега ручья Баурчи, в 100 м к юго-западу от современного кладбища села и 170 м к северу от церкви с. Казаклия (рис. 2). В профиле карьера по разра-

ботке глины имелись контуры ям погребальных сооружений (рис. 3). Объект нуждался в археологических исследованиях, так как разрушался работами по добыче глины и атмосферными явлениями – талыми и дождевыми водами. Следует отметить, что средневековый могильник находится на значительной дистанции от современного кладбища (в 150 м к югу) и был связан с ногайской культурой. Что и выяснилось в результате дальнейшего исследования.

В 2019 совместной исследовательской группой Института Культурного Наследия Республики Молдова, Научно-Исследовательского центра Гагаузии им. М.В. Маруневич и Института Биоархеологических и Этнокультурных Исследований были проведены первые полевые исследования данного памятника средневековой археологии Буджакской степи. И согласно проекту, предоставленному в Исполком АТО Гагаузия, начались археологические раскопки на площади могильника, подвергающейся разрушению природными явлениями и физическими воздействиями. Вскрыта площадь 372 кв. м. В первую очередь были исследованы разрушающиеся захоронения в борту карьера. В результате исследований 2019 года было выявлено и изучено 40 захоронений средневековых ногайских кочевников. Погребения взрослых и детей совершены в прямоугольных погребальных камерах сложных конструкций с подбоями, ступеньками, уступами. Скелеты ориентированы головой на запад, но лицевой частью черепа обращены на юго-восток,

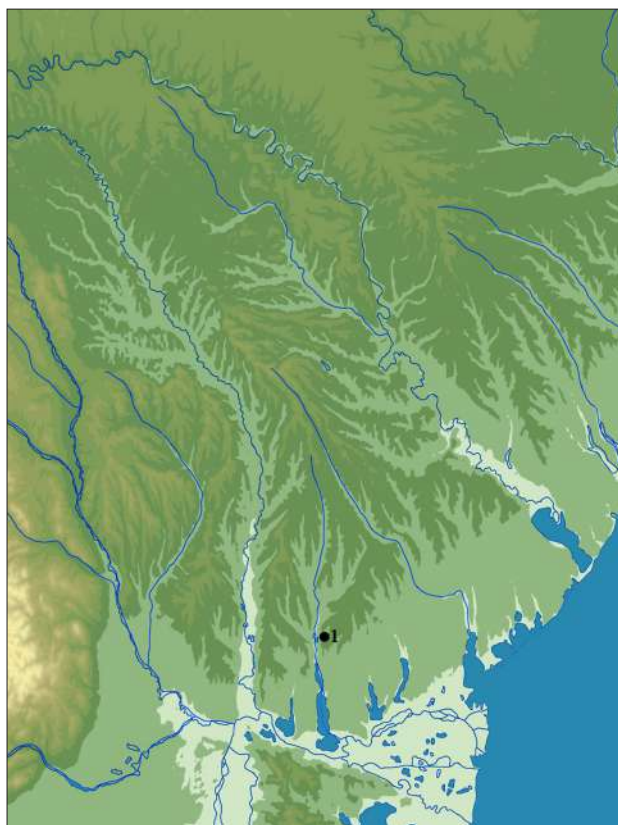

Рис. 1. Местоположение ногайского могильника.

Fig. 1. The place of the Nogai necropolis.

в направлении Мекки и Медины, эта ориентировка была присуща исламизированному тюркскому населению степного Причерноморья. Сохранность костяков взрослых удовлетворительная. Детские скелеты плохой сохранности, что вызвано отсутствием кальция в пище ногайского населения. В некоторых погребальных камерах прослеживаются остатки деревянных конструкций (доски) перекрытия, и даже деревянные гробы, некоторые выполнены из тонких досок, а некоторые представляют собой истлевшие деревянные колоды. Ногайские захоронения на могильнике образуют определенные ряды с востока на запад. К сожалению погребения, практически безинвентарные, за исключением медного колечка найденном в детском погребении №2. Тем не менее, элементы погребального обряда и антропологический материал выявленных костных остатков позволит в дальнейшем более широко

изучить ногайскую проблему в южных регионах Республики Молдова. При этом следует отметить, что это первые подробные исследования, направленные на изучение ногайского населения, пребывавшего в Буджаке в XVI-XVIII столетиях проведенные после 90-х годов XX века.

Раскоп I

С целью выявления древних захоронений был разбит раскоп прямоугольной формы, размерами 23х9м (207 кв. м.), глубиной до 0,75 м, ориентированный по линии восток-запад (рис. 4, I). Замеры глубин и дистанций производились от условной точки-репера, находившегося в крайнем северо-восточном углу раскопа. В раскопе I обнаружено 16 погребений.

Погребение 1 (рис. 5, 1), выявлено в 14,4 м к северо-западу от репера №1, на глубине 0,55 м. Погребальная камера овальной формы, размерами 2,05х0,57 м, глубиной от уровня фиксации – 0,5 м, была ориентирована по линии запад-юг-запад – восток-юг-восток. У южной стенки камера расширялась ко дну наподобие подбоя, достигая размеров 2,2х0,77 м. Погребенный был уложен вытянуто, ориентирован на запад-юг-запад. Череп погребенного отсутствовал. На месте черепа имела прослойка золы неправильной овальной формы размерами 0,3х0,4 м. Правая рука-прямая, уложена вдоль туловища, левая рука согнута в локте и кистью лежит на тазе. Левая нога уложена пря-

Рис. 2. Ситуационный план с местоположение ногайского могильника (Google Earth Pro).

Fig. 2. Situational plan with Nogaic flat necropolis location (Google Earth Pro)

Рис. 3. Фото с погребение 1 в профиле карьера.

Fig. 3. Photo with grave 1 in the career profile.

мо, правая согнута в колене. Скелет окрашен тленом коричневого цвета, наиболее интенсивно окрашены верхние и нижние конечности.

Погребение 2 (рис. 5,3а) зафиксировано в 18 м к западу-юго-западу от репера №1, на глубине 0,58 м. Погребальная камера овальной формы ориентирована по оси восток-запад. Размеры камеры 1,22x0,65 м, углублялось на 0,1 м от уровня фиксации. Погребенный (ребенок 2-3 года) лежал вытянуто на спине, головой на запад-юго-запад, лицевой частью черепа обращен на юго-восток. Правая рука согнута и уложена кистью вперед, левая прямая, лежит вытянуто. Ноги вытянуты, берцовые кости правой ноги отсутствовали, левая нога-прямая. Под погребенный фиксировался темно-коричневый тлен. В восточном углу камеры имелись остатки основания вкопанного шеста диаметром до 6 см.

На левой височной кости черепа, погребенного найдена округлая медная колечка (рис. 5,2), диаметром 1,8 см изготовленная из тонкой проволоки сечением 0,35 см, снабженная дополнительным колечком приемником.

Погребение 3 (рис. 5,3б) найдено в 18,6 м к западу-юго-западу от репера №1, на глубине 0,58-0,6 м. Погребальная камера овальной формы размерами 1x0,5 м, глубиной от уровня фиксации – 0,3 м. Ориентирована на запад. Погребенный (ребенок) уложен вытянуто с наклоном вправо, головой на запад. Лицевая часть черепа обращена на юго-восток. Скелет плохой сохранности, фрагментированные кости руки (правой?) уложены поперек под

углом. Кости грудной клетки и таза не сохранились. Ноги вытянуты.

Погребение 4 (рис. 5,4) обнаружено в 13,85 м к юго-западу от репера №1, на глубине 0,42 м. Погребальная камера прямоугольной формы с округленными углами была ориентирована по линии север-восток – юг-запад. Размеры могильной ямы по верхнему контуру 2,2x0,85 м. Глубина от уровня фиксации – 0,4 м. Заполнение представляло собой чернозем, перемешанный с глиной, в котором встречались и фрагменты дерева. У западной стенки погребальной камеры на глубине 0,25 м имелась глиняная ступенька размером 2,2x0,3 м. Южный край камера расширялся ко дну наподобие подбоя, достигая размеров 2,2x0,95 м. Погребенный уложен вытянуто на спине с разворотом вправо, головой на запад-юго-запад. Череп обращен лицевой частью к юго-востоку. Правая рука уложена вдоль туловища и вытянута предплечьем вперед к юго-востоку. Левая рука согнута и уложена кистью на таз. Ноги вытянуты и слегка согнуты вправо. Под погребенным и на костях его имелся тлен темно-коричневого цвета.

Погребение 5 (рис. 5,5) обнаружено в 5,72 м к юго-западу от репера №1, на глубине 0,46 м. Погребальная камера овальной формы была ориентирована по оси северо-восток – юго-запад. Размеры камеры по верхнему контуру составляли 1,95x0,62 м. Глубина от уровня фиксации – 0,38 м. На глубине 0,3 м имелась ступенька размерами 1,95x0,28 м. Погребальная камера расширялась к югу наподобие подбоя, достигая размеров 1,95x0,4 м. Погребенный уложен в вытянутом положении, головой на запад-юго-запад. Череп обращен лицевой частью к юго-востоку. Правая рука, прямая, вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте под острым углом и уложена на грудную клетку. Ноги вытянуты, правая слегка согнута в колене.

Погребение 6 (рис. 6,1) обнаружено в 9,6 м к юго-западу от репера №1, на глубине 0,37 м. Погребальная камера прямоугольной формы была ориентирована по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Размеры камеры 1,02x0,5 м, глубина от уровня фиксации – 0,15 м. Погребенный (скелет грудного ребенка плохой сохранности) был ориентирован головой на запад-юго-запад. От скелета сохранились лишь

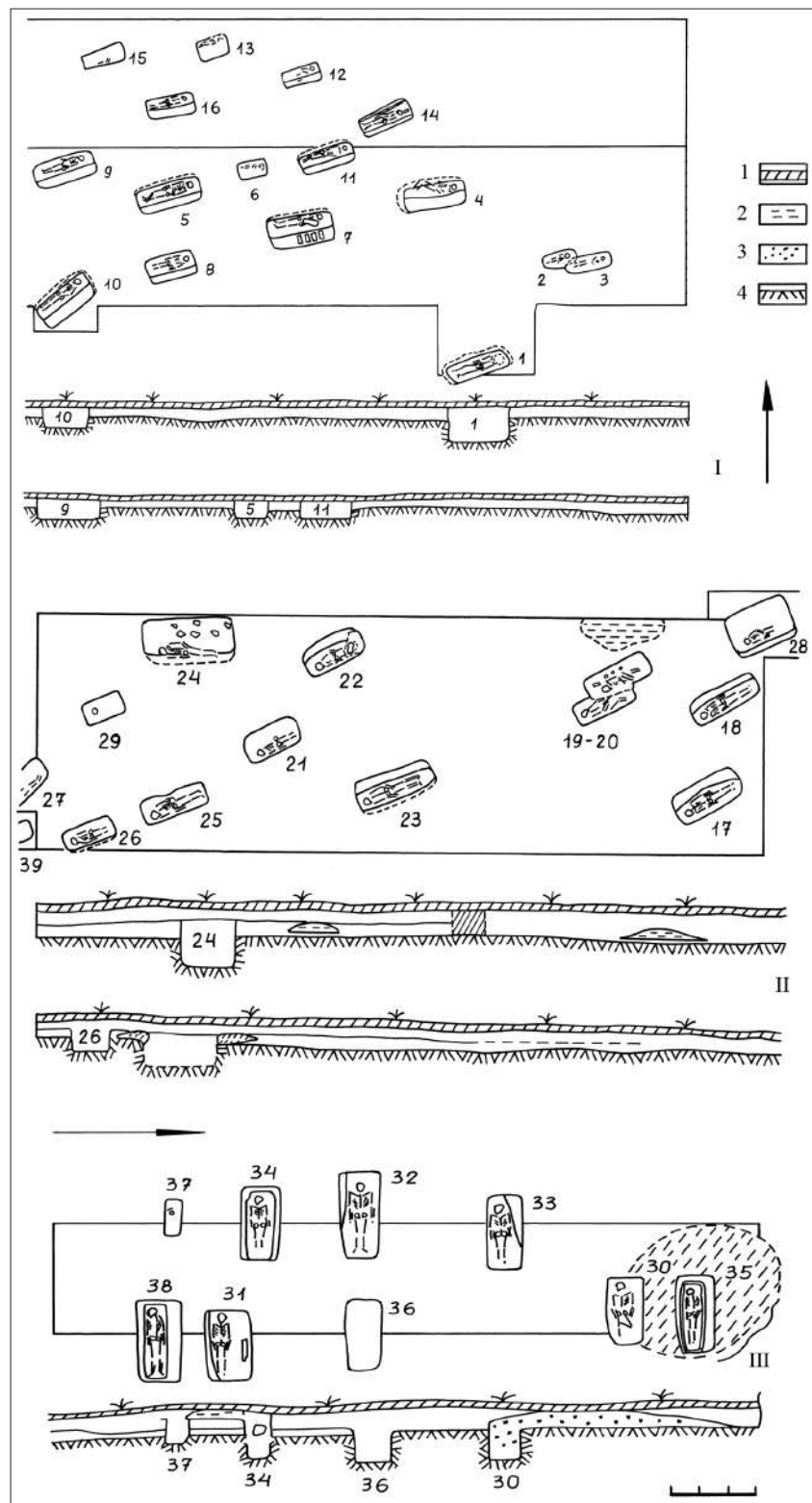

Рис. 4. Генеральный план. I - раскоп I; II - раскоп II; III - раскоп III.

Fig. 4. General plan. I - section I; II - section II; III - section III.

сильно фрагментированный череп и ноги, уложенные в вытянутом положении.

Погребение 7 (рис. 6,2) было обнаружено в 9,5 м к юго-западу от репера №1, на глубине

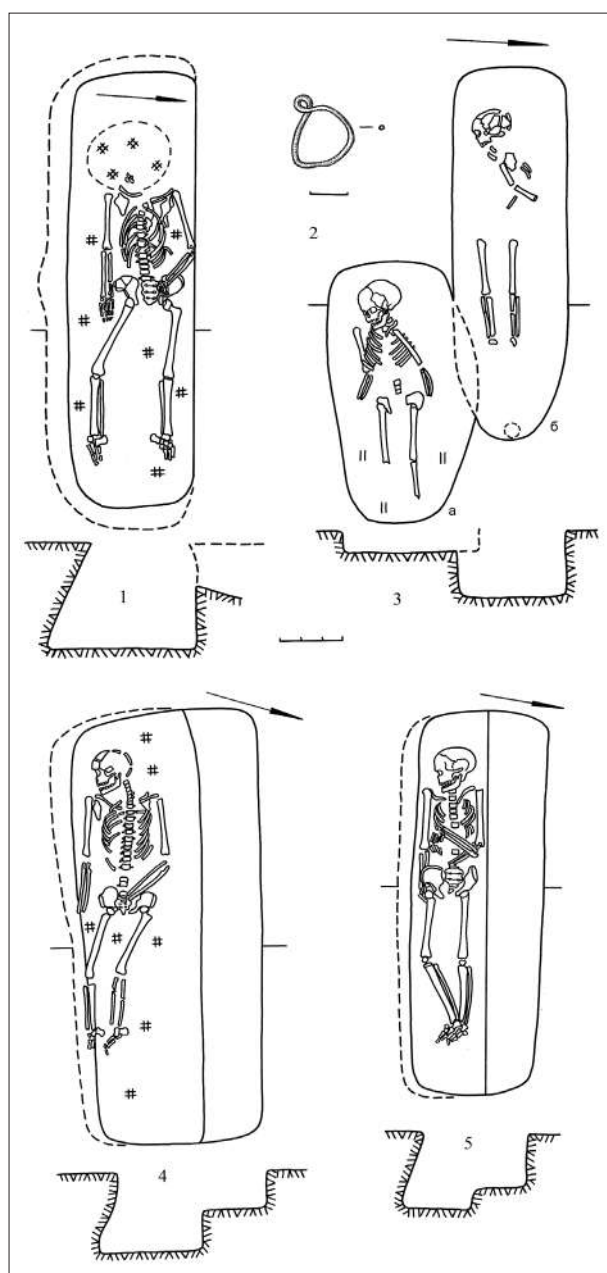

Рис. 5. 1 - погребение 1; 2 - колечко из погребение 2; 3a - погребение 2; 3b - погребение 3; 4 - погребение 4; 5 - погребение 5.

Fig. 5. 1 - grave 1; 2 - ring from grave 2; 3a - grave 2; 3b - grave 3; 4 - grave 4; 5 - grave 5.

0,38 м. Могильная яма прямоугольной формы с округленными углами была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Размеры камеры по верхнему контуру 1,95x0,8 м, глубина от уровня фиксации – 0,37 м. На глубине 0,15 м имелась ступенька размерами 1,95x0,25 м. На уровне ступеньки отмечены остатки поперечного деревянного перекрытия в виде

тонких досок шириной 0,12 до 0,14 м. На глубине 0,31 м в центральной части погребальной камеры имелся камень подпрямоугольной формы размерами 0,45x0,05x0,15 м. Камень серого плотного известняка, перекрывал грудную клетку погребенного (видимо остатки надмогильного сооружения). Погребенный уложен вытянуто, головой ориентирован на запад. Череп обращен лицевой частью вправо на юго-восток. Руки, прямые, вытянуты вдоль туловища. Ноги уложены вытянуто. На дне имелся темно-коричневый тлен. На дне в 0,15 м справа от черепа имелись остатки (основание) вкопанного в дно деревянного шеста диаметром 5-7 см. окрашен древесным тленом темно-коричневого цвета. Тлен фиксировался по дну погребальной камеры.

Погребение 8 (рис. 6,3) обнаружено в 5,4 м к западу-юго-западу от репера №1, на глубине 0,45 м. Могильная яма прямоугольной формы была ориентирована по линии север-северо-восток – юго-юго-запад. Размеры ямы 1,73x0,8 м, глубина от уровня фиксации – 0,2 м. На глубине 0,1 м имелась ступенька размером 1,73x0,5 м. Погребенный (подросток), лежал вытянуто на спине, головой на запад-юго-запад. Череп обращен лицевой частью вправо на юг-юго-восток. Руки, прямые, вытянуты вдоль туловища, левая слегка согнута в локте, ноги вытянуты, уложены прямо.

Погребение 9 (рис. 7,1) обнаружено в 3,75 м к юг-юго-западу от репера №1, на глубине 0,41 м. Погребальная камера овальной формы, размерами 2,1x0,9 м, глубиной от уровня фиксации – 0,5 м, была ориентирована по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. На глубине 0,2 м имелась ступенька размером 2,1x0,35 м. Размеры могильной ямы составляли 2,1x0,57. Погребенный был уложен вытянуто, головой на запад-юго-запад, лицевой частью черепа обращен к юго-востоку. Руки согнуты в локтях и предплечьями уложены на таз. Правая смещена. лучевая кость ее сдвинута к стенке погребальной камеры. Ноги уложены ровно, слегка сдвинуты в коленях.

Погребение 10 (рис. 7,2) в 1,5 м к запад-юго-западу от репера №1, на глубине 0,42 м. Могильная яма прямоугольной формы была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. На глубине 0,2 м имелась прямоуголь-

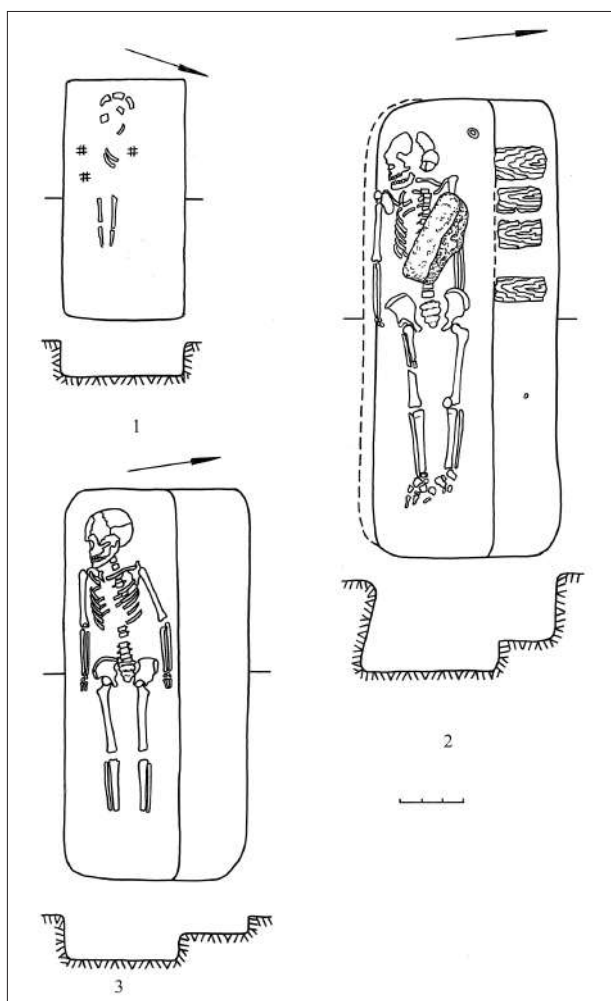

Рис. 6. 1 - погребение 6; 2 - погребение 7; 3 - погребение 8.

Fig. 6. 1 - grave 6; 2 - grave 7; 3 - grave 8.

ная ступенька размерами 2,1x0,28 м. Размеры 2,08x0,45 м, ко дну камера расширялась, достигая размеров 2,8x0,55 м. Размеры погребальной камеры 2,1x0,57 м. Погребенный уложен в вытянутом положении, головой на запад-юго-запад, лицевой частью черепа обращен на юго-восток. Правая рука, прямая, уложена вдоль туловища, левая согнута в локте и предплечьем уложена под таз. Ноги уложены прямо.

Погребение 11 (рис. 8,1) выявлено в 11,3 м к юг-юго-западу от репера №1, на глубине 0,39 м. Могильная яма овальной формы была ориентирована по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Размеры по верхнему контуру 1,9x0,78 м, глубина от уровня фиксации – 0,39 м. На глубине 0,2 м имела ступенька размерами 1,9x0,39 м, высотой 0,2 м. Погребальная камера размерами 1,9x0,4 м рас-

ширялась к югу, достигая ширины – 0,47-0,48 м. Погребенный уложен в вытянутом положении, головой на запад-юго-запад. Лицевая часть черепа обращена на юго-восток. Правая рука согнута и предплечьем лежит на тазе, левая согнута предплечьем под таз. Ноги вытянуты, правая слегка согнута в колене, левая прямая. Ступни развернуты вправо к югу. По дну имелся темно-коричневый тлен.

Погребение 12 (рис. 8,2) выявлено в 13 м к юго-западу от репера №1, на глубине 0,35 м. Могильная яма прямоугольной формы была ориентирована по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Размеры 1,1x0,45 м, глубина от уровня фиксации – 0,25 м. На глубине 0,12 м была выявлена ступенька шириной 0,2 м, длиной 1,1 м, высотой 0,1 м. Скелет погребенного (ребенок 2-3 года) был по всей видимости уложен в вытянутом положении, головой на запад-юго-запад, лицевой частью черепа обращен на юго-восток. От скелета сохранились лишь отдельные длинные кости (рук и ног).

Погребение 13 (рис. 8,3) обнаружено в 10,5 м к юго-западу от репера №1, на глубине 0,35 м. Погребальная камера прямоугольной формы, размерами 0,9x0,6 м, глубина 0,1 м от уровня фиксации, была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. От ребенка (до 1 года) сохранились фрагменты черепа и отдельные длинные кости, сдвинутые грызунами к южной стенке могилы. Судя по их расположению, погребенный был ориентирован на запад-юго-запад.

Погребение 14 (рис. 8,4) обнаружено в 13,5 м к юго-западу от репера №1, на глубине 0,42 м. Могильная яма трапециевидной формы была ориентирована по оси север-восток – юго-запад. Размеры ямы 2,2x0,65x0,45 м. Заплечики (уступ) имели размеры 0,1x2,2 и 0,05x2,2 м. Заплечики имелись по краям погребальной камеры. Размеры погребальной камеры 2,2x0,42x0,28 м. Погребенный был уложен вытянуто, головой на юго-запад, лицевой частью черепа на юго-восток. Правая рука, прямая, вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте и предплечьем лежит на тазе. Ноги вытянуты. По дну и по стенкам погребальной камеры прослежены остатки тонких досок. Отмеченная ширина досок – 0,08-0,09 м. Дно покрывал темно-коричневый тлен.

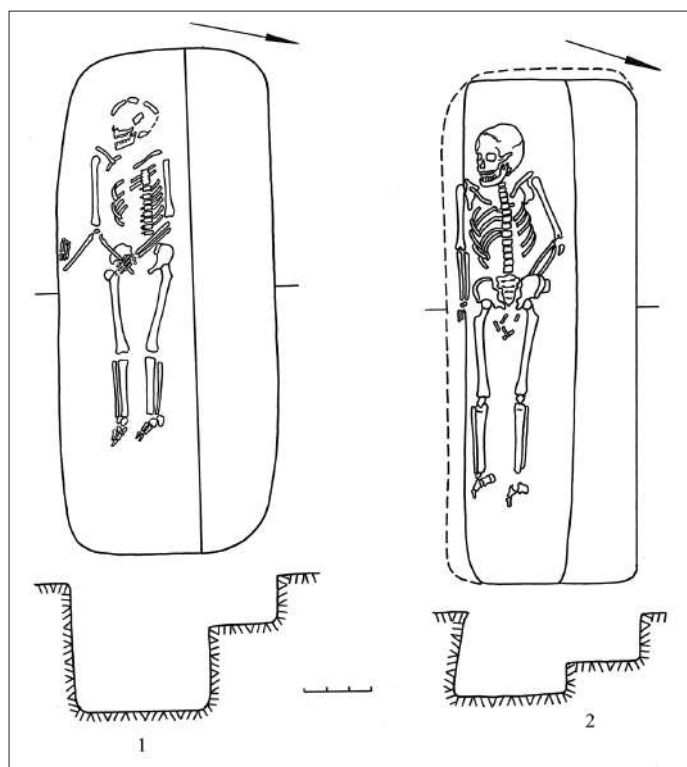

Рис. 7. 1 - погребение 9; 2 - погребение 10.

Fig. 7. 1 - grave 9; 2 - grave 10.

Погребение 15 (рис. 9,1) обнаружено в 8 м к юго-юго-западу от репера №1, на глубине 0,35 м. Погребальная камера трапецевидной формы была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Размеры камеры 1,4х0,5х0,35 м. Разрушено в древности. У северо-восточной стенки камеры имелись разрозненные человеческие кости.

Погребение 16 (рис. 9,2) выявлено в 7,5 м к юго-западу от репера №1, на глубине 0,3 м. Могильная яма прямоугольной формы с сильно округленными углами была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Размеры по верхнему контуру 1,35х0,65 м, глубина от уровня фиксации – 0,2 м. В правой части ямы имелась ступенька, вырубленная в глине, размерами 1,35х0,3 м. Погребальная камера прямоугольной формы, размерами 1,35х0,3 м. Погребенный, ребенок (5-6 л.?) лежал вытянуто, головой на запад-юго-запад. Череп обращен лицевой частью вправо на юго-восток. Руки, прямые, вытянуты вдоль туловища, кисть левой лежит на тазе. Ноги уложены прямо. Под скелетом погребенного имелся тлен темно-коричневого цвета.

Раскоп II

Был разбит в 4 м к западу от перового раскопа (рис. 4,II), в связи с перекопом и оврагообразовательным процессом, потревожившим внешнюю дневную поверхность могильника. Площадь раскопа II составляла 20х6 (120 кв. м.). В раскопе исследовано 14 ногайских захоронений. Нумерация погребений дается в продолжении тех зафиксированных в первом раскопе.

Погребение 17 (рис. 9,3) обнаружено в 2,3 м к северо-западу от репера №2, на глубине 0,5 м. Могильная яма прямоугольной формы с округленными углами, была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Размеры ямы 2,3х1,19м, глубина от уровня фиксации – 0,4 м. В северо-восточной части ямы выявлена ступенька, вырубленная в глине, размерами 2,3х0,6х0,4 м. Размеры погребальной камеры 2,23х0,5х0,65 м. Камера имела форму неправильного овала. Погребенный уложен вытянуто, на спине, головой на запад-юго-запад, лицевой частью черепа обращен вправо на юго-восток. Руки, прямые, уложены вдоль туловища. Ноги уложены прямо. По дну камеры отмечен темно-коричневый тлен.

Погребение 18 (рис. 9,4) обнаружено в 4 м к северо-западу от репера №2, на глубине 0,55 м. Могильная яма неправильной прямоугольной формы, размерами 2,1х0,65х0,59 м, глубиной от уровня фиксации – 0,3 м, была ориентирована по оси север-восток – юг-запад. С левого края имелась ступенька, вырубленная в глине размерами 2,1х0,28х0,25 м. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад-юго-запад, лицевой частью черепа обращен на юго-восток. Руки, прямые, уложены вдоль туловища. Ноги прямые. На дне камеры отмечен органический тлен темно-коричневого цвета.

Погребения 19 (рис. 10,1а) обнаружены в 5,2 м к северо-западу от репера №2, на одном уровне – 0,60 м. Погребение 19 перерезает край погребальной камеры погребения 20. Погребение совершено в камере прямоугольной формы, размерами 1,8х0,6 м, глубина от уровня фиксации – 0,2 м. Погребенный уложен вытянуто,

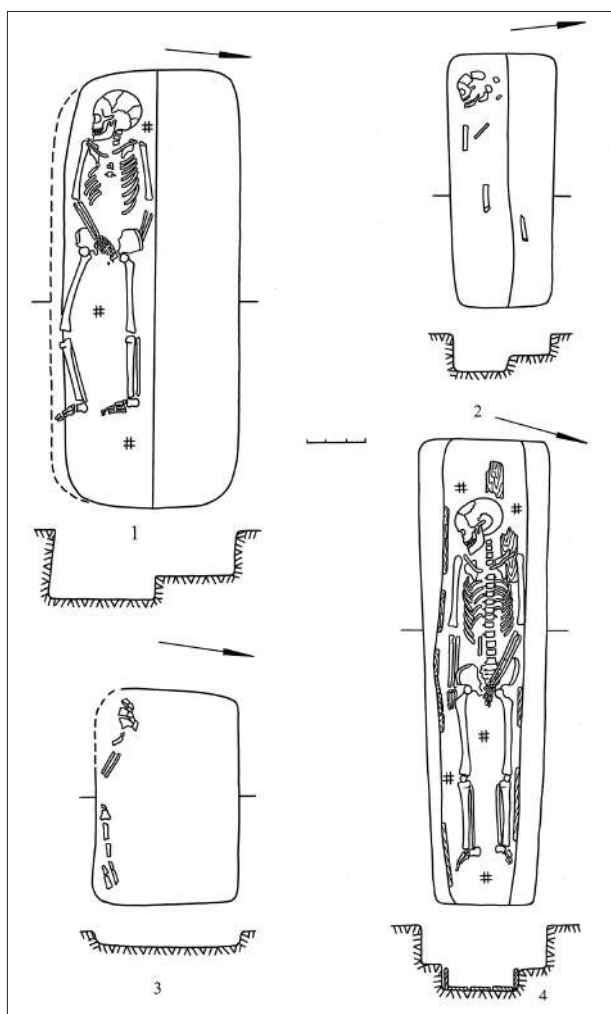

Рис. 8. 1 - погребение 11; 2 - погребение 12; 3 - погребение 13; 4 - погребение 14.

Fig. 8. 1 - grave 11; 2 - grave 12; 3 - grave 13; 4 - grave 14.

с разворотом влево, головой на запад-юго-запад, лицевой частью обращен на северо-запад, слегка согнутые руки уложены вдоль туловища, ноги согнуты влево.

Погребение 20 (рис. 10,16) было совершено в прямоугольной камере, размерами 1,8х0,87 м, на глубине 0,25 м. Погребенный находился в южной части погребальной камеры, видимо в нише разрушенной погребением 19. Головой ориентирован на запад-юго-запад, череп обращен лицевой частью к юго-востоку. Правая рука отсутствует, левая согнута поперек корпуса. Ноги подогнуты вправо, берцовые кости смещены. Под погребенный отмечен темно-коричневый тлен. Слева от скелета, погребенного отмечено 3 округлые ямки, от вкапываемых шестов, диаметром 0,05-0,07 м, глубиной до 0,1-

0,12м. Рядом находился и фрагмент шеста длиной 0,14, шириной (диаметром?) – 0,05 м.

Погребение 21 (рис. 11,1.) обнаружено в 13,8 м к запад-северо-запад от репера №2, на глубине 0,55 м. Погребальная камера прямоугольной формы была ориентирована по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Размеры камеры 1,72х0,7 м, глубина от уровня фиксации – 0,1 м. Погребенный (ребенок 6-7 лет) был уложен в вытянутом положении с наклоном вправо. Череп обращен на юго-восток, руки вместе уложены справа от корпуса. Ноги уложены прямо. Под костяком отмечен темно-коричневый тлен.

Погребение 22 (рис. 11,2.) обнаружено в 13 м к северо-западу от репера №2, на глубине 0,57 м. Погребальная яма неправильной прямоугольной формы, размерами 1,03х0,65 м, глубина от уровня фиксации – 0,25 м, была ориентирована по оси северо-восток – юго-запад. С

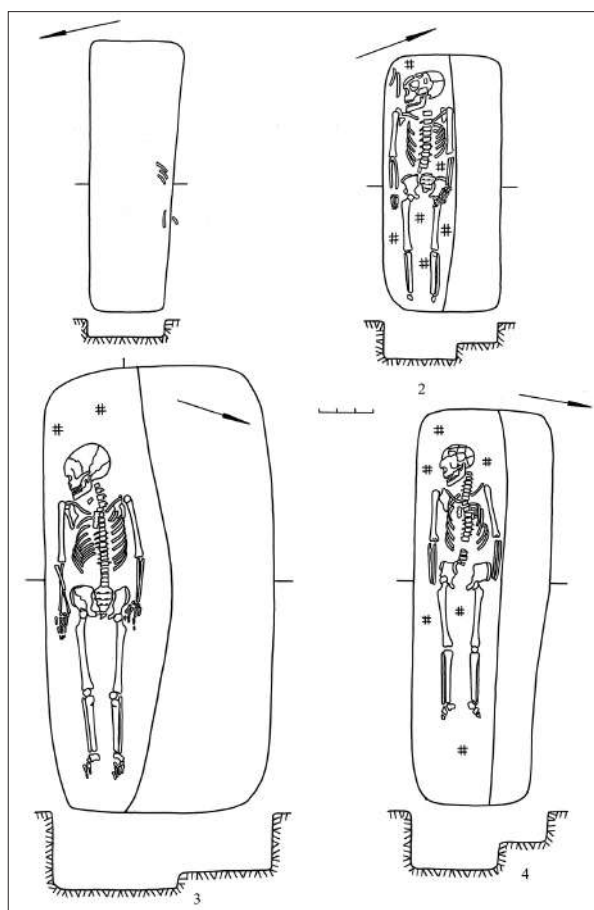

Рис. 9. 1 - погребение 15; 2 - погребение 16; 3 - погребение 17; 4 - погребение 18.

Fig. 9. 1 - grave 15; 2 - grave 16; 3 - grave 17; 4 - grave 18.

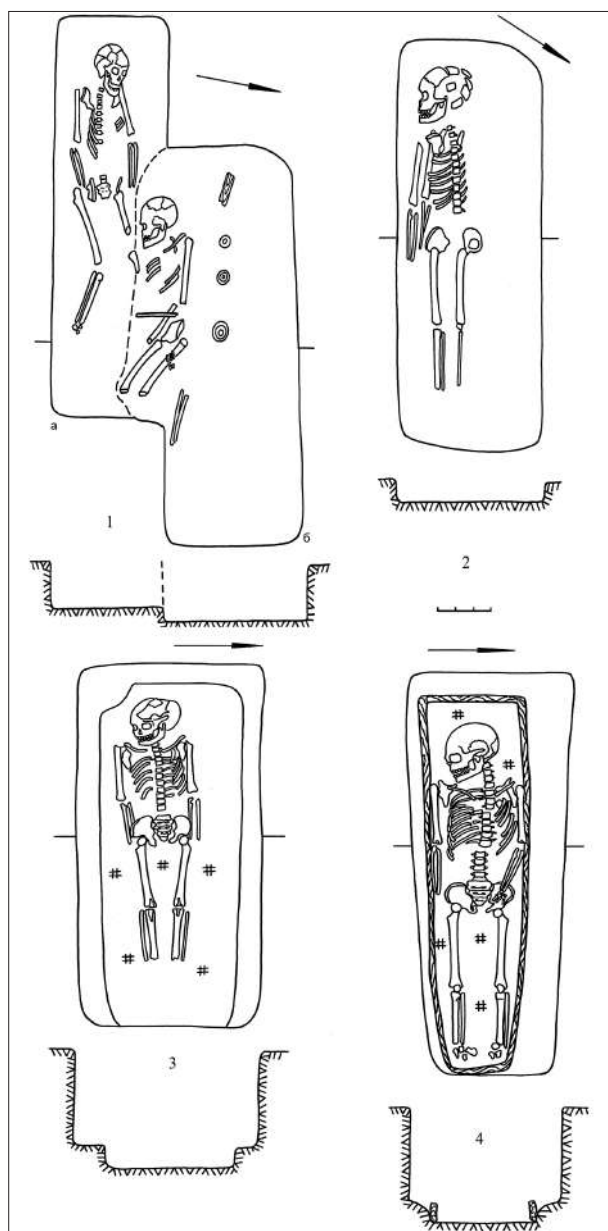

Рис. 10. 1а - погребение 19; 1б - погребение 20; 2 - погребение 21; 3 - погребение 34; 4 - погребение 35.

Fig. 10. 1a - grave 19; 1b - grave 20; 2 - grave 21; 3 - grave 34; 4 - grave 35.

левой, северной стороны имела ступенька, вырубленная в глине, размерами 1,03х0,1х0,25 м. Погребенный (ребенок 5-7 лет) находился в вытянутом положении, на спине, головой на запад-юго-запад, лицевой частью черепа обращен вправо. Руки вытянуты вдоль корпуса, ноги уложены прямо. Северо-восточная часть погребальной камеры повреждена перекопом неправильной овальной формы размером 0,4х0,45 м. Перекоп перерезал нижние конеч-

ности погребенного. В перекопе находился камень серого известняка подпрямоугольной формы, размерами 0,21х0,05 м. Под погребенным имелся темно-коричневый тлен.

Погребение 23 (рис. 11,2) обнаружено в 9,5 м к северо-западу от репера, на гл. 0,53 м. Могильная яма трапециевидной формы была ориентирована по оси юго-запад – северо-восток. Размеры по верхнему контуру 2,1х0,5х0,7х0,8 м. Глубина от уровня фиксации – 0,35 м. С правой стороны имела ступенька, отмеченная на гл. 0,21 м, длиной 2,1 м, шириной 0,25-0,3 м. Погребальная камера размерами 2,1х0,57х0,5 м, расширялась в южном направлении наподобие подбоя. Погребенный уложен на спине, головой на запад-юго-запад, лицевой частью черепа обращен на юго-восток. Руки слегка согнуты вправо. Ноги, вытянуты, уложены прямо.

Погребение 24 (рис. 11,3) обнаружено в 15,2 м от репера №2, на глубине 0,62 м по камням заполнения погребальной камеры. Могильная яма прямоугольной формы была ориентирована по оси восток-запад. Размеры по внешнему контуру 2,28х1,65 м. Заполнение представляло собой чернозем, перемешанный с глиной. В заполнении имелись крупные известняковые камни. От 0,25 до 0,15 до 0,15 на 0,1 м. На глубине 0,46 м имела ступенька, вырубленная в материковой глине, длиной 2,28 м, шириной 0,55 м. К дну могила расширялась в южном направлении, достигая размеров 2,28х1 м. Погребенный находился в вытянутом на спине положении, головой на запад, с небольшим наклоном вправо. Череп обращен лицевой частью вправо на юго-восток. Правая рука, прямая, вытянута вдоль туловища. Левая рука согнута в локте и предплечьем уложена на таз. Ноги вытянуты. Под погребенным прослежен темно-коричневый тлен.

Погребение 25 (рис. 11,4) было обнаружено в 15,5 м к запад-юго-западу от репера №2, на глубине 0,58 м. Погребальная камера трапециевидной формы была ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Размеры могильной ямы 1,8х0,62х0,55 м, глубина от уровня фиксации – 0,3 м. Заполнение представлено черноземом, перемешанным с глиной. Погребенный уложен в вытянутом положении, на спине, с небольшим разворотом корпуса вправо, головой на юго-запад. Череп

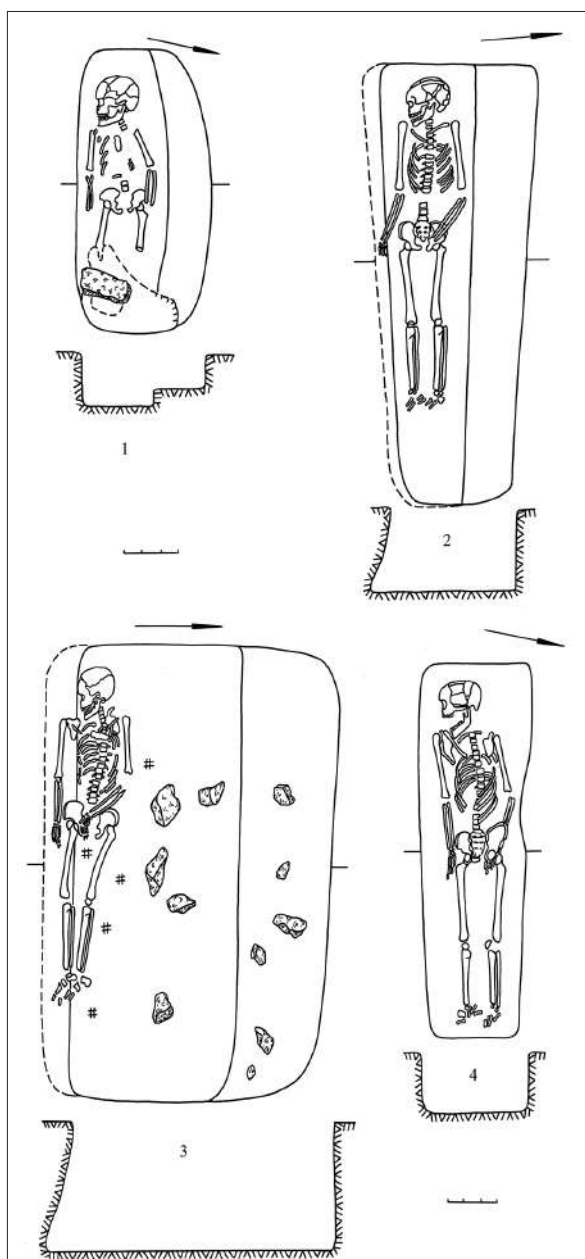

Рис. 11. 1 - погребение 22; 2 - погребение 23; 3 - погребение 24; 4 - погребение 25.

Fig. 11. 1 - grave 22; 2 - grave 23; 3 - grave 24; 4 - grave 25.

развернут лицевой частью к юго-востоку. Правая рука прямая, левая согнута и предплечьем лежит под тазом. Ноги уложены прямо.

Погребение 26 (рис. 12,1) обнаружено в 18 м к северо-западу от репера №2, на глубине 0,57 м. Могильная яма прямоугольной формы ориентирована по оси северо-восток – юго-запад. Размеры ямы 1,52х0,5 м, ко дну яма расширялась, достигая размеров 1,52х0,55 м. Погребенный (подросток 12-14 лет) лежал

в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад, лицевой частью на юго-восток. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги прямые.

Погребение 27 (рис. 12,2) обнаружено в 19,8 м от репера №2, на глубине 0,48 м. Погребальная камера размером 1,7 х 0,65 м, глубина от уровня фиксации – 0,1 м была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Погребенный (ребенок 3-4 года) лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. Череп обращен лицевой частью к юго-востоку, левая рука согнута к тазу. Правая рука – сохранилась лишь плечевая кость. Левая рука согнута в локте и предплечьем лежит на тазу.

Погребение 28 (рис. 12,3) выявлено в 5,8 м к северу от репера №2, на глубине 0,62 м. Могильная яма прямоугольной формы была ориентирована по оси северо-восток – юго-запад. Размеры камеры 1,95х1,45 м. Глубина от уровня фиксации – 0,55 м. С правой, южной стороны имела ступенька длиной 1,95, шириной 0,18-0,22 м, высотой от дна ямы до 0,35 м. Погребенный лежал на спине, головой на юго-запад. Череп обращен лицевой частью на юго-восток. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая рука согнута в локте и предплечьем лежит на тазу. Ноги уложены прямо, отсутствуют берцовые и пяточные кости.

Погребение 29 (рис. 12,4) обнаружено в 19,4 м к северо-западу от репера №2, на глубине 0,49 м. Погребальная камера прямоугольной формы, размерами 0,95х0,45 м, глубина от уровня фиксации – 0,12 м, была ориентирована по оси восток-запад. Погребенный (ребенок до 1 года) видимо лежал головой на запад. Остальной скелет не сохранился.

Погребение 39 (соответствует общей нумерации, но было исследовано в раскопе II) обнаружено в 21 м к западу от репера на глубине 0,48 м. Погребальная камера прямоугольной формы, размерами 0,9х0,4 м, глубина от уровня фиксации – 0,1 м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. В юго-западной части ямы имелись фрагменты детского черепа (грудной ребенок).

Раскоп III

Был разбит (рис. 3,III) в 46 м к западу от раскопа II. Площадь раскопа составляла 15х3 м, в случае обнаружения погребений в бортах

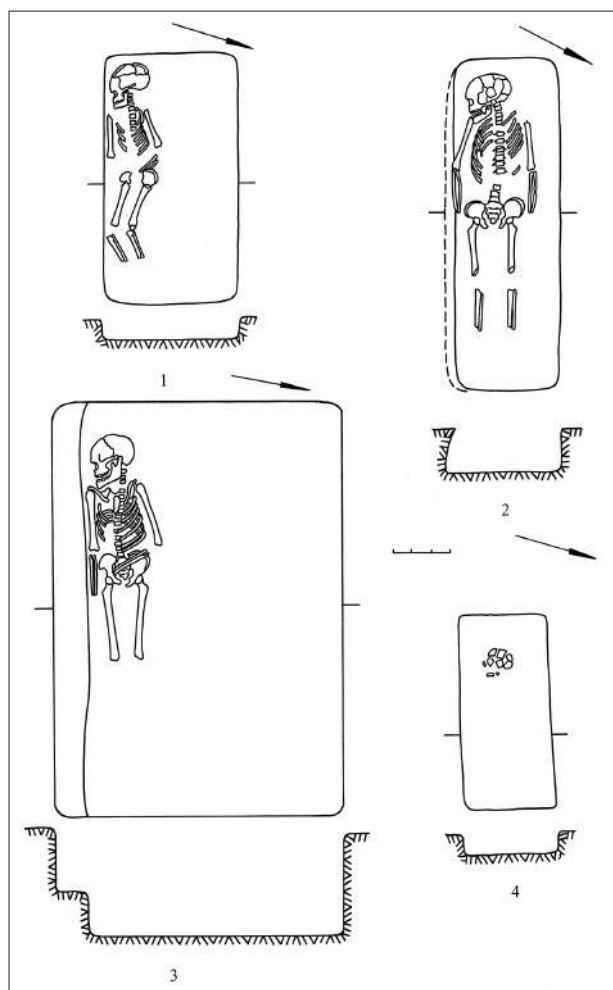

Рис. 12. 1 - погребение 26; 2 - погребение 27; 3 - погребение 28; 4 - погребение 29.

Fig. 12. 1 - grave 26; 2 - grave 27; 3 - grave 28; 4 - grave 29. раскопа выполнялись прирезки, в результате которых общая площадь вскрытого пространства составила 45 кв. м.

Погребение 30 (рис. 13,1) было обнаружено в 12 м к северу от репера №3 (был установлен на крайней юго-восточной точке раскопа III). Погребальная камера прямоугольной формы с сильно округленными углами, размерами 1,48x0,75-0,8 м, глубина от уровня фиксации – 0,3 м, была ориентирована по линии восток-запад. Заполнение представляло собой чернозем вперемешку с глиной и мелким щебнем. К северу от погребения 30 отмечен выброс материковой глины, округлой формы, диаметром около 3 метров. Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на запад. Череп обращен лицевой частью к юго-востоку. Руки вытянуты вдоль туловища. Правая нога

– прямая, левая в неестественном положении, вывернута и согнута в колене.

Погребение 31 (рис. 13,2) было обнаружено в 3,5 м к северу от репера №3, на глубине 0,57 м. Погребальная яма прямоугольной формы была ориентирована по линии восток-запад. Размеры по верхнему контуру 1,85x1 м, глубина от уровня фиксации – 0,55 м. На глубине 0,35 м имелась ступенька размерами 1,85x0,15 м. Размеры самой погребальной камеры 1,85x0,88 м. Погребенный уложен вытянуто, головой на запад. Череп обращен лицевой частью к юго-востоку. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги-прямые. На дне погребальной камеры прослежены остатки деревянного шеста длиной до 0,4 м, диаметром 0,04-0,05 м. Под погребенным отмечен темно-коричневый тлен.

Погребение 32 (рис. 13,3) выявлено в 6,5 м к северо-западу от репера №3, на глубине 0,48 м. Могильная яма трапецевидной формы, размерами 2,08x0,74x0,65 м, глубина от уровня фиксации – 0,5 м, была ориентирована по линии восток-запад. На глубине 0,23 м в южной части ямы имелась неровная ступенька размером 1,65x0,1x0,15 м. Погребальная камера имела неправильную прямоугольную форму, размерами 2,08x0,65 м. Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на запад. Череп обращен лицевой частью вверх. Руки прямые, вытянуты вдоль туловища. Ноги прямые.

Погребение 33 (рис. 13,4) обнаружено в 10 м к западу от репера №3, на глубине 0,65 м. Погребальная яма прямоугольной формы с округленными углами была ориентирована по линии восток-запад. Размеры 2,45x0,8 м, глубина от уровня фиксации – 0,55 м. В северо-западной части ямы имелась ступенька неправильной прямоугольной формы размерами 2,05x0,5x0,3x0,1 м. Погребальная камера неправильной прямоугольной формы размером 2,05x0,5x0,3x0,1 м. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Череп обращен лицевой частью к юго-востоку. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги уложены прямо.

Погребение 34 (рис. 10,3) обнаружено в 5,3 м к северо-западу от репера №3, на глубине 0,52 м. Погребальная камера, оборудованная заплечиками, была ориентирована по оси восток-запад. Размеры по верхнему контуру 1,95x0,85 м. Размеры заплечиков (уступа) вырезанных в глине

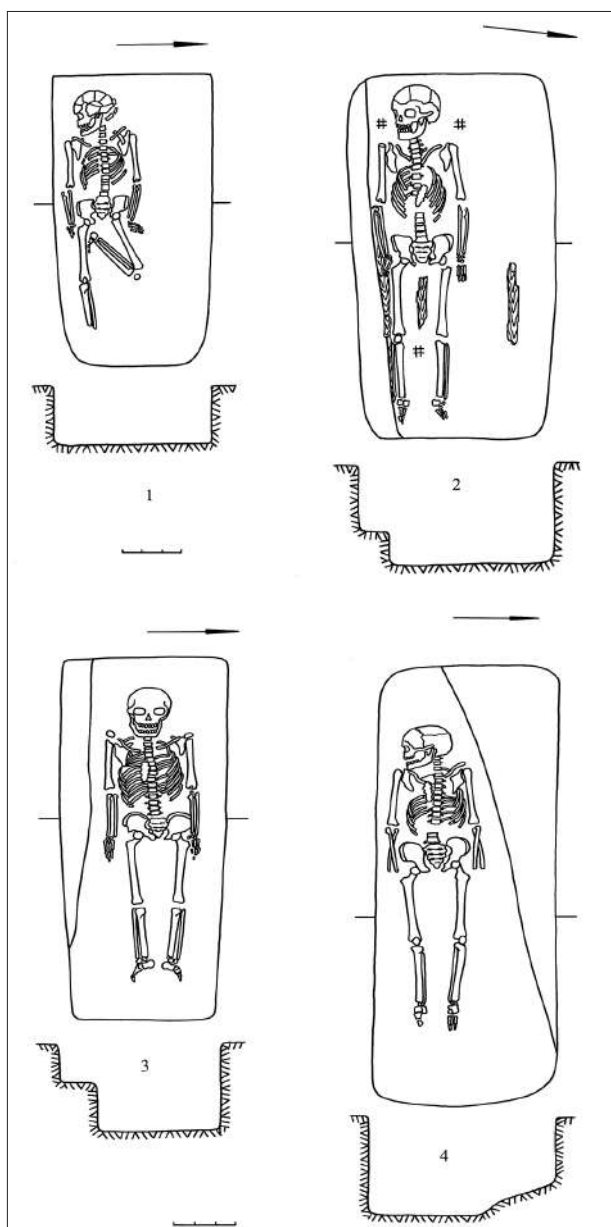

Рис. 13. 1 - погребение 30; 2 - погребение 31; 3 - погребение 32; 4 - погребение 33.

Fig. 13. 1 - grave 30; 2 - grave 31; 3 - grave 32; 4 - grave 33.

составляли 1,9x0,1x0,12 м. С уровня заплечиков глубина погребальной камеры составляет 0,1 м. Погребенный уложен вытянуто на спине, головой на запад. Череп обращен лицевой частью к юго-востоку. Руки, прямые, уложены вдоль туловища. Ноги уложены прямо. Под скелетом отмечен темно-коричневый тлен.

Погребение 35 (рис. 10,4) обнаружено в 14,2 м к северу от репера №3, на глубине 0,7 м. Погребальная камера трапецевидной формы, ориентирована по линии восток-запад.

Отмечены заплечики размерами 1,09x0,1-0,15 м. Погребальная камера располагалась по контуру заплечиков. Ее размеры 1,8x0,45x0,25. В погребальную камеру было положено гроб, выполненный из тонких досок. Его размеры совпадали с контурами погребальной камеры. Погребенный уложен вытянуто на спине, головой на запад. Череп обращен лицевой частью к юго-востоку. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте и предплечье уложено на таз. Ноги вытянуты. Под скелетом прослежен темно-коричневый тлен.

Погребение 36 (рис. 14,1) обнаружено в 6,3 м к северу от репера №3, на глубине 0,72 м. Погребальная камера прямоугольной формы, размерами 1,9x0,82 м, глубиной от уровня фиксации – 0,3 м, была ориентирована по линии восток-запад. Следов погребенного в могиле не обнаружено. Захоронение 36 является кенотафом.

Погребение 37 (рис. 14,2) обнаружено в 3,5 м к северо-западу от репера №3, на глубине 0,55 м. Погребальная камера прямоугольной формы была ориентирована по линии восток-запад. Размеры составляют 0,9x34 м. Погребенный (грудной ребенок, судя по фрагментам черепа) был ориентирован головой на запад. Скелет не сохранился.

Погребение 38 (рис. 14,3) обнаружено в 2 м к северу от репера №3. Погребальная яма прямоугольной формы размерами 2,1x0,84 м, глубиной от уровня фиксации – 0,4 м, была ориентирована по линии восток-запад. На глубине 0,1 м имелись заплечики размерами 2,1x0,25x0,12 м. Размеры погребальной камеры трапецевидной формы 1,8x0,4x0,45 м. Погребенный уложен вытянуто, головой на восток. Череп обращен лицевой частью к юго-востоку. Руки, прямые, вытянуты вдоль туловища. Ноги также вытянуты – прямые. Под скелетом отмечен темно-коричневый тлен.

Погребение 39 (рис.) было обнаружено в раскопе 2 в 20,5 м к западу от репера №3, на глубине 0,48 м. Погребальная камера прямоугольной формы, размерами 0,58x0,35 м, глубина от уровня фиксации – 0,1 м, была ориентирована по линии север-юг – юг-запад. Захоронение грудного ребенка, найдено лишь несколько фрагментов черепа, судя по их расположению, погребенный был ориентирован черепом на юго-запад.

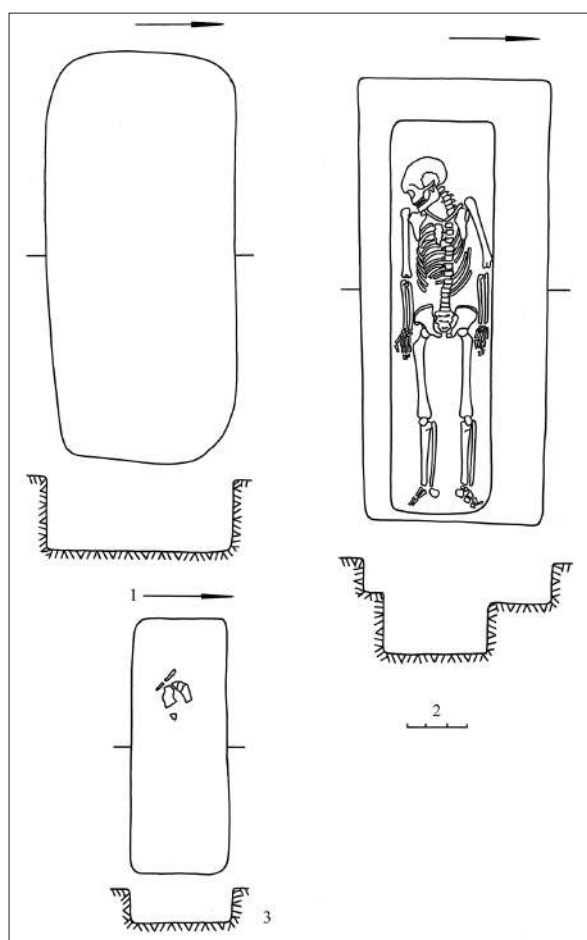

Рис. 14. 1 - погребение 36; 2 - погребение 37; 3 - погребение 38.

Fig. 14. 1 - grave 36; 2 - grave 37; 3 - grave 38.

Погребение 40, отмечено в борту карьера в северо-восточной части могильника. Погребальная камера разрушена, не сохранилась. Череп лежал на боку, ориентированный на запад-юго-запад. Череп обращен лицевой частью к юго-востоку.

Конструктивные особенности захоронений ногайского могильника у с. Казаклия

Планировка могильника состояла из неправильных рядов, расположенных в широтной позиции. В захоронениях Казаклийского могильника отмечено 3 основных типа погребальных сооружений.

1. Простые прямоугольные погребальные камеры: №№1, 2, 3, 6, 13, 15, 19, 20, 21, 25, 26, 27, 29, 30, 36, 39.

2. Прямоугольные камеры со ступенькой и подбоем в южной стенке: №№4, 5, 7, 8, 9, 10,

11, 12, 16, 17, 18, 22, 23, 24, 28, 31, 32, 33; из которых ступенька с левой стороны от скелета - в 15 могилах, справа от погребенного - в 3-х.

3. Прямоугольные погребальные камеры с заплечиками: №№14, 34, 35, 38).

4. Неопределенные: №40.

Краткий исторический очерк и место Казаклийского могильника в системе ногайских древностей Буджака

История ногайских племен в Юго-Западном регионе Северо-Западного Причерноморья на сегодняшний день изучена недостаточно. Лишь отдельные события рассматривались преимущественно в связи с исследованием военно-политических или же дипломатических аспектов соседних государств и народов. Историческая судьба ногайцев в определенной степени прошла мимо специального внимания историков. В данном случае существование в регионе Буджакской орды в XVI-XVIII вв. подтверждается археологически на основе погребальных комплексов. Здесь следует отметить, что большинство жилых сооружений ногайцев находятся в настоящее время под современными домами и усадьбами и их место расселения совпадает современным. Ногайский могильник на землях села Казаклия близок по обряду и сопоставим с другими XVI-XVIII вв. исследованными в Буджакской степи (Мирное, Дракуля, Нерушай, Лиман, Молога). К этим исследованным пунктам следует добавить архивные данные (к сожалению иллюстрации, отсутствуют) о подобном могильнике, раскопанном в 1960 году археологической экспедицией под руководством Э. Рикмана у г. Комрат на участке строительства кукурузокалибровочного завода. Где было исследовано более 150 ногайских захоронений.

Известно, что во второй половине XIV века Золотая Орда была вытеснена из Пруто-Днестровского междуречья Венгерским королевством, а к востоку от Днестра Литовским Княжеством. А в процессе распада Золотой Орды между Волгой и Иртышом возникает Ногайская орда. С конца XV века и в течении XVI века ногайцы постепенно переселяются из приволжских степей на запад, где в низовьях Буга образуется Едисанская орда, а в Днестровско-Дунайском междуречье – Буджакская орда.

В первой половине XV века Молдавское Княжество вытесняет венгров из Буджакских степей. Но со второй половины XV века ему с юга начинает угрожать Османская Империя.

В конце XV века турки захватывают Аккерман и Килию, а в первой половине XVI века Молдавия становится зависимой от Османской империи, которая постепенно отторгает от неё земли, подчинив их своей администрации. Города Аккерман и Килия были превращены в центры турецких округов, управляемые непосредственно турецкими пашами.

Буджакская орда (также **Аккерманская орда**, **Белгородская Орда**, по названию г. Белгород-Днестровский) – автономное образование ногайцев, поселившихся на территории Буджака, появившееся в начале XVII века. Предводитель орды (сераскир) подчинялся крымскому хану, который был вассалом османского султана. Ногайцы появились в Буджаке после похода султана Баязида II на Молдавское княжество в 1484 году, когда южная часть Пруто-Днестровского междуречья вошла в Силистрийский санджак Османской империи. Часть этих земель была пожалована крымскому хану, который и поселил здесь своих подданных – татар и ногайцев, прибывших из северокавказских степей. Расцвет Буджакской орды пришёлся на XVII век, когда здесь в значительном количестве поселяются тюркоязычные ногайцы, бежавшие от нашествия калмыков. В результате смешения этих и других групп появились буджакские татары, позднее известные также как дунайские татары. Первым главой Буджакской орды стал Кантемир-мурза (1637 г.) [Bachinskii, Dobroliubskii 1988, 82-84].

По сообщениям турецких авторов, в 1758 г. число татар в Буджаке оценивалось в 50 000 человек, в этот год буджакские татары выступили против Едиссанской орды. В ходе Русско-Турецкой войны (1768-1774 гг.) буджакские татары частью откочевали за Дунай, частью к Очакову. После окончания войны турки вернули их обратно в Буджак, сюда же из-под Очакова вернулась часть Едиссанской орды. В итоге, общее число татар в Буджаке к 1787 г. достигло 30-40 тысяч человек [Skal'kovskii 1846, 184]. В ходе Русско-Турецкой войны 1806-1812 гг., буджакские татары в основном приняли сторону Османской импе-

рии. Российским властям удалось переселить лишь небольшую их часть (около 3900 человек) в Северное Причерноморье, в район реки Молочная (почти все они, после Бухарестского мира, в 1812 г. вернулись в Турцию). Большинство буджакских татар бежали в 1807 г. из Буджака от русских войск, и переселились за Дунай, в область Добруджа, в которой власть турок продлилась до 1878 года.

Материальная культура ногайцев, как и других обитателей Северо-Причерноморских степей, в период после изгнания Золотой Орды к востоку от Днепра, археологически почти не изучена. Такое положение обусловлено в 1-ю очередь традиционными сомнениями в целесообразности привлечения археологических данных к изучению истории эпох, близких к нашему времени [Bochinskii, Dobroliubskii 1988, 82]. Не в последнюю очередь такое положение сложилось и из-за отсутствия ряда археологических источников по данной проблематике (А.С.). Не случайно, а поэтому и негласно признано в нашей науке, ограничение «верхнего» хронологического предела археологии XIV веком [Bochinskii, Dobroliubskii 1990, 208]. В процессе археологических исследований в Буджаке, все – же встречаются невыразительные остатки ногайских временных жилищ и хозяйственно бытовых комплексов, иногда устроенных на курганных насыпях (Светлый – Алексеевка, курган 3; Чумай 2015, курган 1). Иногда руины жилищ фиксируются в виде нижней части разрушенных глинобитных домов-остатки утопанных глиняных платформ пола. Сохраняются хозяйственные ямы с культурными остатками в виде костей животных (КРС, МРС), реже керамики и отдельных использованных орудий жизнедеятельности.

Памятники поздних кочевников изучаемой эпохи археологически становятся известны с 60-х годов XX столетия. К ним можно отнести грунтовые могильники рядом с курганами у с. Нерушай, Мирное, Дракуля, Новоселица, Кочковатое [Dobroliubskii 1986], и недавно открытый ногайский могильник в кургане 2 у с. Молога [Maliukevich, Agul'nikov 2011, 278] и, вероятно, ряд впускных позднесредневековых погребений в различных курганах степной зоны Северо-Западного Причерноморья. Ряд могильников был выявлен и

на территории, примыкающей к бассейну реки Ялпуг – Комрат-I, Гайдар, Казаклия, Балабан [Aguľnikov 2015, 133-141]. Исследованные вышеречисленные могильники насчитывали от 10 до 150 захоронений в каждом из них. Погребенные уложены в вытянутом на спине положении, головами на запад с незначительными отклонениями, лица погребенных часто повернуты к югу (в сторону Мекки-Кыблы). Погребальные камеры имеют прямоугольную, вытянутую овальную формы, с небольшими подбоями, иногда отделенными от входа камнями или деревом, встречаются также деревянные перекрытия в виде тонких поперечных плах. В отдельных случаях в процессе раскопок фиксируются остатки гробовища, погребальных носилок, широко используемых при захоронениях в мусульманском мире (Молога, курган 2) [Maliukevich, Aguľnikov 2011, 278-284], тлен от одежды либо погребальных покрывал. Обертывание покойника в саван (кебин) считается мусульманским обычаем. Так во многих погребениях Моложского могильника на уступах и на дне погребальных камер имелись камни, расположенные у головы или ног и перекрывающие слой тлена под ними. Таким образом, саван был прижат к телу покойного, чтобы на него не просыпалась земля, как того требует ислам [Maliukevich, Gizer 2016, 323]. Рядом с могилами прослеживаются углубления небольшого диаметра от не сохранившихся к настоящему времени вкопанных шестов, обозначавших места захоронений. В Казаклийском ногайском могильнике отмечено 4 случая находок основания таких шестов на дне погребальных камер, диаметром от 0,05 до 0,07 м (5-7 см). Обычно, судя из практики захоронений у кочевых народов Центральной Азии, на этих шестах развешивали полоски материи, лошадиные головы и шкуры, находки которых также фиксируются рядом с могилами на кочевнических могильниках. Отмечается сохранение у ногайцев ряда пережитков до мусульманских верований, языческих культов, обрядов и представлений. Обычай вешать на жерди лошадиные головы, также, как и хоронить голову или целого коня вместе с покойником был распространен у подавляющего количества тюрко-монгольских народов. Инвентарь, как правило, малочисленный встре-

чается крайне редко. Он представлен небольшими бронзовыми подвесками, пуговицами, бусинами, пряжками, гвоздями от гробов, реже наконечниками стрел и дротиков (Молога курган 2) [Maliukevich, Gizer 2016, 319-322], а также предметы упряжи-бронзовые и костяные пряжки. Зачастую, в качестве погребального инвентаря в ногайские захоронения положены палеолитические и мезолитические кремни, фрагменты керамики предшествующих эпох – бронзы, античности, Римского времени (Молога, Никольское, Лиман). В Буджаке, от Днестра до Дуная, насчитывается около 500 подобных захоронений. Известны они и в курганах, примыкающих к левобережью Нижнего Днестра (Никольское, курганы 7-8, Aguľnikov, Savva 2004). Здесь следует отметить, что подобные могильники фиксируются в Северном Причерноморье и в Крыму. В некоторых случаях удается прояснить ситуацию. Так в могильнике у с Лиман было выявлено 33 захоронения интересующего нас периода с вышеописанными конструктивными особенностями. Это были сильно разрушенные коррозией турецкие монеты-акче. На одной из монет сохранились остатки обычной для акче формулы «Да возвеличится могущество (его)». Другая же монета принадлежала эмиссии султана Сулеймана I Кануни (1520-1566 гг.). Немаловажна находка серебряного денария императора Священной Римской империи Максимилиана II (1564-1576 гг.). Таким образом имеются, по крайней мере, две достаточно надежные даты периода существования ногайцев в Буджаке на протяжении XVI столетия (1520-1566; 1564-1576). Тем не менее, ясно, учитывая достаточную стертость обеих монет, они вряд ли могли сохранять свое значение в качестве денежных символов в погребальной практике и, вероятно, уже вышли к тому времени из финансового оборота [Dobroliubskii et al. 1988, 131-144]. Предлагаемая датировка ранее изученных ногайских могильников у сс. Лиман и Молога не ранее конца XVI-первая пол. XVII в. В ходе Русско-Турецкой войны 1806-1812 гг., буджакские татары в основном приняли сторону Османской империи. Российским властям удалось переселить лишь небольшую их часть (около 3900 человек) в Северное Причерноморье, в район реки Мо-

лочная (почти все они, после Бухарестского мира, в 1812 г. вернулись в Турцию). Большинство буджакских татар бежали в 1807 г. из Буджака от русских войск, и переселились за Дунай, в область Добруджа, в которой власть турок продлилась до 1878 года. В современной Добрудже (Румыния) их потомков, называемых дунайские татары, можно найти в небольшом количестве (около 25 тыс. чел.) и сейчас. Там они часто проживают вместе с румынскими турками (также около 25 тыс.) и составляют основу мусульманского населения страны. В 1812 г., по Бухарестскому миру, опустевшие земли Буджака были присоединены к России, их заняли в основном славянские и молдавские колонисты, а также православные гараузы, переселившиеся из Добруджи [Skal'kovskii 1843, 33-34].

Материальная культура ногайцев, как и других обитателей Северо-Причерноморских степей, в период после изгнания Золотой Орды к востоку от Днепра, археологически почти не изучена. Такое положение обусловлено в 1-ю очередь традиционными сомнениями в целесообразности привлечения археологических данных к изучению истории эпох, близких к нашему времени [Bachinskii, Dobroliubskii 1988, 82]. Поэтому данный вопрос нуждается в дополнительном исследовании с привлечением специалистов историков – медиевистов, этнологов, этнографов, а также использовании данных прикладных исследований в плане палеопочвенных, антропологических и остеологических анализов. Данная работа в определенной степени позволит заполнить этот пробел.

Описание палеоантропологического материала из ногайского могильника Казаклия (определение А.М. Варзарь)

Состояние материала. Палеоантропологический материал представлен из 39 погребений. Сохранность материала неоднозначна и варьирует от очень плохой (сильно фрагментированные кости) до хорошей (практически целые скелеты). Описание сохранности индивидуальных останков, их половозрастных характеристик и прочих особенностей дано в сопутствующей таблице 1.

Половозрастная структура. Особенностью половозрастной структуры является зна-

чительное количество детских погребений ($n = 14$) и количественное преобладание женских погребений ($n = 15$) над мужскими ($n = 9$) (см. рисунок 1). Создается впечатление, что мужчин в этой группе ногайцев хоронили отдельно, возможно, в старых курганных насыпях, в которых, как известно, чаще встречаются мужские погребения. Средняя продолжительность жизни погребенных – 27 лет.

Антропологический тип и физическое развитие. Шесть сохранившихся черепов характеризуются малыми и средними размерами со слабо или умеренно выраженным (с учетом половой принадлежности) рельефом. По соотношению диаметров черепа находятся в диапазоне мезо – брахикранных форм.

Антропологический тип можно квалифицировать как понтийский (восточноевропейский вариант средиземноморского типа по Бунаку, 1932) с азиатской (южносибирской) примесью. Последняя в большей степени присутствует на мужском черепе из погребения М31 (уплощенное лицо с сильным выступанием скул, округлые глазницы, неглубокие клыковые ямки, округлая форма черепа) (рисунок 2) и в меньшей мере – на мужском черепе из погребения М.24b (рисунок 3). Надежным маркером азиатской примеси служат лопатообразные по форме верхние резцы, наблюдаемые у большинства погребенных.

Длина костей конечностей (визуальная оценка) лежит в диапазоне небольших и средних величин, что позволяет говорить о небольшой или средней длине тела погребенных. За некоторым исключением (например, у женского скелета М1), костный рельеф на длинных костях с учетом половой принадлежности выражен слабо или умеренно.

Палеопатология. Обращает внимание патологическая кривизна с костным бугром на правой плечевой кости женского скелета М6b (рисунок 4) и на левой плечевой кости мужского скелета М38 (рисунок 5). У скелета М38 к тому же левая кость заметно короче правой. Возможно, это следы давних (перенесенных в детстве) переломов или воспалительных процессов.

На поясничных позвонках женских скелетов №1 и М35 заметны дегенеративные изменения костной ткани несовместимые с воз-

растом умерших: заостренный краевой гребень позвонков с умеренно выраженными остеофитами/наростами (рисунок 6) – признаки, указывающие на наличие у этих людей остеохондроза или других хронических дегенеративных заболеваний позвоночника.

Библиография

Aguln'kov 2015: S. Aguln'kov, Srednevekoveye kochevniki v Iugo-Zapade Budjaka. Materialy konferentsii „655 – letiiu Moldavskoi gosudarstvennosti posiashsaetsia“ (Komrat 2015), 133-141 // С. Агульников. Средневековые кочевники в Юго-Западном Буджаке. Материалы конференции «655 – летию Молдавской государственности посвящается (Комрат 2015), 133-141.

Aguln'kov, Savva 2004: S.M. Aguln'kov, E.N. Savva, Issledovaniia kurganov v Lnestrovskom Levoberezh'e. (Kishinev 2004) // С.М. Агульников, Е.Н. Сава, Исследования курганов в Днестровском Левобережье (Кишинев 2004).

Bachinskii, Dobroliubskii 1988: A.D. Bachinskii, A.O. Dobroliubskii, Budjakskaia Orda v XVI-XVII vv. (istoriko-arkheologicheskii ocherk). In: Sotsial'no-ekonomicheskaiiaistoriia Moldavii perioda feodalizma (Kishinev 1988), 82-94 // А.Д. Бачинский, А.О. Добролюбский, Буджакская Орда в XVI-XVII вв. (историко-археологический очерк). В: Социально-экономическая история Молдавии периода феодализма (Кишинев 1988), 82-94.

Bachinskii, Dobroliubskii 1990: A.D. Bachinskii, A.O. Dobroliubskii, Konets Budjaskoi ordy. In: (V.L. Ianin ot. red.) Numizmaticheskie issledovaniia po istorii Iugo-Vostochnoi Evropy (Kishinev 1990), 208-222 // А.Д. Бачинский, А.О. Добролюбский, Конец Буджакской орды. В: (В.Л. Янин отв. ред.) Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы (Кишинев 1990), 208-222.

Dobroliubskii 1986: A.O. Dobroliubskii, Kochevniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia v epokhu srednevekov'ia. (Kiev 1986) // А.О. Добролюбский, Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. (Киев 1986).

Dobroliubskii et al. 1988: A.O. Dobroliubskii, L.V. Subbotin, S.P. Segeda, Pogrebal'nye pamiatniki Budzhaskoi ordy. In: (P.P. Byrnia ot.red.) Srednevekoveye pamiatniki Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia (Kishinev 1988), 131-144 // А.О. Добролюбский, Л. В. Субботин, С.П. Сегеда, Погребальные памятники Буджакской орды. В: (П.П. Бырня отв. ред.) Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья (Кишинев 1988), 131-144.

Maliukevich, Agul'nikov 2011: A.E. Maliukevich, S.M. Agul'nikov, Nogaiskii mogil'nik v kurgane №2 u s. Mologa na Nizhnem Dnestre. Drevnee Prichernomor'e IX, 2011, 278-284 // А.Е. Малиюкевич, С.М. Агульников, Ногайский могильник в кургане №2 у с. Молога на Нижнем Днестре. Древнее Причерноморье IX, 2011, 278-284.

Maliukevich, Gizer 2016: A.E. Maliukevich, S.N. Gizer, Domusul'manskii cherty v pogrebal'nom obriade nogaiskogo mogil'nika u s. Mologa. Drevnee Prichernomor'e XI, 2016, 319-328 // А.Е. Малиюкевич, С.Н. Гизер, Домусульманские черты в погребальном обряде ногайского могильника у с.Молога // Древнее Причерноморье XI, 2016, 319-328.

Skal'kovskii 1843: A. Skal'kovskii, O nogaiskikh tatarakh, zhivushshikh v Tavricheskoi gubernii. Zhurnal Ministerstva narodnogo obrazovaniia (Sankt-Petersburg 1843), 10-34 // А. Скальковский, О ногайских татарах, живущих в Таврической губернии. Журнал Министерства народного образования (Санкт-Петербург 1843), 10-34.

Skal'kovskii 1846: A. Skal'kovskii, Istoricheskoe vvedenie v statisticheskoe opisanie Bessarabskoi oblasti. Zhurnal Ministerstva narodnogo obrazovaniia (Sankt-Petersburg 1846), 183-186 // А. Скальковский, Историческое введение в статистическое описание Бессарабской области// Журнал Министерства народного образования (Санкт-Петербург 1846), 183-186.

Сергей Агульников, старший специалист, Национальное Агентство Археологии, Министерство Образования, Культуры и Исследований, MD-2015, ул. Эминеску 50, г. Кишинев, Республика Молдова, e-mail: agulnikov-budjak@mail.ru

Виталий Железный, г. Кишинев, Республика Молдова, e-mail: jelezni_vitalii@mail.ru

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVII _ nr. 1

Revistă indexată în bazele de date
SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2021

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Responsabil de volum/responsible for volume: dr. **Ghenadie Sîrbu**

Secretar de redacție/editorial secretary: **Livia Sîrbu**

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Ștefan cel Mare si Sfânt bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul double blind peer-review
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели double blind peer-review
All the papers to be published will be reviewed by experts according the double blind peer-review model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Виталий Окатенко (<i>Харьков</i>), Сергей Скорый (<i>Киев</i>). Бронзовое блюдо с позолотой из Второго Караванского кургана раннескифской поры (Украинская Левобережная Лесостепь)	5
Татьяна Кузнецова (<i>Москва</i>). Античные традиции в генезисе зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка	17
Natalia Mateevici (<i>Chişinău</i>), Mihaela Iacob (<i>Bucureşti</i>), Dorel Paraschiv (<i>Tulcea</i>). Colecţia de ştampile de amfore greceşti din câteva situri getice din nord-estul Dobrogei	34
Nikolai Jefremow (<i>Greifswald</i>), Andrei Kolesnikov (<i>Moskau</i>), Elena Bolonkina (<i>Krim</i>). Neue Namen in den Keramikstempeln von Knidos in der Sammlung des Historisch-archäologischen Museums in Kerč (Krim)	41

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Сергей Рыжов , Валентина Шумова , Александр Дяченко (<i>Киев</i>). Исследования на поселении западнотрипольской культуры Колодистое II	46
Александр Могилов (<i>Киев</i>), Юрий Ляшко (<i>Каменка</i>), Сергей Руденко (<i>Чигирин</i>). Скифское всадническое погребение в бассейне р. Тясмин	59
Сергей Агульников , Виталий Железный (<i>Кишинев</i>). Могилиник ногайской культуры у с. Казаклия	81
Vasile Paul Scrobotă (<i>Aiud</i>), Elena Gherman (<i>Iaşi</i>). Cercetări de supraveghere arheologică la obiectivul colegiul „Bethlen Gabor” din municipiul Aiud, jud. Alba. Campania 2012	99

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Mariana Gugeanu , Maria Geba (<i>Iaşi</i>). Investigaţii non-invazive aplicate textilelor arheologice de la Mănăstirea Căpriană	113
--	-----

RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Stanislav Țerna , Mariana Vasilache , <i>Figurinele antropomorfe din etapa Cucuteni A din interfluviul pruto-nistean: (în baza colecţiilor Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei)</i> Biblioteca Tyragetia, 31. Chişinău 2019, 264 pagini şi 63 planşe. ISBN 978-9975-87-562-2 (Илья Палагута, Санкт-Петербург)	120
---	-----

IN HONOREM

К юбилею археолога Анатолия Федоровича Гуцала (Александр Могилов, Виталий Гуцал, Киев)	125
--	-----

Doctorul habilitat EUGEN SAVA la 65 ani (Mariana Sîrbu, <i>Chişinău</i>)	128
---	-----

IN MEMORIAM

In memoriam colegului şi prietenului Oleg Leviţki (Alexandru Furtună, <i>Chişinău</i>)	133
---	-----

In memoriam Olga Larina (15.11.1952 – 01.2021) (Sergiu Bodean, <i>Chişinău</i>)	134
--	-----

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION	137
---	-----

INFORMAȚII ŞI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE	138
--	-----

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE	139
--	-----

Vasile Paul Scrobotă, Elena Gherman

Cercetări de supraveghere arheologică la obiectivul colegiul „Bethlen Gabor” din municipiul Aiud, jud. Alba. Campania 2012

Keywords: „Bethlen Gabor” College from Aiud, archaeological surveillance, Late Middle Age, Modern Age, wall structures.

Cuvinte cheie: Colegiul „Bethlen Gabor” Aiud, supraveghere arheologică, ev mediu târziu, epoca modernă, structuri de zid.

Ключевые слова: «Бетен Габор» колледж из Аюд, охранные раскопки, позднее средневековье, новейшее время, стеновые конструкции.

Vasile Paul Scrobotă, Elena Gherman

Archaeological surveillance research at the objective of the „Bethlen Gabor” college in Aiud, Alba county. Campania 2012

Among the historical buildings from Aiud, Alba county, included on the Romanian cultural heritage list, there are a group of buildings that form the „Bethlen Gabor” College. The high education institution was established in 1622 in Alba Iulia. In 1662 it was relocated in Aiud. The four buildings that form the College today were built between 1720-1887. The conservation works and the restoration programme included archaeological surveillance. The archaeological excavation during 2012 resulted in astounding and complex wall structures finds, as well as other archaeological finds dated late Middle Age and Modern Age. Among the discoveries there were: foundation walls, two cellars and a floor arrangement from a building dated before the middle of the 17th century. There were revealed portions of foundations of a set of buildings arranged in a square shape. They were built between 1720-1743. The buildings were provided with cellar on the southern section and a tower placed on the middle of the western section. There were also revealed sections of a sewer system made up of brick vaulted structures. A number of four complexes have been identified: 3 household pits belonging to the urban housing contemporaneous to the building dated before the middle of the 17th century and a lime pit associated to the construction period of the latest buildings of the College. The archaeological finds were chronologically framed between 16th-19th centuries.

Vasile Paul Scrobotă, Elena Gherman

Cercetări de supraveghere arheologică la obiectivul colegiul „Bethlen Gabor” din municipiul Aiud, jud. Alba. Campania 2012

Printre edificiile incluse în categoria monumentelor istorice din Aiud, jud. Alba, se numără și ansamblul de clădiri aparținătoare Colegiului „Bethlen Gabor”. Înființată la Alba Iulia, în anul 1622, instituția de învățământ a fost transferată la Aiud în anul 1662. Cele patru corpuri de clădire în care funcționează actualmente au fost construite între anii 1720-1887. Lucrările de reabilitare structurală și reparații capitale ale acestora au necesitat supraveghere arheologică. Campania desfășurată în anul 2012 a avut ca rezultat descoperirea unor structuri de zid, complexe și materiale arheologice datate în perioada evului mediu târziu și în epoca modernă. Astfel, au fost descoperite ziduri de fundație, două pivnițe și o amenajare cu rol de pardoseală dintr-o clădire anterioară mijlocului de secol XVII. S-au dezvelit porțiuni din fundațiile părții dispărute ale unui corp de clădiri dispuse în formă de careu, construite între anii 1720-1743, prevăzute cu o pivniță pe tronsonul sudic și un turn amplasat la mijlocul tronsonului vestic. Au mai fost descoperite porțiuni ale unui sistem de canalizare alcătuit din structuri boltite din cărămidă. Au fost identificate și un număr de patru complexe: trei gropi menajere aparținând orizontului de locuire contemporan clădirii anterioare mijlocului de secol XVII și o groapă de var asociată construcției ultimelor corpuri de clădire aparținătoare Colegiului. Materialele arheologice descoperite au fost încadrate cronologic între secolele XVI-XIX.

Василе Паул Скоботэ, Елена Герман

Охранные археологические исследования на объекте колледжа «Бетлен Габор» в Айуде, графство Альба. Кампания 2012

Среди исторических зданий в Айуде, жудец Альба, включенных в список румынского культурного наследия, есть группа зданий, которые образуют колледж «Бетлен Габор». Высшее учебное заведение было основано в 1622 году в Альба-Юлии. В 1662 году он был переведен в Айуд. Четыре здания, из которых сегодня состоит колледж, были построены между 1720 и 1887 годами. Работы по консервации и реставрации включали археологическое наблюдение. Археологические раскопки в 2012 году привели к открытию стен от конструкций, а также к другим археологическим открытиям, относящимся к позднему средневековью и новейшему времени. Среди открытий: фундаментные стены, два погреба и этажное устройство здания, датируемого до середины XVII века. Выявлены участки фундамента некоторых зданий квадратной формы, построенных между 1720 и 1743. Здания имели подвал в южной части и башня в середине западной части. Также были открыты участки канализационной системы, состоящей из кирпичных сводчатых конструкций. Наряду с этим было выделено четыре комплекса: 3 хозяйственные ямы, принадлежавшие современным городским жилищам, со зданием, датируемым до середины XVII века, и известняковая яма, относящаяся к периоду строительства последних зданий колледжа. Археологические открытия были построены в хронологическом порядке между XVI и XIX веками.

Introducere

Orașul Aiud, jud. Alba, este atestat documentar în anul 1293 [DIR, C 1952, 400-440; Lupaș-Vlasia 1945, 72-73]. De-a lungul timpului a aparținut, ca domeniu de danie, principilor transilvăni. Elementul arhitectonic principal îl constituie complexul cunoscut sub numele de „Cetatea Aiudului”, în fapt o biserică fortificată, zidul de incintă cu turnurile aferente, clădiri ecleziastice și Palatul Prințiar, cunoscut și sub numele de „Castelul Bethlen”, adosat Turnului Porții.

În imediata vecinătate se află Colegiul Național „Bethlen Gabor” (fig. 1). Reprezintă una dintre cele mai vechi instituții de învățământ superior din Transilvania. Inițial colegiul a funcționat la Alba Iulia, înființat din inițiativa principelui Gabriel Bethlen (1613-1629). În anul 1662, după invazia turco-tătără din 1658, principele Mihail Apafi (1661-1690) ia decizia de a muta colegiul la Aiud [Hegyi 1903, 14]. Pentru început s-a folosit ca sediu Castelul Bethlen, o soluție tranzitorie, pentru că în anii următori se cumpără niște case aflate în fața bisericii, evident cu terenurile aferente, care vor constitui perimetrul actual al colegiului.

Primele clădiri care au fost construite pe acele terenuri datează din perioada de după anul 1662. Intemperiiile vremii și-au pus amprenta și asupra orașului Aiud și implicit a colegiului, care a suferit mai multe distrugereri, respectiv în anii: 1704, 1707 și 1848-1849. Din acest motiv avem informații că o parte din clădiri au fost distruse, ridicate altele și distruse la rândul lor. Ceea ce vedem astăzi ca obiective arhitecturale sunt patru corpuri de clădire, despre care știm că au fost construite cronologic după cum urmează:

1. Între anii 1720-1743 [Kapitány-Horvát 2016, 37], clădirea mare de formă dreptunghiulară, cu curte interioară, din care astăzi se păstrează partea de nord a aripii vestice, numită de proiectant C3.

2. Între anii 1775-1777 [Kapitány-Horvát 2016, 39] este ridicată clădirea numită conform tradiției „Castelul Bufnițelor”, situată în partea de vest a complexului, numită de proiectant C4.

3. Construcția, numită în proiect C2, a fost începută în anul 1826-1836 [Kapitány-Horvát

Fig. 1. Colegiul „Bethlen Gabor”, Aiud.

Fig. 1. College „Bethlen Gabor”, Aiud.

2016, 43]. Se află în partea sudică a complexului actual. Distrusă în anii 1848-1849, a fost refăcută după anul 1850 în două etape: mai întâi partea vestică și, ulterior partea estică, până la actuala stradă Bethlen Gábor;

4. Între anii 1884-1887 [Kapitány-Horvát 2016, 50] a fost construită clădirea estică numită C1, perpendiculară ca poziție pe latura nordică a cetății. Tot acum se renovează și C2, dându-i-se un aspect asemănător cu C1.

În perioada 6 august – 4 decembrie 2012 au fost efectuate cercetări de supraveghere arheologică a unor lucrări ce necesită intervenții în subsol din cadrul *Proiectului de reabilitare structurală și reparații capitale la Colegiul Național „Bethlen Gabor” din Aiud, jud. Alba – alimentare cu apă,*

Fig. 2. Colegiul „Bethlen Gabor”, 1858 (după Maszák 1858, 161).

Fig. 2. College „Bethlen Gabor”, 1858 (after Maszák 1858, 161).

canalizare, instalații gaze naturale, rețea electrică, canalizare pluvială, sistematizare verticală, reparații capitale trotuare.

Rezultatele cercetării

Conform proiectului de restaurare s-a intervenit la cele patru clădiri cu statut de monument istoric aflate în stare de funcționare, respectiv C1, C2, C3 și C4.

Așa cum am prezentat în rândurile anterioare, clădirea numită Corp C3 (considerată ca fiind și cea mai veche clădire a ansamblului, păstrată în picioare, deși această afirmație o considerăm deocamdată doar o ipoteză de lucru) a fost primul obiectiv cu care s-au început lucrările de restaurare. Trebuie să facem precizarea că C3 reprezintă colțul nord-vestic al unui complex de clădiri de formă dreptunghiulară, distrus în anul 1848-1849 (fig. 2). În urma refacerii de după anul 1850 se păstrează aripa vestică, reprezentând de fapt trei camere, și i se adaugă un hol și casa scârilor spre est, lucru observat inițial în momentul decapării parțiale a paramentului. Clădirea a necesitat subzidiri și în acest sens s-au trasat patru secțiuni (fig. 3):

- S1 în colțul sud-estic al primei încăperi, dimensiuni 3,70 m x 1 m,
- S2, pe latura de est a clădirii, la exterior, de

la 1 m spre sud față de extinderea spre est a clădirii, dimensiuni 11 m x 1 m,

- S3, paralelă cu S2 dar realizată în interior, în partea estică a holului, dimensiuni 9 m x 1,10 m,

- S4, pe zidul sudic al Corp C3, dimensiuni 11,5 m x 1 m.

Toate secțiunile au fost executate manual.

Pe laturile de nord și vest, pe exterior, au fost executate lucrări de drenaj.

În partea de est a secțiunii S1 s-a constatat o structură realizată din cărămidă, corespondentul a patru asize. Nașterea acestui soclu, pe care-l putem considera cenușarul unei sobe (fig. 4) pornește de sub decroșul zidului sudic și se prelungește înspre nord, depășind latura nordică a secțiunii, implicit golul inițial al ușii. Aceste repere ne îndreptățesc să considerăm că această sobă a fost amenajată înainte de practicarea în zid a golului de ușă și că aparține primei faze de construcție a corpului C3.

În S4 s-a găsit traseul unui pavaj (Pavaj 1) (fig. 5) realizat din piatră de râu care pornește de la zidul sudic al Corp C3, la -0,30 m f.n.c.a. (față de nivelul de călcare actual), surprins și în S2 dar și în alte zone ale curții interioare.

De asemenea în S4 s-a observat în fundație adosarea aripii estice (respectiv holul și casa scârilor) la zidul vechi, aceasta fiind și una din cauzele care a

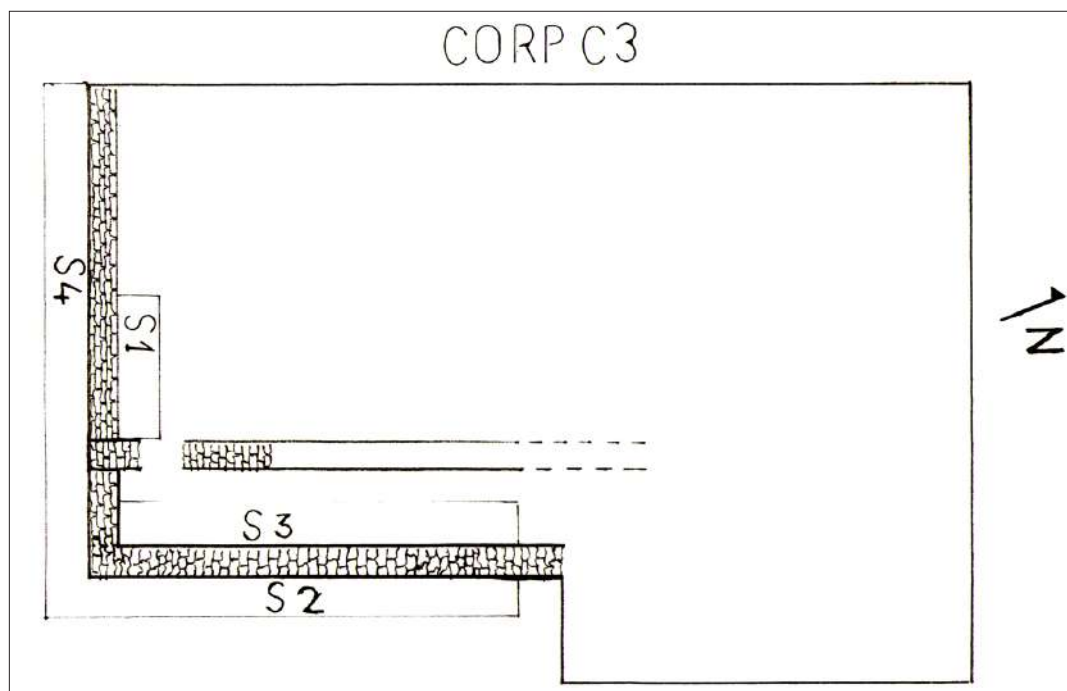

Fig. 3. Situația secțiunilor arheologice efectuate la Building C3, scara 1:100.

Fig. 3. The archaeological sections carried at the Corp C3. Scale 1:100.

Fig. 4. Cenușar, S1.

Fig. 4. Ashtray, S1.

Fig. 5. Pavaj 1, S4.

Fig. 5. Pavement 1, S4.

dus la apariția fisurilor din partea de sud-est a clădirii.

În general fundația Corpului C3 este realizată din blocuri de piatră prinse cu mortar. Pe partea estică s-au găsit în fundație și blocuri de piatră fasonată, dovadă a faptului că au fost refolosite, provenite de la corpurile de clădire mai vechi, dezafectate. Fundația este realizată după principiul clasic, în sensul că, pe o înălțime de 1,80 m avem fundație turnată după care urmează decroșul și fundația zidită pe o înălțime de 0,60 m. Fundația zidurilor adăugate diferă ca mod de execuție, având un aspect mai puțin îngrijit la interior. De asemenea, actualul zid estic al C3 prezintă în fundație structuri paralelipipedice care ar putea fi bazele coloanelor unui vechi pridvor al clădirii (fig. 6).

Stratigrafic s-au surprins cele două faze de construcție ale Corpului C3, respectiv a aripii vestice și adosarea aripii estice. De menționat faptul că de la adâncimea aproximativă de – 1,80 m f.n.c.a. apare în toate secțiunile un strat de pământ lutos, foarte umed, amestecat cu multe resturi de oase de animale, lemn, fragmente ceramice de vase și cahle databile în sec. XVI-XVII și urme de arsură (bucăți de cărbune). Putem emite ipoteza unei gropi menajere (Groapa 1) aparținând grupului de clădiri anterioare mijlocului de sec. XVII, care au existat înaintea construirii clădirilor colegiului.

Stratigrafia profilului nordic al Secțiunii I (fig. 7) este următoarea: nivel de umplutură din pământ, moloz, fragmente cărămidă, lut galben ce suprapun structura de cărămidă, un strat de nivelare din lut galben, un nivel de locuire cu pământ cenușiu negricios afânat, oase de animale, ceramică, mortar, fragmente de cărămidă apoi nivelul de pământ umed, lutos, cu resturi de oase de animale și fragmente ceramice. Profilul nordic al Secțiunii II (fig. 8) prezintă în general aceeași structură.

În curtea interioară a actualului colegiu au fost urmărite traseele șanțurilor săpate pentru introducerea rețelei de canalizare, fiind marcate obiectivele de interes istoric. Astfel au fost surprinse mai multe astfel de structuri: o structură de zid numită Z1, o succesiune de bolți din cărămidă notate cu Bolta 1-5, locuința L1, groapa menajeră numerotată Groapa 2,

Fig. 6. Bazele coloanelor unui vechi pridvor al clădirii C3.

Fig. 6. The bases of the columns of an old veranda of the C3 building.

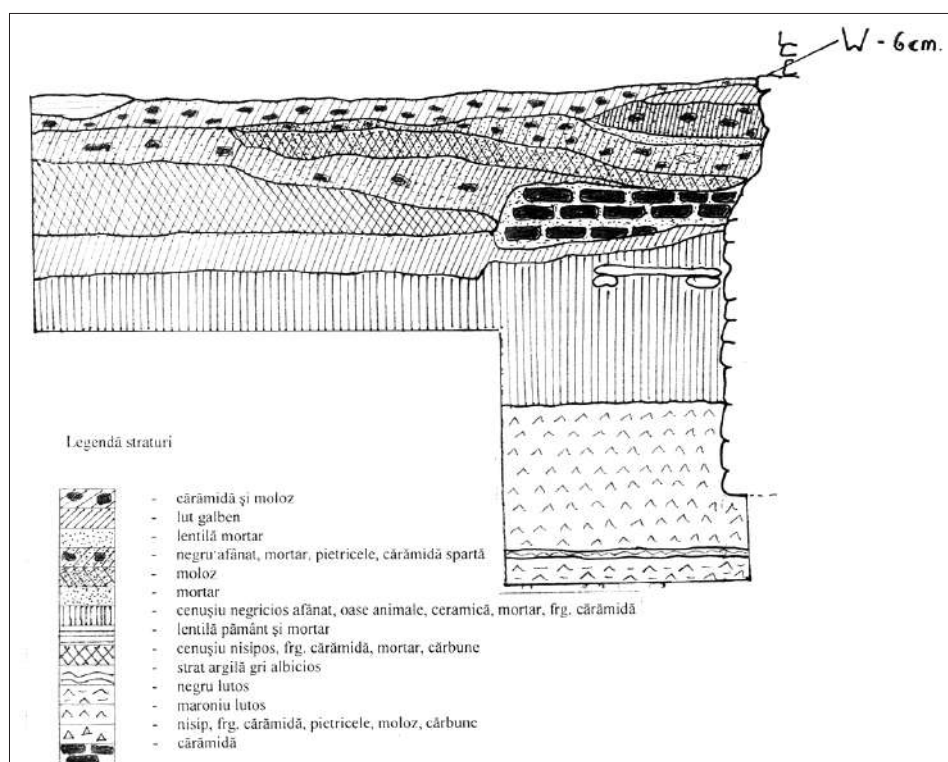

Fig. 7. Corp C3, S1, profil nordic, scara 1:20.

Fig. 7. Building C3, S1, north profile. Scale 1:20.

fundații ale părții demolate a Corpului C3, un pavaj (Pavaj 2) anterior Pavajului 1, gropi ale stâlpilor de susținere a schelei folosite la construirea Corpului C2, o groapă de var (Groapa 3) aparținând șantierului de construcție a Corpului C2. În curtea din fața cantinei au fost surprinse structurile de zid notate cu Z18 și Z19. Pe platoul dintre corp C4 și sala de sport au fost surprinse zidurile notate cu Z20,

Z21 și Z22. În exteriorul incintei colegiului a fost surprinsă o groapă numită Groapa 4.

Structura de zid Z1 (fig. 9), dezvelită pe o lățime de 0,34 m, având pe traseul est - vest lungimea de 1,90 m iar pe nord - sud 0,20 m, se află la 8,30 m spre est din peretele estic al Clădirii Laboratoarelor și la 15,70 m din colțul de sud - est al intrării Sălii de sport. Zidul este alcătuit din piatră de râu

și de carieră, bucăți de cărămidă, prinse cu mortar. Nu a fost surprinsă talpa fundației. Deasupra structurii de zid a fost găsită o pipă de lut din sec. XIX. Pentru a nu fi afectat zidul s-a propus deplasarea spre sud a amplasamentului căminului de apă ce era prevăzut pe traseul respectivului zid. Înspre est, zidul a fost afectat de o rețea electrică introdusă anterior.

Putem presupune că Z1 este parte componentă a clădirii care apare în gravura din

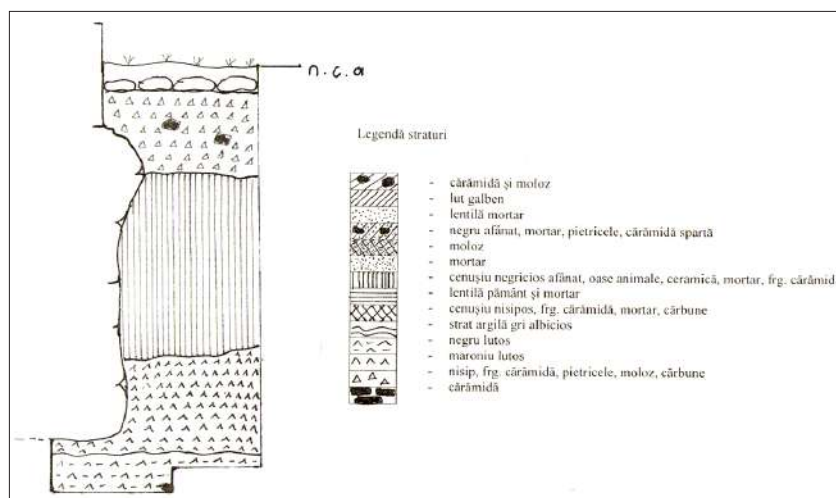

Fig. 8. Corp C3, S2, profil nordic, scara 1:20.

Fig. 8. Building C3, section S2, north profile. Scale 1:20.

anul 1859 în partea sud-vestică a complexului, la est de Clădirea Laborator.

Fig. 9. Structura de zid Z1.

Fig. 9. Wall structure Z1.

Fig. 10. Bolta 1.

Fig. 10. Vault no. 1.

Fig. 11. Bolta 2.

Fig. 11. Vault no. 2.

Structurile boltite B1 – 5 au fost surprinse în tronsonul pentru canalizare practicat pe direcția est – vest, între Clădire Laboratoare și Corp C1.

Colțul de nord – vest al **Bolții 1** (fig. 10) se află la 20,20 m spre est din peretele estic al Clădirii Laborator și 18,20 m din colțul de nord – est al gangului Corpului C2 spre nord. Orientarea bolții este SV – NE. Este construită din cărămidă prinsă cu mortar iar zidul de susținere a bolții, surprins pe o înălțime de 0,50 m și o lungime de 3,30 m, este alcătuit din piatră de râu prinsă cu mortar. Partea superioară a extradosului bolții se află la – 0,40 m f.n.c.a(față de nivelul de călcare actual) iar în adâncime s-a atins cota de – 1,50 m f.n.c.a., fără a se fi surprins baza zidului de susținere. Pentru protejarea structurii boltite s-a recomandat devierea spre nord a traseului tronsonului de canalizare. Înspre est, Bolta 1 a fost afectată de un cămin de vizitare construit anterior. De asemenea bolta mai este străpunsă de o conductă din metal, aceeași conductă afectând și Bolta 2.

Pe direcție perpendiculară cu orientarea Bolții 1, dinspre sud, a fost surprinsă **Bolta 2** (fig. 11). Aceasta se află la 25,65 m spre est din peretele de est al Clădirii Laborator și 4 m spre sud din colțul de sud – vest al Corpului C4. Bolta este zidită din cărămizi dispuse oblic iar zidurile de susținere sunt realizate din același tip de cărămidă, aranjată pe asize regulate (fig. 12). Legătura dintre Bolta 1 și Bolta 2 a fost afectată de căminul de vizitare amintit mai sus. S-a observat că Bolta 2 se continuă spre sud dar din motive de securitate nu s-a încercat pătrunderea în interior.

Bolta 3 (fig. 13) a fost surprinsă la est de Bolta 1, având aproximativ aceeași orientare. Se află la 5,80 m spre est și 3,60 m spre sud față de colțul sud – estic al Corp C4. A fost surprinsă pe o lungime de 1,5 m. Distanța dintre exteriorul zidului vestic de susținere și mijlocul părții superioare a extradosului este de 0,84 m. Este zidită din cărămizi iar pe extrados se observă urme de tencuială.

Bolta 4 (fig. 14) a fost surprinsă la est de Bolta 3, la 16 m față de gangul de scurgere a apei pluviale practicat la baza zidului vestic al Corpului C1, având aceeași orientare și structură. Perpendicular pe direcția acesteia, lângă Corp C1, a fost surprinsă **Bolta 5**, având aceeași structură.

Având în vedere dimensiunile bolților (atât cât au putut fi surprinse) și faptul că nivelul la care

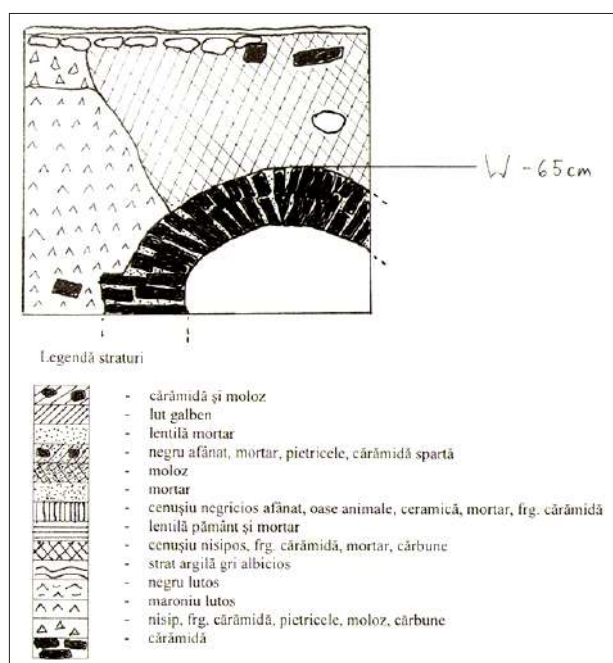

Fig. 12. Tronson 1 canalizare est-vest, Bolta 2, scara 1:20.

Fig. 12. Section 1, sewer east-west, Vault no. 2. Scale 1:20.

au fost surprinse coboară, pornind dinspre vest spre est, putem concluziona că este vorba despre un sistem de canalizare. În ceea ce privește orientarea structurilor boltite, putem concluziona că Bolta 1, Bolta 3 și Bolta 4 sunt părți ale aceleași structuri, Bolțile 2 și 5 fiind tronsoane laterale ale sistemului de canalizare amintit, sistem care probabil că subtraversează Corpul C1.

Groapa menajeră numită **Groapa 2** (fig. 15), aflată la 15 m vest față de gangul de scurgere a apei pluviale practicat la baza zidului vestic al Corpului C1 a cuprins pământ afănat, fragmente de cărbu-

Fig. 13. Bolta 3.

Fig. 13. Vault no. 3.

Fig. 14. Bolta 4.

Fig. 14. Vault no. 4.

ne, fragmente de cărămidă, fragmente de ceramică. Partea superioară a gropii se află la - 1,25 m f.n.c.a.

Groapa de var, numită **Groapa 3** (fig. 16), a fost surprinsă în tronsonul de canalizare est - vest practicat lângă trotuarul alipit de Corp C2, fiind vizibilă în profilul sudic al tronsonului. Straturile acestui profil sunt următoarele, pornind de sus: 1. asfalt actual (5-6 cm); 2. Pavajul 1 (8 cm); 3. strat construcție C2 (65 cm); 4. nivel locuire - pământ negru, oase de animale, ceramică, fragmente cărămidă, urme arsură (32 cm); 5. nivel construcție

Fig. 15. Groapa 2.

Fig. 15. Household pit no. 2.

Fig. 16. Groapa 3 (groapă var).

Fig. 16. Lime pit no. 3.

Fig. 17. Groapa 4.

Fig. 17. Household pit no. 4.

– moloz, pietriș, probabil nivelul de construcție al Corpului C3 (14 cm); 6. nivel locuire – pământ negru, fragmente cărbune, ceramică (16 cm); 7. strat prundiș, posibil o amenajare a unei căi de acces (30 cm); 8. pământ negru lutos, arsură, ceramică, oase animale (până la -195 cm f.n.c.a., adâncimea până la care a fost săpat tronsonul pentru canalizare). Traseul Gropii 3 începe la -0,80 m f.n.c.a., ea având o lățime de 2,50 m la partea superioară 0,90 m la partea inferioară. Groapa 3 taie straturile 3-7.

Groapa 4 (fig. 17) a fost surprinsă parțial la o distanță de doi metri est față de stâlpul sudic de intrare al porții de acces în curtea cantinei. Partea superioară a gropii se află la -1,40 m f.n.c.a. și a fost dezgolită până la adâncimea de -1,80 m f.n.c.a. Umplutura gropii constă din urme de arsură, zgură, fragmente de fier, fragmente ceramică.

În tronsonul practicat lângă trotuarul alipit de Corp C2, au fost surprinse **gropile stâlpilor de susținere a schelei de construcție a Corpului C2**. Aceste gropi conțineau resturi de lemn și erau căptușite cu piatră, având la partea superioară un strat gros de cărămizi sfărâmate.

Pavajul 2 a fost surprins la est de Corp C4, la 2,60 m spre est și 5 m spre sud față de colțul sud – estic al rezaliturii nordic, pe o lățime de 0,60 m și o lungime de 6,5 m. Pavajul, având o grosime de 0,20 m este alcătuit din piatră de râu așezată pe un pat de nisip.

Structurile de zid Z18 și Z19 surprinse în curtea din fața actualei cantine sunt probabil fundații ale laturilor de vest, respectiv est ale unei construcții al cărei nivel de construcție se află la -1,25 m f.n.c.a, suprapunând Groapa 4. Z18, având orientare nord-sud, a fost surprins la 12,90 m spre est față de colțul nord vestic al clădirii Kos și un metru spre nord față de zidul nordic al clădirii amintite. Are o grosime de 0,70 m și a fost dezvelit pe o distanță de 0,80 m. Ca și compoziție, Z18 este alcătuit din piatră de râu și de carieră și cărămidă. Pe fața vestică a Z18 a fost surprins, la -0,90 f.n.c.a. m, un strat de arsură cu o grosime de 0,20 m. Paralel cu Z18, pe traiectul actualei porți de intrare în curtea cantinei, a fost surprins Z19, având o grosime de 0,85 m.

Structura de zid Z20 a fost surprinsă la vest de colțul de sud-vest al Corp C4, având orientare est-vest. Este probabil fundația unui gard.

Structura de zid Z21, orientată est vest, a fost surprinsă la 29 m spre sud și patru spre vest față de colțul de nord-vest al corp C4. Este alcătuită din piatră de carieră și cărămidă.

La 16 m spre sud și cinci spre vest față de colțul nord-vestic al corp C4 a fost surprinsă structura de zid denumită **Z22**. Este alcătuită din piatră de carieră și are orientare nord-sud.

Locuința L1 a fost surprinsă în zona de intersecție a Corpului C1 cu Corp C2. Nu s-a putut identifica planul complet al locuinței ci doar un plan parțial, rezultat în urma structurilor apărute în traseele șanțurilor executate pentru rețeaua de canalizare din zona respectivă. Astfel, putem spune că, pe direcția est-vest, locuința are în componență două ziduri din piatră prinsă cu mortar, notate Z2 și Z17, ziduri care delimitează pivnițele P1 și P2, orientate nord-sud. Pe direcția nord-sud au fost surprinse zidurile Z3, Z4 și Z6, acestea fiind

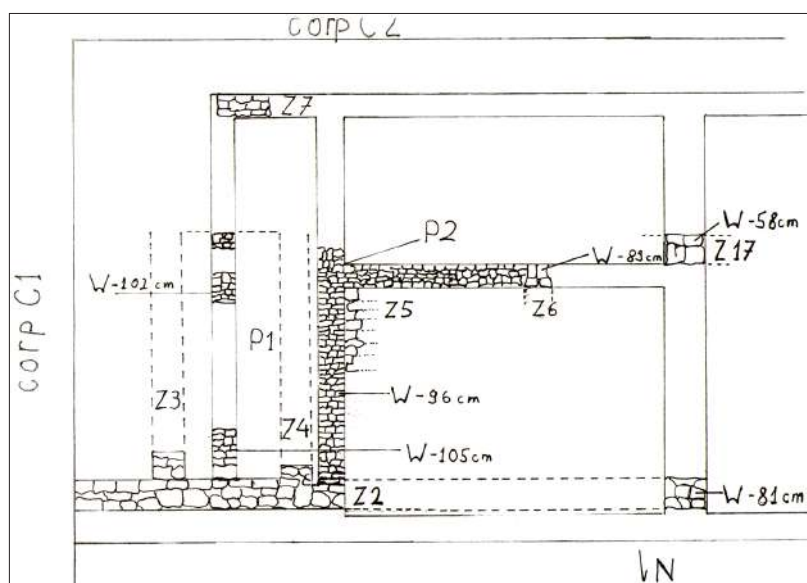

Fig. 18. Locuința L1, scara 1:75.

Fig. 18. House L1. Scale 1:75.

zidurile de susținere ale bolților celor două pivnițe, Z4 fiind zid despărțitor. Au mai fost identificate zidurile Z5, orientat est-vest, probabil o amenajare a intrării în P2 și Z7, orientat nord-sud, acesta neavând o legătură vizibilă cu L1 (fig. 18).

Grosimile zidurilor sunt următoarele: Z2, Z3, Z4, Z17 = 0,70-0,80 m; Z5 = 2,10 m; Z7 = 1,30 m. Distanța pe interior dintre Z2 și Z17, deci lungimea celor două pivnițe, este de 5,50 m. P1 are o lățime de 2,50 m iar P2 de 5,40 m. Ca și compoziție, zidu-

rile sunt din piatră de carieră și de râu, de dimensiuni mari și medii având ca liant mortarul. În general sunt ziduri solide, excepție făcând Z5, care are mai mult aspectul de aglomerare de piatră, cărămidă și mortar. Cele două pivnițe sunt construite din piatră de carieră zidită cu mortar. Sunt construcții îngrijite și uniforme cu aspect de soliditate. Pe interior sunt tencuite. Pivnița P2 (fig. 19) este relativ întreagă, fiind afectată într-o mică măsură de o rețea de electricitate mai veche. Spre deosebire de aceasta, P1 mai păstrează doar două porțiuni din boltă (fig. 20).

La vest de Z4 și sud de Z2, deasupra P2, a fost surprins un pavaj din cărămidă (Wg = -1 m) (fig. 21).

Fig. 19. Extradros P2.

Fig. 19. Extradited P2.

Fig. 20. Pivnița P1.

Fig. 20. Celler P1.

Fig. 21. Pardoseală cărămidă L1.

Fig. 21. Brick pavement L1.

Fig. 22. Amprentă vas ofrandă.

Fig. 22. Offering vessel imprint.

Fiind probabil o pardoseală interioară, este alcătuit din două asize de cărămidă prinse cu mortar. Ca dimensiuni, este vorba despre două tipuri: 24x12x4 cm și 30x15x5 cm, intercalate pe cele două asize. Această podea suprapune un strat de nivelare din lut galben (47 cm), urmat de un nivel de refacere, alcătuit din moloz (2 cm), un strat de arsură (15 cm), corespunzând probabil unei distrugerii a locuinței, nivelul de

construcție (3 cm) și un strat alcătuit din pământ cenușiu – maroniu nisipos, fragmente de ceramică, arsură, mortar (42 cm).

La marginea nordică a Z5 a fost surprinsă o nișă căptușită îngrijit cu mortar în care a fost introdus un vas de lut, probabil cu rol de ofrandă (fig. 22). Nu s-a putut păstra nici un fragment ceramic, vasul fiind foarte friabil.

Spre est, Z2 pornește de la baza Corpului C1, în dreptul gangului de scurgere al apei pluviale, iar înspre vest a fost surprins până la o lungime de 16 m.

Locuința L1 poate fi încadrată ca aparținând grupului de clădiri anterioare mijlocului sec. XVII, achiziționate înainte de construirea colegiului și dărâmate în momentul începerii construirii corpurilor aparținătoare acestuia.

Fundațiile părții demolate a Corpului C3 (fig. 23) ne oferă o imagine asupra extremității sudice a acesteia cât și a turnului ce apare în imaginea de epocă pe latura estică a părții vestice a construcției din care astăzi se mai păstrează Corpul C3, turn care este posibil să fi avut rol și de clopotniță. De asemenea, a fost surprinsă parțial partea de nord a careului din care făcea parte corpul C3.

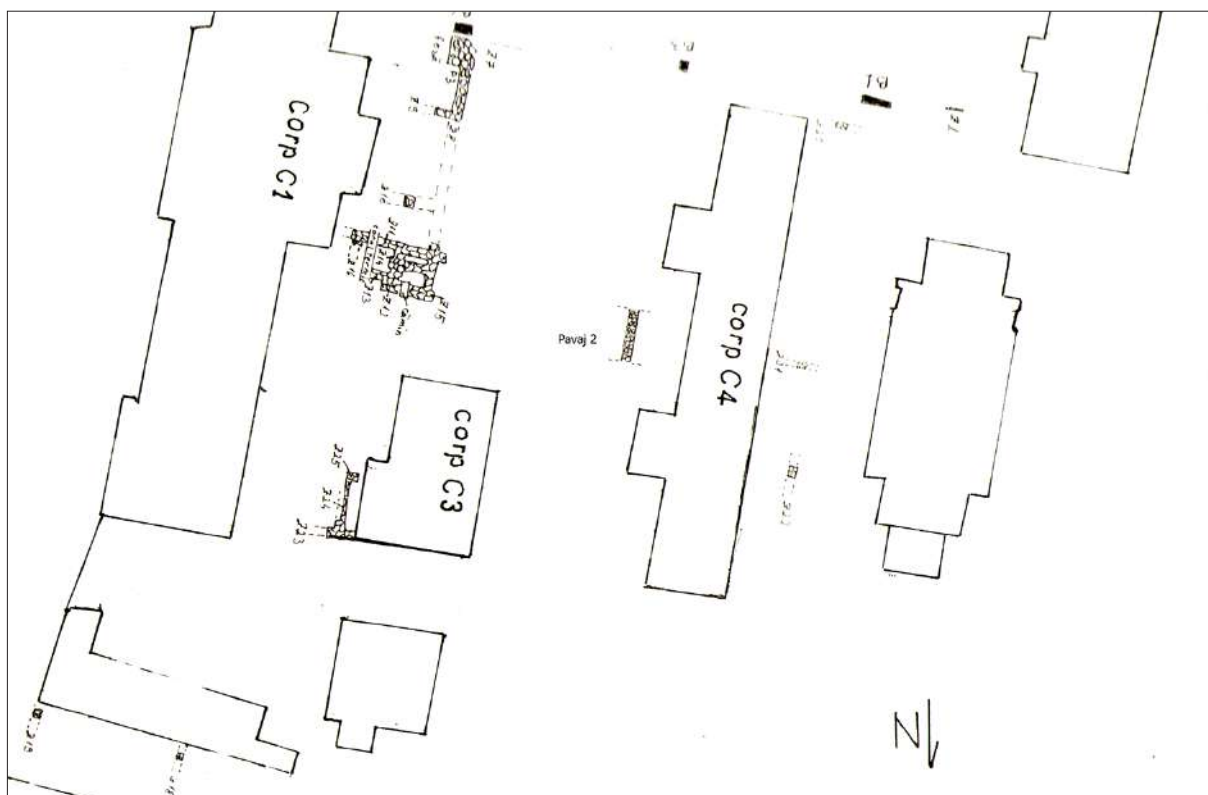

Fig. 23. Plan Fundații părți demolate Corp C 3, Z1, Z18-Z22, Bolțile B1,B3, B4, Pavaj 2, scara 1:500.

Fig. 23. Plan demolished foundations Building C3, Z1, Z18-22. Vaults B1, B3, B4. Paviment 2. Scale 1:500.

Fig. 24. Detaliu aripa sudică parte demolată Corp C3.

Fig. 24. Detail the south side of the demolished area; building C3.

Fig. 25. Dublura fundație Z7.

Fig. 25. Lining foundation Z7.

Fig. 26. Zidul Z7.

Fig. 26. Wall Z7.

Latura sudică a părții demolate a Corpului C3 (fig. 24) este dată de Z7, aflat la 18,5 m față de Corp C2 și având o grosime de 3,10 m. Surprins pe o lungime de 3 m, zidul se continuă spre vest, partea estică fiind întreruptă de o fosă septică anterioară actualelor amenajări utilitare. Paralel cu Z7, la o distanță de 5,35 m, se află Z9 (0,60 m grosime), între ele, pe direcția nord-sud aflându-se pivnița P3. Legătura dintre Z7 și Z9 este făcută de Z8 (0,60 m grosime). Acesta se află la o distanță de 11 m față de primul reza-lit al Corpului C1 și pornește de pe latura nordică a lui Z7, închide partea vestică a lui Z9 și se continuă spre nord. Partea sudică a Z7, pe o lungime de 1,20 m, are o înălțime diferită, fapt ce ne îndreptățește să credem că este vorba despre o dublare a fundației (fig. 25).

Ca și compoziție, Z7, Z8 și Z9 sunt zidite din bolovani de râu și piatră de carieră de dimensiuni medii și mari, Z7 având în compoziție și fragmente de cărămidă (fig. 26). Pivnița P3, din care se mai păstrează doar colțul de sud-vest, era zidită din piatră (fig. 27).

Deasupra lui Z7 au fost observate urme de arsură, provenite probabil de la o incendiere a clădirii.

Având în vedere faptul că Z9 se continuă înspre est, dincolo de corespondentul laturii estice a actualului Corp C3, tindem să credem că spațiul încadrat de Z7, Z8 și Z9 făcea parte din aripa sudică a careului în care era inclus C3, ansamblu construit între anii 1720-1743.

Spre nord de Z7 s-au identificat ceea ce ar putea reprezenta fundațiile unui turn (fig. 28). Tra-

Fig. 27. Pivnița P3.

Fig. 27. Celler P3.

Fig. 28. Turn (clopotniță).

Fig. 28. Bell tower.

seul **fundațiilor turnului** sunt date de intersecția zidurilor Z11, Z14, Z15, pe direcția est-vest, Z12 și, cu probabilitate, Z8, pe direcția nord-sud (fig. 29). Colțul de nord-vest al turnului se află la 10 m sud față de zidul sudic al corp C3 și 18 m vest față de zidul vestic al Corpului C1. Turnul are o formă rectangulară, având pe exterior dimensiunile de 5,50x4,65 m, cu latura lungă pe direcția nord-sud. Pe interior este compartimentat în două încăperi cu dimensiunile interioare de 3,30x0,80 m și 3,30x2 m. Z14 și Z15 se continuă la estul lui Z12 în forma unor baze de contraforți. De asemenea, Z11 se continuă atât la vest cât și la est, unde este intersectat de Z16, care este paralel cu Z8 și Z12. Paralel cu Z11 mai apare Z13, care probabil se intersectează la rândul lui cu Z16. Există

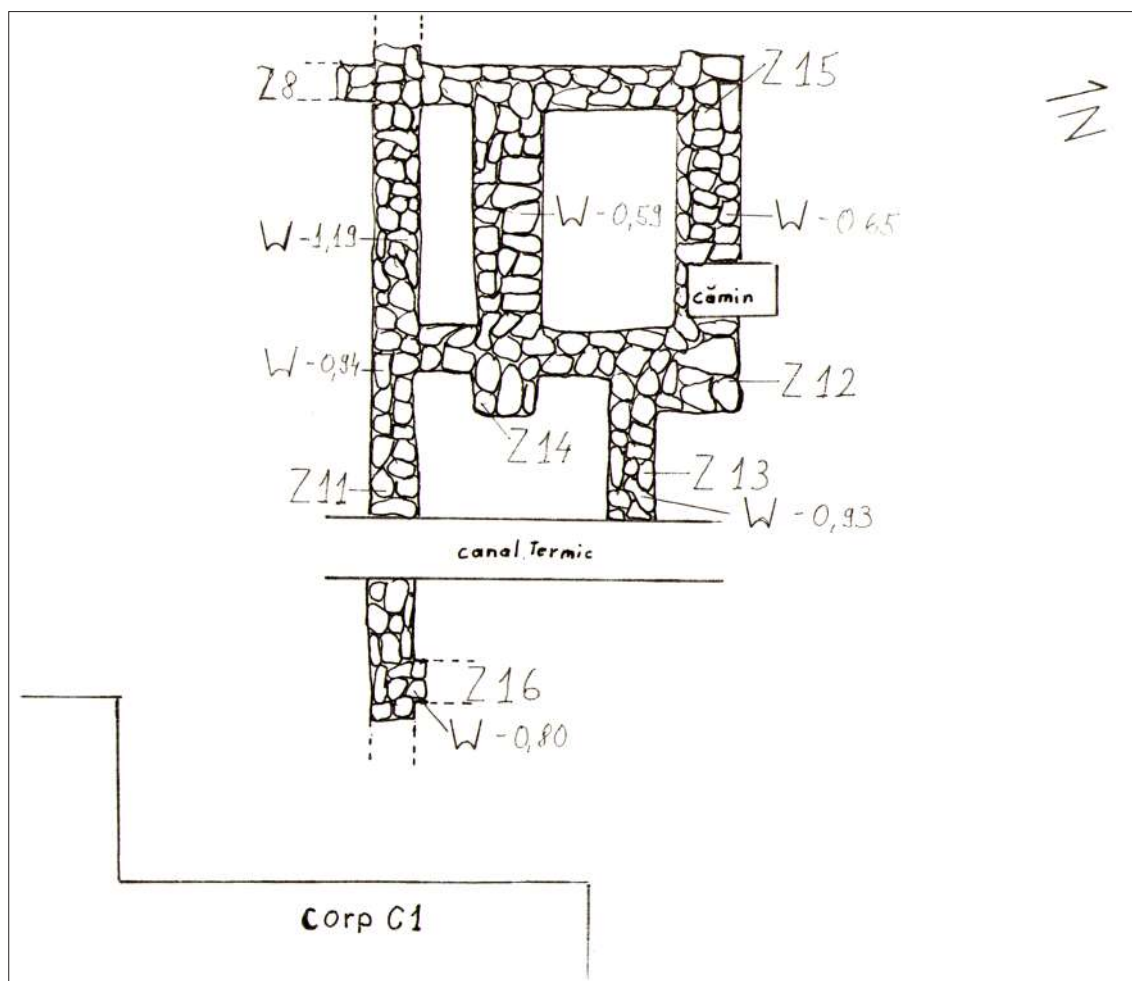

Fig. 29. Corp C3 parte demolată, detaliu turn, scara 1:75.

Fig. 29. Building no. C3, demolished area, detail tower. Scale 1:75.

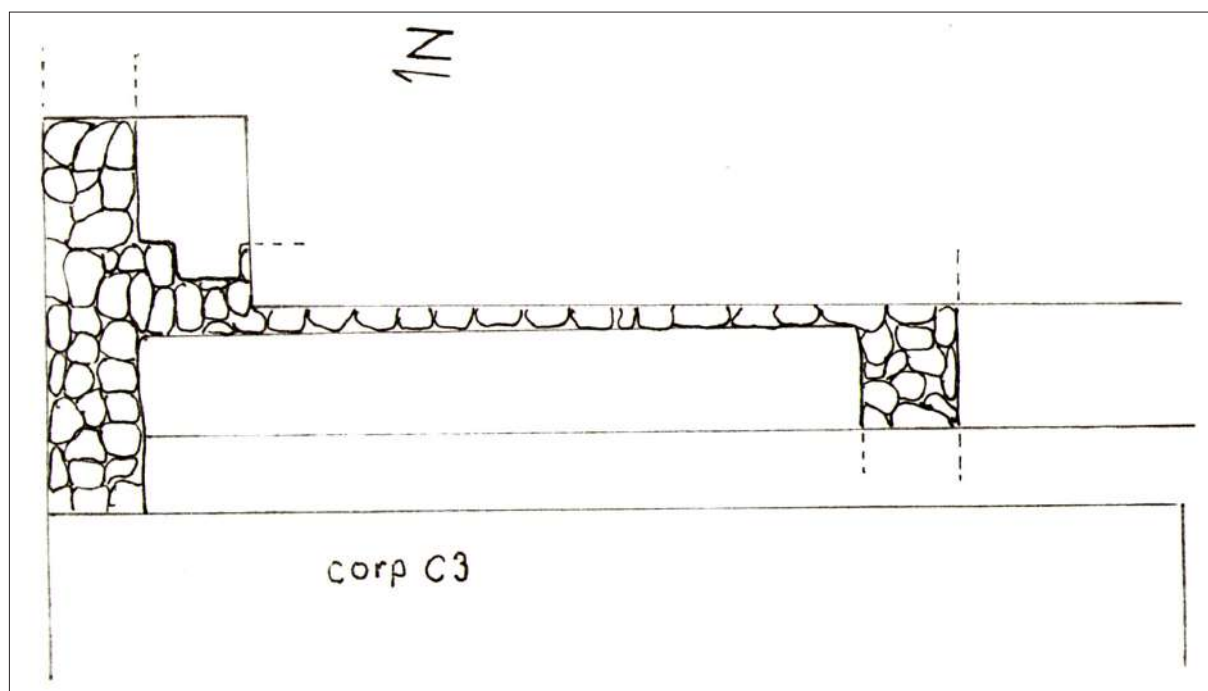

Fig. 30. Corp C3 parte demolată, detaliu tronson nordic, scara 1:50.

Fig. 30. Building no. C3, demolished area, detail northern area. Scale 1:50.

Fig. 31. Fragmente vase ceramice sec. XVI-XVII.

Fig. 31. Fragments of ceramic vessels, XVI-XVII centuries.

Fig. 32. Fragmente vase ceramice sec. XVII-XIX.

Fig. 32. Fragments of ceramic vessels, XVI-XVII centuries.

Fig. 33. Fragmente cahle sec XVI-XVII (1-3), fragment pipă lut sec. XIX (4).

Fig. 33. Fragments of tiles, XVI-XVII centuries (1-3), fragment clay pipe, XIX century (4).

și posibilitatea ca Z16 să reprezinte latura estică a turnului, acesta având atunci o lungime de 9,5 m. La fel, s-ar putea să fie vorba despre o altă construcție ale cărei fundații au fost parțial refolosite pentru ridicarea turnului, fapt ce nu se poate stabili cu

exactitate decât în urma unei cercetări exhaustive a ansamblului.

Înspre nord în prelungirea spre est a zidului nordic al corp C3 a fost surprins Z23 (grosime 0,80 m). Perpendicular pe acesta se află Z24, cu o lungime de 6,5 m până la intersecția cu Z25 (fig. 30). Cele trei structuri de zid din piatră de carieră și de râu sunt fundații ale laturilor unei încăperi ce era parte din tronsonul nordic al fostului careu ce includea și actualul corp C3. Z23 a fost afectat de amenajări anterioare actualelor lucrări, fiind plombat pe o porțiune cu piatră zidită cu mortar cu ciment.

Inventarul descoperit în urma supravegherii arheologice constă în principal din fragmente ceramice provenite de la vase (fig. 31) și cahle (fig. 33), databile între sec. XVI – XIX, pipe de lut databile în sec. XIX (fig. 33), un pinten medieval din fier, diferite alte obiecte din fier (cuie, piroane, lame de cuțit), o monedă de 3 Kreutzer emisă în anul 1800, oase de animale.

Concluzii

În urma supravegherii de pe parcursul anului 2012, rezultatele privind întregul ansamblu al Colegiului „Bethlen Gabor” nu pot fi decât parțiale. Până în prezent au fost stabilite limitele de nord și sud ale careului care îngloba actualul corp C3, o locuință anterioară momentului de început al instituției amintite precum și alte amenajări de infrastructură.

Bibliografie

- DIR, C 1952:** Documente privind Istoria României, Veacul XIII, C, Transilvania, vol II, (1251-1300), Ed. Academiei Republicii Populare Române, 1952.
- Hegy 1903:** Jozsef Hegyi, Hazánk történelmi nevezetességei helyei és meglévő műemlékei, Gyöngyös, 1903.
- Kapitány-Horvát 2016:** Zsuzsa Kapitány-Horvát, A viz szalad, a kö marad. A Nagyenyedi főnixmadár, Adalékok a Bethlen Gábor kollégium történetéhez, Bethlen Gábor Alapítvány, Nagyenyed, 2016.
- Lupaș-Vlasiu 1945:** Marina Lupaș-Vlasiu, Aspecte din istoria Transilvaniei, Institutul de Arte Grafice „Dacia Traiană” S. A., Sibiu, 1945.
- Maszák 1858:** Hugo Maszák, A nagy-enyedi főiskola. Vasárnapi Ujság, Pesta, 4 aprilie 1858, 161.

Vasile Paul Scrobotă, doctorand al Institutului de Arheologie „Vasile Pârvan”, Muzeul de Istorie Aiud, România, e-mail: paulscrobota@gmail.com

Elena Gherman, doctorand al Facultății de Istorie din cadrul Universității „Al. I. Cuza”, Iași, Muzeul Mitropolitan, Iași, România, e-mail: ghermanelena56@gmail.com

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVII _ nr. 1

Revistă indexată în bazele de date
SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2021

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Responsabil de volum/responsible for volume: dr. **Ghenadie Sîrbu**

Secretar de redacție/editorial secretary: **Livia Sîrbu**

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Ștefan cel Mare si Sfânt bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul double blind peer-review
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели double blind peer-review
All the papers to be published will be reviewed by experts according the double blind peer-review model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Виталий Окатенко (<i>Харьков</i>), Сергей Скорый (<i>Киев</i>). Бронзовое блюдо с позолотой из Второго Караванского кургана раннескифской поры (Украинская Левобережная Лесостепь)	5
Татьяна Кузнецова (<i>Москва</i>). Античные традиции в генезисе зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка	17
Natalia Mateevici (<i>Chişinău</i>), Mihaela Iacob (<i>Bucureşti</i>), Dorel Paraschiv (<i>Tulcea</i>). Colecţia de ştampile de amfore greceşti din câteva situri getice din nord-estul Dobrogei	34
Nikolai Jefremow (<i>Greifswald</i>), Andrei Kolesnikov (<i>Moskau</i>), Elena Bolonkina (<i>Krim</i>). Neue Namen in den Keramikstempeln von Knidos in der Sammlung des Historisch-archäologischen Museums in Kerč (Krim)	41

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Сергей Рыжов , Валентина Шумова , Александр Дяченко (<i>Киев</i>). Исследования на поселении западнотрипольской культуры Колодистое II	46
Александр Могилов (<i>Киев</i>), Юрий Ляшко (<i>Каменка</i>), Сергей Руденко (<i>Чигирин</i>). Скифское всадническое погребение в бассейне р. Тясмин	59
Сергей Агульников , Виталий Железный (<i>Кишинев</i>). Могилиник ногайской культуры у с. Казаклия	81
Vasile Paul Scrobotă (<i>Aiud</i>), Elena Gherman (<i>Iaşi</i>). Cercetări de supraveghere arheologică la obiectivul colegiul „Bethlen Gabor” din municipiul Aiud, jud. Alba. Campania 2012	99

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Mariana Gugeanu , Maria Geba (<i>Iaşi</i>). Investigaţii non-invazive aplicate textilelor arheologice de la Mănăstirea Căpriană	113
--	-----

RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Stanislav Țerna , Mariana Vasilache , <i>Figurinele antropomorfe din etapa Cucuteni A din interfluviul pruto-nistean: (în baza colecţiilor Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei)</i> Biblioteca Tyragetia, 31. Chişinău 2019, 264 pagini şi 63 planşe. ISBN 978-9975-87-562-2 (Илья Палагута, Санкт-Петербург)	120
---	-----

IN HONOREM

К юбилею археолога Анатолия Федоровича Гуцала (Александр Могилов, Виталий Гуцал, Киев)	125
--	-----

Doctorul habilitat EUGEN SAVA la 65 ani (Mariana Sîrbu, <i>Chişinău</i>)	128
---	-----

IN MEMORIAM

In memoriam colegului şi prietenului Oleg Leviţki (Alexandru Furtună, <i>Chişinău</i>)	133
---	-----

In memoriam Olga Larina (15.11.1952 – 01.2021) (Sergiu Bodean, <i>Chişinău</i>)	134
--	-----

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION	137
---	-----

INFORMAȚII ŞI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE	138
--	-----

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE	139
--	-----

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Mariana Gugeanu, Maria Geba

Investigații non-invazive aplicate textilelor arheologice de la Mănăstirea Căpriană

Keywords: archaeological textiles, non-invasive investigations, conservation-restoration, Bănulescu-Bodoni, Căprian Monastery.

Cuvinte cheie: textile arheologice, investigații non-invazive, conservare-restaurare, Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriană.

Ключевые слова: археологический текстиль, неинвазивные исследования, консервация-реставрация, Бэнулеску-Бодони, Монастырь Кэприана.

Mariana Gugeanu, Maria Geba

Non-invasive investigations applied to archaeological textiles from the Căprian Monastery

Scientific research using modern means is essential for a proper evolution of the conservation-restoration process. The aim of scientific investigations is to know the structure of the object, its state of conservation, to identify the nature of the composing materials, the corrosion products, the biological degradations. The advanced research technique, available also in the field of cultural heritage's conservation and restoration, enables nowadays its thorough investigation in terms of physical and chemical features. The results of visual examination, carried out with unaided eye or magnifying optical instruments, and of physical and chemical analyses, performed using non-invasive modern techniques, are extremely useful to the restorer for establishing the object's state of conservation and for choosing the appropriate conservation-restoration methodology.

The paper discusses several non-invasive investigation methods applied to the liturgical textiles from the crypt of Metropolitan Gavriil Bănulescu-Bodoni. The obtained results complemented the stylistic expertises and ensured the accuracy of the restoration-conservation interventions.

Mariana Gugeanu, Maria Geba

Investigații non-invazive aplicate textilelor arheologice de la Mănăstirea Căpriană

Cercetarea științifică prin mijloace moderne este esențială pentru desfășurarea în bune condiții a procesului de conservare-restaurare. Scopul investigațiilor științifice este de a cunoaște structura obiectului, starea de conservare, de a identifica natura materialelor componente, produșii de coroziune, degradările de natură biologică. Tehnica de cercetare avansată, cu aplicabilitate inclusiv în domeniul conservării-restaurării obiectelor de patrimoniu, permite, astăzi, investigarea minuțioasă a acestora din punctul de vedere al caracteristicilor fizico-chimice. Rezultatele examinării vizuale, cu ochiul liber sau cu ajutorul instrumentelor optice de mărit și ale analizelor fizico-chimice efectuate prin tehnici moderne non-invazive, sunt extrem de utile restauratorului, în vederea stabilirii diagnozei stării de conservare a obiectului precum și pentru alegerea metodologiei corespunzătoare de conservare-restaurare.

Lucrarea prezintă unele investigații non-invazive aplicate textilelor liturgice provenite din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni. Rezultatele obținute au contribuit la completarea expertizelor stilistice și au asigurat rigurozitatea intervențiilor de restaurare-conservare.

Марияна Гугеану, Мария Геба

Неинвазивные исследования, применяемые к археологическому текстилю из монастыря Кэприана

Научные исследования с использованием современных средств необходимы для успешного развития процесса консервации-восстановления. Цель научных исследований - узнать структуру объекта, состояние сохранности, выявить характер составляющих материалов, продуктов коррозии, биологической деструкции. Передовая исследовательская техника, применимая также в области консервации-реставрации объектов наследия, сегодня позволяет проводить их тщательное изучение с точки зрения физико-химических характеристик. Результаты визуального осмотра невооруженным глазом или с помощью оптических увеличительных приборов и физико-химического анализа, выполненного современными неинвазивными методами, чрезвычайно полезны для реставратора, чтобы диагностировать состояние сохранности объекта, и выбрать подходящую методику консервации.

В статье представлены некоторые неинвазивные методы исследования литургического текстиля из склепа митрополита Гавриила Бэнулеску-Бодони. Полученные результаты поспособствовали завершению стилистической экспертизы и обеспечили строгость реставрационно-консервационных вмешательств.

Introducere

Cercetarea textilelor arheologice, descope-rite la Mănăstirea Căpriană, Republica Moldova, prin metode non-invasive a furnizat date obiective esențiale pentru cunoașterea veșmintelor ecleziastice și a răspuns unor probleme diverse: identificarea materialelor originale, a tehnicilor de lucru, analiza produșilor de coroziune, punerea în evidență a stării de conservare și studiul cauzelor degradărilor, identificarea intervențiilor anterioare, identificarea și datarea suportului (pânză de bumbac, in, mătase). Respectul față de integritatea bunurilor de patrimoniu impune investigații științifice *in situ* prin utilizarea unor metode analitice non-destructive și non-invasive.

Cercetarea și conservarea-restaurarea textilelor arheologice urmează o procedură logică, bine stabilită, parcurgând anumite etape. Prima etapă constă în examinarea vizuală a obiectelor arheologice, consemnarea datelor obținute și elaborarea fișelor acestor obiecte [Ahmed 2013, 28]. Acolo unde este posibil, se notează dimensiunile fragmentelor arheologice, se consemnează starea de conservare a acestora din momentul preluării lor de către restaurator, depunerile existente și culoarea. Fișele conțin în mod obligatoriu imagini de ansamblu și detaliu surprinse cu ajutorul aparatului foto sau a camerei video, imagini care completează arhiva de date științifice a obiectului arheologic.

A doua etapă a cercetării cuprinde analize specifice, realizate prin tehnici diverse: spectrometrie (XRF, FTIR, Raman), tehnici termo-analitice (termogravimetrie – TG), investigații microscopice (microscopie optică, microscopie electronică de baleiaj), inclusiv analize microbiologice.

În conformitate cu cerințele metodologice contemporane [Ahmed 2013, 149-150; Barvinschi, Resiga 2013, 683], metoda de analiză a obiectelor arheologice, inclusiv a textilelor arheologice, include în mod obligatoriu următoarele condiții de bază:

- (a) să fie nedistructivă, pentru a se asigura integritatea fizică a obiectului investigat;
- (b) să fie rapidă, astfel încât să fie posibilă investigarea unui număr mare de obiecte similare sau a unui singur obiect în mai multe puncte;
- (c) să fie universală, astfel încât folosind un singur instrument să poată fi investigate obiecte având forme și dimensiuni diferite, realizate din

materiale diverse și necesitând o pregătire a probelor cât mai simplă;

(d) să fie versatilă, în sensul de a permite obținerea unor informații referitoare la compoziția materialelor eterogene atât de pe suprafețe mici (dimensiuni micrometrice), cât și de pe suprafețe mai mari (dimensiuni milimetrice), folosind aceeași tehnică;

(e) să fie sensibilă, astfel încât să permită atât analiza elementală a componentelor majore, cât și a elementelor în concentrații foarte mici (urme);

(f) să fie multielementală, astfel încât printr-o singură analiză, să se obțină simultan, rezultate pentru mai multe elemente, oferind informații și despre unele elemente considerate inițial ca fiind irelevante pentru investigație.

Metodele fizice utilizate în investigarea unui obiect arheologic [Barvinschi, Resiga 2013, 684], inclusiv a textilelor arheologice, sunt clasificate în:

- metode de examinare vizuală, care furnizează informații privind structura spațială sau morfologia obiectului studiat;
- metode de analiză, care oferă date referitoare la compoziția chimică (elementală, moleculară, mineralogică) a materialelor din care este constituit obiectul studiat.

Investigații non-invasive aplicate textilelor arheologice

Ținând cont de faptul că în practica cercetării, inclusiv, în cazul vestigiilor arheologice descoperite la Mănăstirea Căpriană, nici o metodă nu îndeplinește toate aceste condiții, specialistul investigator alege în primul rând metode non-invasive sau, dacă situația o impune, în ultimă fază alege și o metodă minim-invazivă.

Similar domeniului medical, restauratorul solicită examenul de laborator pentru a cunoaște compoziția chimică a diferitelor materiale componente (fir metalic, paiete, nasturi sau alte accesorii), natura și caracteristicile coloranților, natura și caracteristicile depunerilor, natura și caracteristicile structurale ale firelor și țesăturilor astfel încât să poată fi stabilit un diagnostic al stării de conservare a obiectului textil și intervențiile de conservare-restaurare adecvate. Fiecare obiect este unic, prezintă un diagnostic unic care trebuie cunoscut în specificitatea lui, prin mijloacele analitice și tehnico-științifice. Totodată, se realizează o documentare a obiectului din punct de vedere istoric,

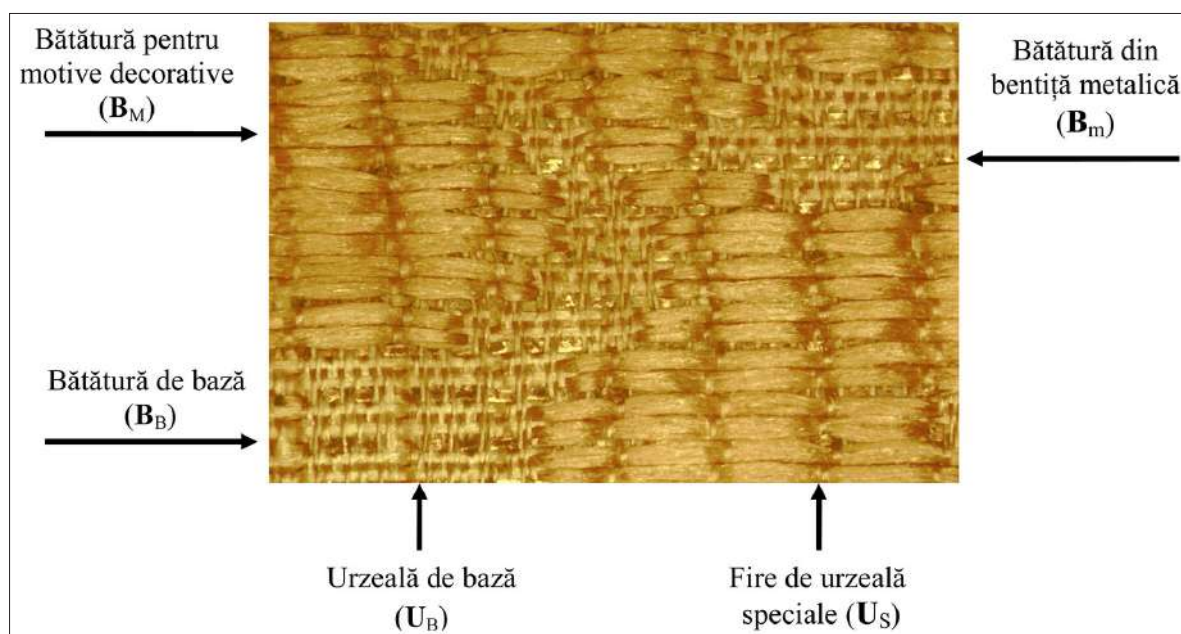

Fig. 1. *Bedernița*. Detaliu țesătură la microscop.

Fig. 1. *Epigonation*. Microscopic detail of the fabric.

artistic, stilistic. Rezultatele acestor cercetări care se pot constitui în buletine de analiză, schițe, desene, radiografii și fotografii, vor forma o anexă a dosarului de restaurare. Pe baza acestora, restauratorul propune comisiei de restaurare metodologia de conservare-restaurare, specificând etapele, materialele și substanțele preconizate a fi utilizate în procesul de conservare-restaurare a obiectului luat în studiu.

În sensul celor menționate mai sus, pentru **veșmintele liturgice arheologice care au aparținut mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni** s-au efectuat investigații non-invasive folosind: metode de examinare vizuală și metode de analiză.

Metodele de examinare vizuală au fost aplicate încă de la primul contact cu artefactele textile arheologice provenite din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni.

Examinarea cu lupa, microscopul, video microscopul și stereomicroscopul s-a realizat pentru fiecare piesă în parte. Cu ajutorul acestora s-au identificat: natura fibrelor textile, degradarea fibrelor textile, depunerile de produși proveniți din mediul arheologic. De asemenea, cu ajutorul stereomicroscopului s-a reușit identificarea și descifrarea tehnicii de realizare atât a țesăturilor, a broderiilor, cât și a firelor speciale utilizate în realizarea motifelor decorative ale pieselor textile arheologice.

În acest sens, pentru piesa *Bedernița*, examinarea cu **stereomicroscopul** și **video-microscopul** a relevat faptul că în structura țesăturii piesei a fost utilizată și o bandă metalică, care s-a păstrat pe mici porțiuni, analiza imaginilor obținute cu stereomicroscopul evidențiind prezența acestuia (fig. 1). Datorită acestei identificări, a bentiței metalice, din cele câteva zone, a fost posibil realizarea unui studiu referitor la structura țesăturii de mătase naturală din care este confecționată piesa textilă arheologică *Bedernița*. Acest studiu a relevat faptul că țesătura din care este realizată *Bedernița* se încadrează în clasa țesăturilor *jacquard tip brocart*, fiind un material ornamentat cu motive structurale complexe și fire tip bandă metalică [Gugeanu 2019, 76]. De asemenea, tot pentru piesa *Bedernița*, utilizarea microscopului și a video-microscopului a pus în evidență depunerile provenite din mediul de înhumare existente atât pe țesătură, cât și pe galonul piesei înainte de tratamentele de conservare-restaurare aplicate, dar și rezultatele tratamentelor aplicate; acestea au fost surprise în timpul examinării și au fost înregistrate ca imagini cu ajutorul camerei foto, făcând parte din arhiva de date științifice a piesei (fig. 2,a-b). Pentru investigarea pieselor *Paraman*, *Mânecuțe*, *Bedernița* și *nasturi Omoforul Mare* s-a folosit un microscop Nikon SMZ 800 cu putere de mărire între 10x și 63x. Iluminarea folosită a fost externă cu fibră optică circulară, lumină laterală, iar

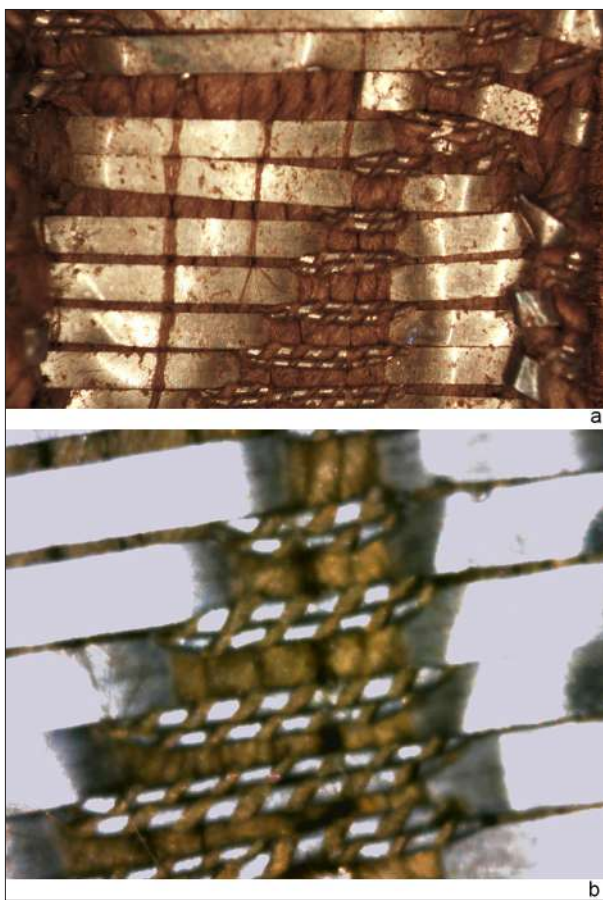

Fig. 2. *Bederniță - Galon.* a – detaliu microscop înainte de conservare-restaurare; b – detaliu video-microscop, după conservare-restaurare.

Fig. 2. *Epigonation - Galloon.* a – microscopic detail before conservation-restoration; b – video microscopic detail after conservation-restoration.

achiziția fotografiilor a fost făcută folosind un aparat digital Canon 450D.

Investigarea cu ajutorul *microscopiei optice* a pus în evidență existența depunerilor de produși de coroziune pe piesele provenite din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, precum și rezultatele tratamentelor aplicate. Exemplificăm utilizarea microscopului pentru identificarea depunerilor de pe broderia cu fir metalic a pieselor *Mânecute* (fig. 3,a-b). Utilizarea microscopului în cazul piesei *Paraman*, a fost necesară și pentru îndepărtarea produșilor de coroziune bine stabiliți pe firele broderiei; astfel, pentru această piesă etapa curățirilor mecanice a fost realizată sub microscop; s-a optat pentru această soluție, pentru a evita, în cursul desfășurării acestei operații migăloase, degradarea fibrei de mătase. Tot cu ajutorul microscopului s-a reușit identificarea și descifrarea

tehnicii de realizare a nasturilor (fig. 4) de la piesa *Omoforul Mare*. Nasturii, realizați din fire metalice – bentiță de argint aurit înfășurată pe miez de mătase naturală și sârmă din argint înfășurată pe miez de mătase naturală sunt obținuți prin tehnica de împletire a firelor denumită *nalbinding*; această tehnică este foarte veche, dovada constituind-o impresiunile de structuri textile realizate prin tehnica *nalbinding* descoperite pe unele fragmente ceramice cucuteniene.

Pentru realizarea analizelor prin *microscopie optică* s-a folosit și un microscop tip Zeiss Imager a1M, care are atașat un aparat foto AXIOCAM și soft specializat. Probele au fost analizate la mărire de 500x în câmp întunecat pentru piesa *Sacos* (fig. 5) și piesa *Stihar - galon lat* (fig. 6). Imaginile de detaliu surprind atât prezența, pe materialul textil, a depunerilor aderente provenite din mediul de înhumare, cât și degradările de natură fizico-mecanică (fracturarea) la nivelul firului textil.

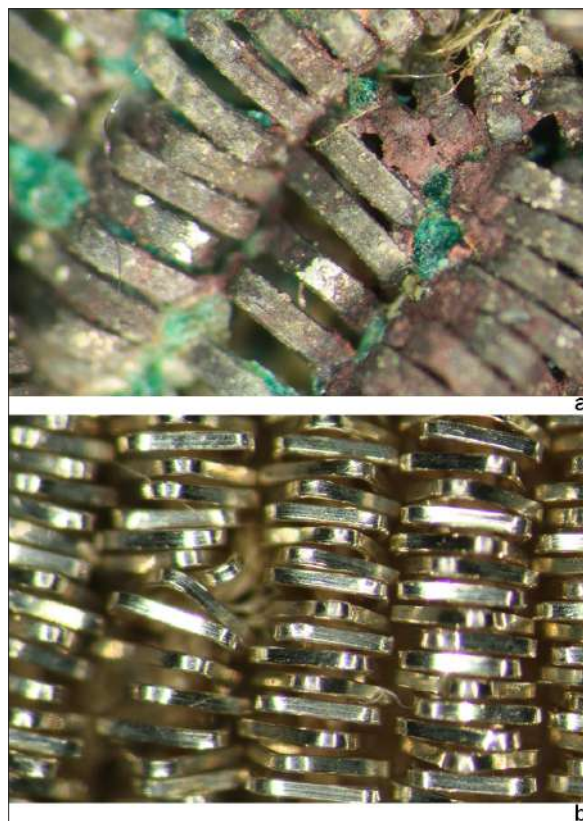

Fig. 3. *Mânecută – broderie cu fir metalic.* Detaliu microscop. a – înainte de conservare-restaurare; b – după conservare-restaurare.

Fig. 3. *Epimanikon – metallic thread embroidery.* Microscopic detail. a – before conservation-restoration; b – after conservation-restoration.

Cercetarea științifică a textilelor liturgice arheologice a fost completată prin utilizarea **metodelor de analiză** ca spectrometria de raze X (XRF), spectrometria IR (FTIR), spectrometria Raman și termogravimetria (TG) utilizate pentru: identificarea materialelor componente, a compoziției acestora, a produsilor proveniți din mediul de înhumare. Rezultatele acestor metode de analiză au oferit informații importante și necesare privind tratamentele aplicate textilelor liturgice arheologice și eficiența acestora. În procesul de conservare-restaurare a textilelor arheologice provenite din cripta mitropolitului Bănulescu-Bodoni au fost aplicate toate metodele de analiză enumerate mai sus. Fiecare metodă de analiză a avut un scop bine stabilit care a condus la aflarea informațiilor relevante pentru stabilirea tratamentelor de conservare-restaurare. În cadrul acestui studiu exemplificăm metoda de analiză **prin spectrometria de raze X (XRF)**.

Spectrometria de raze X (XRF) a fost utilizată pentru identificarea materialelor componente precum și a produsilor proveniți din mediul de înhumare. Acest tip de analiză este foarte important pentru restaurator. Datorită acestui tip de analiză non-invazivă, se poate stabili tratamentul pentru fiecare piesă, particularizat. În cadrul prezentului studiu exemplificăm utilizarea spectrometriei de raze X (XRF) pentru identificarea materialelor componente a galonului textil – bentiță metalică înfășurată pe miez de mătase, de la piesa textilă *Sacos*, și a paietelor de la piesa *Paraman*.

Fig. 4. Nasture *Omoforul Mare*. Detaliu microscop descifrare tehnică realizare.

Fig. 4. Button - *The Great Omophorion*. Microscopic detail, deciphering the manufacturing technique.

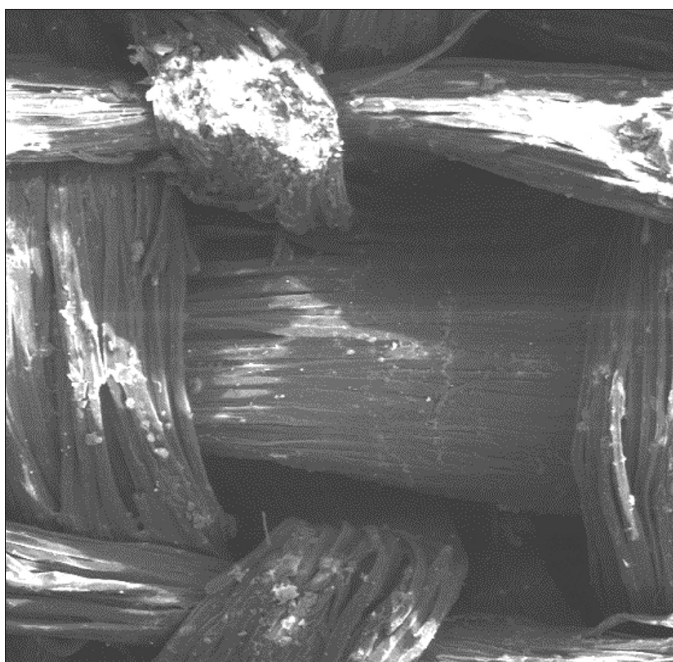

Fig. 5. *Sacos*. Țesătura. Depuneri produși din mediul arheologic.

Fig. 5. *Sakkos*. The fabric. Deposits of products from the archaeological environment.

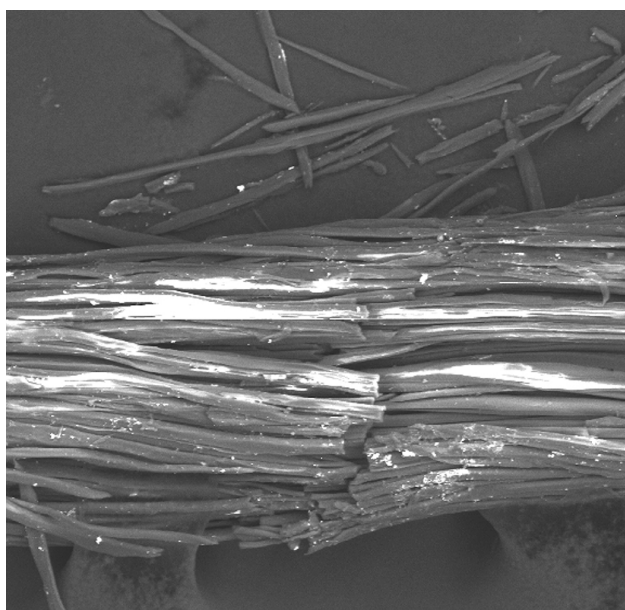
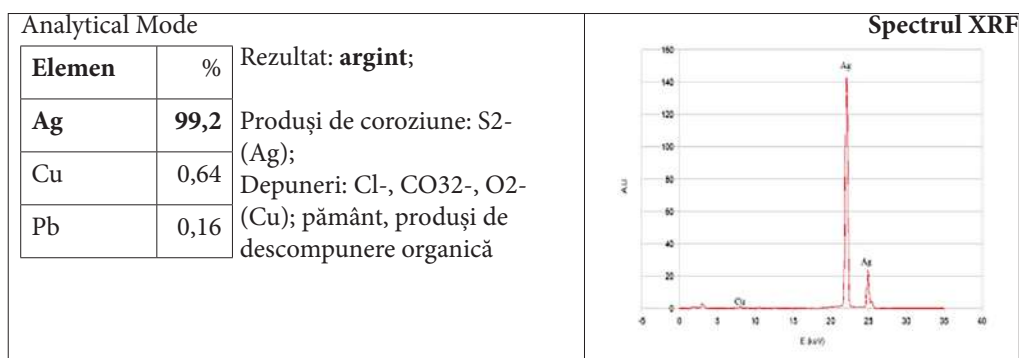
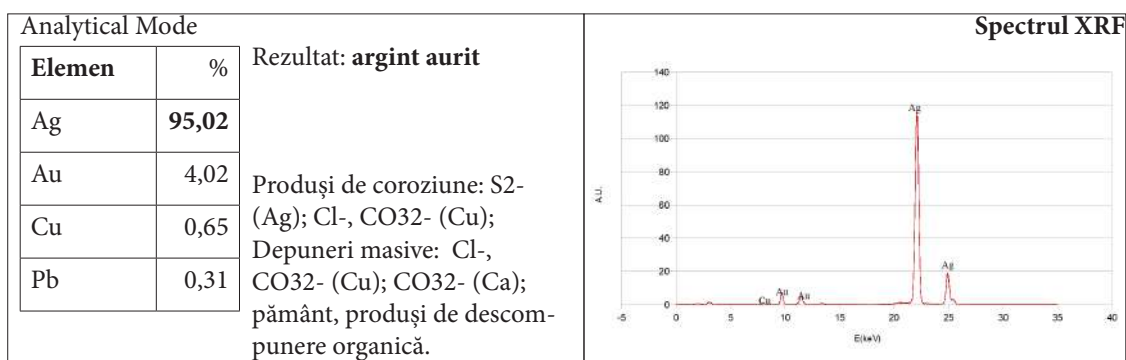

Fig. 6. *Stihar*. Fir mătase naturală galon lat. Fractură fir mătase.

Fig. 6. *Sticharion*. Natural silk thread, wide galloon. Breakage of the silk thread.

Spectrometrie XRF. *Sacos*, galon textil - bentiță metalică înfășurată pe miez de mătase.X-ray fluorescence spectrometry. *Sakkos*, textile galloon - metallic braid wrapped around the silk core.Spectrometrie XRF. *Paraman*, paiete – broderie.X-ray fluorescence spectrometry. *Paramandyas*, sequins – embroidery.

Analiza elementală a componentelor și accesoriilor metalice ale pieselor textile, provenite din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, a fost realizată *in situ* prin spectrometrie de fluorescență de raze X (XRF). Spectrometria de fluorescență de raze X este o metodă de analiză rapidă și nedistructivă, bazată pe capacitatea elementelor chimice de a emite energie sub formă de raze X atunci când sunt expuse unei surse de excitare (fascicul de protoni, fascicul de electroni sau fascicul de raze X). Deoarece fiecare element emite raze X având energii caracteristice, spectrometria de fluorescență de raze X dă informații în ceea ce privește elementele chimice prezente în obiect.

Determinarea *in situ* a elementelor anorganice din componentele și accesoriile metalice a fost realizată utilizând spectrometrul portabil de fluorescență de raze X tip INNOV-X Systems Alpha Series. Aparatul este echipat cu un tub de raze X cu anod de W, lucrând la parametrii maximi 35kV tensiune și 40μA intensitatea curentului; radiația de fluorescență este detectată și analizată cu un detector Si PIN cu răcire termoelectrică, controlat de un minicomputer. Pentru achiziția spectrelor și anali-

za semi-cantitativă a fost selectat softul *Analytical* pentru matrici grele, cu o durată de excitare de 30 s.

Concluzii

Utilizarea diferitelor metode fizico-chimice și de investigare științifică, descrise în acest studiu, pentru textilele liturgice provenite din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni a avut ca scop: identificarea naturii materialelor componente, diagnoza stării de conservare, identificarea tehnicilor de realizare a acestora. Toate aceste informații au contribuit la alegerea metodologiei de conservare-restaurare aplicată particularizat pentru fiecare piesă textilă arheologică. De asemenea, utilizarea acestor metode de investigații non-invazive a permis atât identificarea și încadrarea structurilor textile, cât și a tehnicilor de realizare a acestora.

Studiul a evidențiat prezența unor fire, benzi și paiete metalice din metale nobile – argint, cu titlu ridicat – peste 90%, de cele mai multe ori aurit, ceea ce subliniază importanța acordată personalității mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni (1746-1821), înhumat la Mănăstirea Căpřiana.

Bibliografie

Ahmed 2013: H. Ahmed, Physical Chemical Studies of Pigments of Archaeological Decorated Textiles and the Best Methods of Restoration and Conservation them. Teză de doctorat, University of Ioannina, 2013. Disponibil: <https://phdtheses.ekt.gr/eadd/handle/10442/30104?locale=en>.

Barvinschi, Resiga 2013: P. Barvinschi, D. Resiga, Metode fizice de analiza folosite în arta și arheologie. Arheo Vest, I (Timișoara 2013), 681-702.

Gugeanu 2019: M. Gugeanu, Conservare-restaurare piesă textilă arheologică Bederniță, ce a aparținut mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni. Buletinul Centrului de Conservare Restaurare, nr.1 (Iași 2019), 75-84.

Mariana Gugeanu, expert restaurator textile, IA, Centrul de Cercetare și Conservare Restaurare a Patrimoniului Cultural, Complexul Muzeal Național „Moldova” Iași, România, e-mail: m_gugeanu@yahoo.com

Maria Geba, cercetător științific I, Centrul de Cercetare și Conservare Restaurare a Patrimoniului Cultural, Complexul Muzeal Național „Moldova” Iași, România, e-mail: mariageba@yahoo.com

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVII _ nr. 1

Revistă indexată în bazele de date
SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2021

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Responsabil de volum/responsible for volume: dr. **Ghenadie Sîrbu**

Secretar de redacție/editorial secretary: **Livia Sîrbu**

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Ștefan cel Mare si Sfânt bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul double blind peer-review
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели double blind peer-review
All the papers to be published will be reviewed by experts according the double blind peer-review model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Виталий Окатенко (<i>Харьков</i>), Сергей Скорый (<i>Киев</i>). Бронзовое блюдо с позолотой из Второго Караванского кургана раннескифской поры (Украинская Левобережная Лесостепь)	5
Татьяна Кузнецова (<i>Москва</i>). Античные традиции в генезисе зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка	17
Natalia Mateevici (<i>Chişinău</i>), Mihaela Iacob (<i>Bucureşti</i>), Dorel Paraschiv (<i>Tulcea</i>). Colecţia de ştampile de amfore greceşti din câteva situri getice din nord-estul Dobrogei	34
Nikolai Jefremow (<i>Greifswald</i>), Andrei Kolesnikov (<i>Moskau</i>), Elena Bolonkina (<i>Krim</i>). Neue Namen in den Keramikstempeln von Knidos in der Sammlung des Historisch-archäologischen Museums in Kerč (Krim)	41

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Сергей Рыжов , Валентина Шумова , Александр Дяченко (<i>Киев</i>). Исследования на поселении западнотрипольской культуры Колодистое II	46
Александр Могилов (<i>Киев</i>), Юрий Ляшко (<i>Каменка</i>), Сергей Руденко (<i>Чигирин</i>). Скифское всадническое погребение в бассейне р. Тясмин	59
Сергей Агульников , Виталий Железный (<i>Кишинев</i>). Могилиник ногайской культуры у с. Казаклия	81
Vasile Paul Scrobotă (<i>Aiud</i>), Elena Gherman (<i>Iaşi</i>). Cercetări de supraveghere arheologică la obiectivul colegiul „Bethlen Gabor” din municipiul Aiud, jud. Alba. Campania 2012	99

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Mariana Gugeanu , Maria Geba (<i>Iaşi</i>). Investigaţii non-invazive aplicate textilelor arheologice de la Mănăstirea Căpriană	113
--	-----

RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Stanislav Țerna , Mariana Vasilache , <i>Figurinele antropomorfe din etapa Cucuteni A din interfluviul pruto-nistean: (în baza colecţiilor Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei)</i> Biblioteca Tyragetia, 31. Chişinău 2019, 264 pagini şi 63 planşe. ISBN 978-9975-87-562-2 (Илья Палагута, Санкт-Петербург)	120
---	-----

IN HONOREM

К юбилею археолога Анатолия Федоровича Гуцала (Александр Могилов, Виталий Гуцал, Киев)	125
--	-----

Doctorul habilitat EUGEN SAVA la 65 ani (Mariana Sîrbu, <i>Chişinău</i>)	128
---	-----

IN MEMORIAM

In memoriam colegului şi prietenului Oleg Leviţki (Alexandru Furtună, <i>Chişinău</i>)	133
---	-----

In memoriam Olga Larina (15.11.1952 – 01.2021) (Sergiu Bodean, <i>Chişinău</i>)	134
--	-----

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION	137
---	-----

INFORMAȚII ŞI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE	138
--	-----

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE	139
--	-----

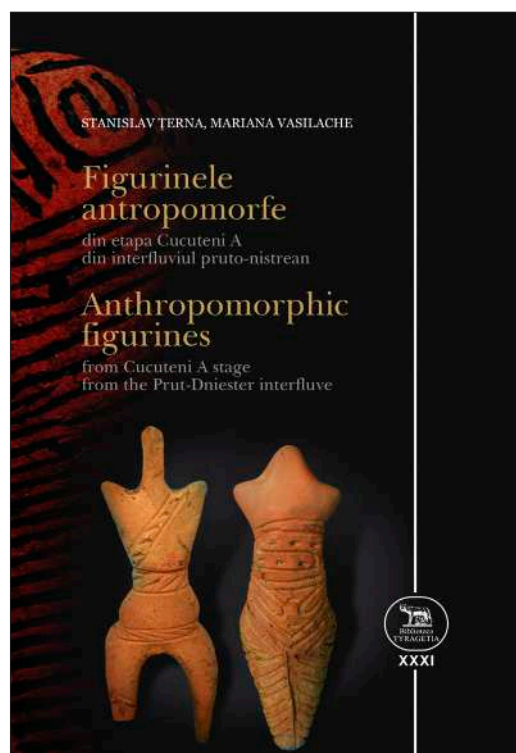
RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Stanislav Țerna, Mariana Vasilache, *Figurinele antropomorfe din etapa Cucuteni A din interfluviul pruto-nistrean: (în baza colecțiilor Muzeului Național de Istorie a Moldovei)*. Biblioteca Tyragetia, 31. Chișinău 2019, 264 pagini și 63 planșe. ISBN 978-9975-87-562-2

К изданию коллекций пластики культуры Кукутень А Молдовы
Памяти Станислава Церны

Тематика, связанная с антропоморфной пластикой, стала особенно популярна в последние десятилетия. Здесь сказалось два фактора. Во-первых, на рубеже 1990-х – 2000-х гг. было преодолено господство, казалось бы, незыблемых постулатов о прочной связи неолитических статуэток с культами плодородия и ритуалами в честь Великой Богини раннеземледельческой эпохи. Произошло это после ухода со сцены авторитетов, на мнении которых они держались как в западной, так и в восточноевропейской археологии: Марии Гимбутас (1921-1994) и Б.А. Рыбакова (1908-2001). Стало очевидно, что антропоморфные и зооморфные фигурки не только полиморфны, но и полифункциональны, а также могут изображать различных персонажей, и рассматривать их нужно, тщательно анализируя археологический и культурный контекст этих находок [Tringham, Conkey 1998; Lesure 2002]. На этом фоне интерес к пластике, как важнейшему источнику, на основе которого можно «заглянуть» в духовный мир древности, существенно возрос.

Во-вторых, значительно увеличился и объем находок. Так, если в 1970-е гг. было учтено порядка 2000 трипольско-кукутенских антропоморфных фигурок, то к настоящему времени их известно более 10000 [Țerna 2017]. Существующие своды пластики, подготовленные еще в 1970–80-е гг. [Pogozheva 1983; Monah 1997; зооморфные статуэтки: Balabina 1998], в той или иной мере были выборками из значительных серий находок, т.к. большинство из коллекций, происходящих из памятников, раскопанных в эти десятилетия и даже ранее, не были опубликованы. Не была полноценно представлена в публикациях и пластика из

поселений Пруто-Днестровского междуречья периода Триполье VI-Кукутень А. Территория Молдовы смотрелась «белым пятном» на фоне опубликованных материалов из соседней Румынии. Таким образом, издание материалов конкретных комплексов, где описаны особенности контекста, показаны индивидуальные вариации форм фигурок из одного памятника, подробно описана техника из изготовления в этих условиях крайне необходима. Эту задачу решают авторы рецензируемой монографии, в которой представлен подробный иллюстрированный каталог находок из раскопок 11 памятников периода Триполье VI-Кукутень А,

раскопанных на территории Республики Молдова. Представленная ими книга – первая масштабная публикация коллекций статуэток из Молдовы.

Авторы, которые уже имели опыт совместной работы [Țerna, Vasilache 2015], пошли гораздо дальше простого публикации коллекций: аналитический раздел книги затрагивает ряд актуальных проблем методологии изучения раннеземледельческой пластики, в частности выработки адекватной методики анализа антропоморфных статуэток как массовой категории находок. Издание книги на двух языках – румынском и английском – значительно расширяет круг читателей, давая возможность для широко обсуждения затронутых в ней вопросов.

Структура книги логична и последовательна. В первой главе (автор – М. Василяке) представлена общая характеристика памятников периода Кукутени А-Триполье VI Пруто-Днестровского междуречья. Обстоятельный очерк резюмирует результаты многолетних археологических исследований, представлены общие характеристики материалов: поселений, их топографии и планировки, построек, орудий труда, керамики. Помимо данных, уже представленных в обобщающих монографиях [Sorochin 2002; Palaguta 2007], здесь освещены и результаты проведенных в прошедшее десятилетия раскопок и магнитометрических исследований, позволивших обновить планы поселений, выявить на ряде из них оборонительные сооружения. Автор также акцентирует внимание на описании техники и технологии керамики, что актуально для темы книги, т.к. и посуда, и статуэтки производились одними и теми же мастерами, использовавшими при изготовлении сходные приемы лепки и декорирования изделий.

Важным разделом книги является Глава II, посвященная общей характеристике пластики периода Кукутени А-Триполье VI, написанная С. Церной. К глубокому сожалению, автор ее трагически погиб в декабре 2019 года, так и не успев реализовать многих своих идей. В рецензируемой книге представлена часть его разработок, выполненных в процессе подготовки фундаментального научного исследования, которым должна была стать его кандидатская диссертация.

По подсчетам С. Церны, на сегодняшний день известно около 2600 керамических антропоморфных фигурок, которые можно отнести к рассматриваемому периоду. Это почти четверть от всего массива пластики Кукутени-Триполье. Большая его часть – фрагментированные изделия, из них только 5% целых фигурок. Кроме того, вследствие небольшого формата изделий, позиция большинства находок не имеет четкой привязки к каким-ли комплексам. Поэтому для статуэток важна отработка такой методики исследования, при которой из этого набора фрагментов можно извлечь ту информацию, которая будет полезна для их интерпретации. Очевидна необходимость «новой парадигмы в доисторических исследованиях на основе углубления анализа контекста находок и их социальных измерений для исследования феномена антропоморфной пластики» [Țerna, Vasilache 2019, 31].

Вкратце осветив технику изготовления и особенности моделирования фигурок, С. Церна дает подробный анализ метрики и пропорций статуэток, прослеживая основные тенденции изменения пропорций во времени. Соотнесение высоты фигурок со средними параметрами человеческой ладони показало, что она была основной единицей измерения для их моделирования: «высота “маленьких” фигурок коррелировала с шириной ладони человека, формирующего их, в то время как “средние” фигурки имели высоту, соответствующую ширине двух перекрывающихся человеческих рук, и так далее» [Țerna, Vasilache 2019, 39-41, Fig. 3]. Анализ поз статуэток показал, что в период Кукутени А доминировали стоящие фигурки (74%), что контрастирует с предыдущим периодом, где более половины фигурок изображают персонажей сидящими.

Обращение к обсуждению темы фрагментации изделий продиктовано интересом к этой теме, сложившемуся в 2000-е гг. Доминирование находок нижних частей статуэток вполне справедливо связывается с тафономией слоя, а не с какими-либо особенностями их утилизации.

Результатом анализа форм фигурок стал вывод о том, что часто обозначается не полный набор гендерных признаков, а лишь отдельные из них. Объяснить необязательное изображе-

ние некоторых гендерных признаков можно через социальный контекст мелкой пластики: ее использование в пределах домохозяйства, где определение персонажа не требует дополнительных пояснений [Palaguta, Mitina 2014, 279-280].

К сожалению, для исследуемого периода пока неизвестны находки «закрытых» комплексов – наборов статуэток. Поэтому приходится анализировать общие особенности распределения пластики в слое и в пределах построек. Авторами был поставлен вопрос о выделении построек с особым инвентарем, в состав которого входили и массовые находки статуэток. Согласен, что такие постройки нельзя считать «храмами», они не выделяются особой архитектурой.

Интересна постановка вопроса об «обществе статуэток» (“a society of figurines”), отражения в нем реальных социальных отношений. Предполагается, что указания на существование такой иерархии могут быть в акцентировании внимания на изображении «мужских» атрибутов у мужских фигурок, а украшений – у женских. Однако, почему это должна быть именно иерархия? Для интерпретации фигурок и их атрибутов могут быть предложены и другие объяснения, которые можно было бы обсудить в работе [Palaguta, Mitina 2014; Palaguta 2018], но, к сожалению, они не были рассмотрены.

Каталог коллекций, представленный в главе III (автор – М. Васи́лаке), представляет подробное описание находок из 11 памятников – Старые Куконешты I (Cuconești Vechi I), Котова (Cotova), Старые Дуруиторы I (Duruitoarea Vechi I), Новые Дуруиторы – Ивановка (Duruitoarea Nouă – Ivanovca), Большая Городка «Ла Четате» (Horodca Mare “La Cetate”), Верхние Жоры (Jora de Sus), Мошана I (Moșana I), Путинешты II и III (Putinești II, Putinești III), Новые Русешты I (Ruseștii Noi I), Стольничены «Четате» (Stolniceni “Cetate”), – хранящихся в фондах Национального музея истории Молдовы. Большинство этих памятников было раскопано в 1960-80-е годы В.И. Маркевичем, Е.К. Черныш, Т.А. Поповой, В.Я. Сорокиным, и только два из них были исследованы в последние десятилетия (Большая Городка, Стольничены). Основная масса находок публикуется впервые.

Описание коллекций пластики каждого из отмеченных памятников предваряют данные о степени их исследованности, количестве и характере изученных объектов, особенностях находок. Важно заметить, что при описании каждой статуэтки представлен ее номер в музейной коллекции, что облегчает специалистам доступ к непосредственному знакомству с предметом, а также позволяет избежать ошибок при использовании материала в публикациях. Каталог сопровождается таблицами цветных иллюстраций. Качественная репрезентация материала позволяет лучше рассмотреть отдельные детали фигурок.

Глава IV (автор – С. Церна) представляет обобщенные характеристики коллекций пластики из каждого памятника. В принципе, подобное описание можно было бы поместить и в пределы каталога, однако авторы выбрали путь дублирования разделов, для более четкого суммирования результатов исследования статуэток каждого из памятников. На основании обобщенных характеристик материала сформулированы и общие выводы работы. Так, представленные комплексы статуэток «идеально вписывается» в морфолого-стилистические рамки миниатюрной пластики современных им памятников на территории Румынии [Țerna, Vasilache 2019, 194]. Однако здесь можно добавить, что аналогичные фигурки происходят и из памятников Среднего Поднепровья, находящихся на территории современной Украины. Так, например, коллекция из 35 фигурок происходит из Поливанова Яра III [Porova 2003, 186-189, Рис. 103]. Этот памятник относится к тому же локальному варианту, что и Дрэгушени в Румынии, а также рассмотренные в монографии Путинешты и Новые Дуруиторы в Молдове. Ведь локальная группировка древних поселений не обязательно должна соответствовать современным государственным границам.

Для сравнительного анализа интересны изданные в монографии статуэтки из памятников, расположенных к югу от массива Кодр, разделяющего Пруто-Днестровское междуречье на южную и северную части. Керамические комплексы памятников северомолдавского и южного локальных вариантов периода Триполье VI-Кукутень А демонстрируют принципи-

альные различия по своей структуре: на севере Молдовы их основу представляет керамика с рельефным декором, на юге – с расписным [Palaguta 2007, 50-57]. При всей схожести форм фигурок, что указывает на общую основу, на юге в период Кукутени А распространяется традиция украшать некоторые статуэтки росписью, что согласуется и с аналогичной тенденцией в декорировании сосудов. Так, две из опубликованных в книге статуэток из Верхних Жор [Țerna, Vasilache 2019, Pl. 24, 6/4; Pl. 25, 6/5], скорее всего, были расписными. Роспись, возможно, покрывала и гладкую поверхность некоторых фигурок из Стольничен [Țerna, Vasilache 2019, Pl. 60, 11/1-2]. Росписью была покрыта и мелкая пластика из Жур – базового памятника южного локального варианта в Молдове [Palaguta 2007, 42, fig. 72/7]. Отличия комплекса пластики Новых Русешт I, раскопанного В.И. Маркевичем в 1960-е гг., которое отмечают авторы монографии, справедливо связываются с более ранним временем этого памятника, существование которого относится к начальным фазам периода Кукутень А.

Хотелось бы также прокомментировать наблюдение авторов относительно контекста находок статуэток в Путинештах III, обнаруженных преимущественно в землянках [Țerna, Vasilache 2019, 194]. Такое распределение является, скорее всего, результатом естественной концентрации находок в процессе формирования культурного слоя. Соответствующие наблюдения над распределением зооморфной пластики были сделаны В.И. Балабиной [Balabina 1990].

К сожалению, в монографии не упомянуты некоторые не изданные коллекции, которые имеют прямое отношение к представленным в ней материалам. Среди них коллекция из 94 антропоморфных фигурок, происходящая из раскопок поселения периода Триполье VI-Кукутень А Друцы I, произведенных в 1982-

1984 гг. археологической экспедицией МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством Н.В. Рындиной. В кратких статьях в ежегоднике «Археологические открытия» опубликованы рисунки двух статуэток [Ryndina 1984; Ryndina 1985; Ryndina 1986]. При раскопках здесь было сделано интересная находка: две фигурки, целая и фрагмент нижней части, которые были, явно намеренно, помещены под глинобитное возвышение на полу жилища [Palaguta 1994]. Эта коллекция стала темой для двух дипломных работ студентов кафедры археологии исторического факультета МГУ. Ныне она хранится в Государственном историческом музее (ГИМ) в Москве, ряд целых фигурок присутствуют в экспозиции музея. Можно надеяться, что она тоже будет опубликована.

Параллельно с антропоморфной пластикой можно было бы опубликовать другие предметы, так или иначе связанные с миром керамической миниатюры трипольцев: зооморфные фигурки, «алтари» и модели жилищ. Фрагменты последних могут быть выявлены при разборке керамических коллекций: в частности, автору они встречались при работе с керамикой поселений Старые Куконешты I, Друцы I, Журы. Возможно, когда-то этот материал тоже будет введен в научный оборот.

В заключение хотелось бы еще раз отметить то, что вышедшая книга стала ценнейшим источником для исследования пластики раннеземледельческих культур Европы. Высказанные в рецензии замечания имеют целью лишь дополнить отдельные аспекты проделанной авторами огромной работы. Очень жаль, что не стало одного из авторов этой книги: с ним были связаны большие ожидания в области разработки темы, связанной с изобразительным искусством ранних земледельцев. Хотелось бы надеяться, что его друзья и коллеги продолжат эту важную работу.

Библиография

- Balabina 1990:** V.I. Balabina, Arkheologicheskii kontekst tripol'skoi zoomorfnoi plastiki. In: (red. V.G. Zbenovich) Rannezemledel'cheskie poseleniia-giganty tripol'skoi kul'tury na Ukraine: teziy dokladov I polevogo seminar (Kiev 1990), 142-146 // В.И. Балабина, Археологический контекст трипольской зооморфной пластики. В: (ред. В.Г. Збенович) Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине: тезисы докладов I полевого семинара (Киев 1990), 142-146.

- Balabina 1998:** V.I. Balabina, *Figurki zhivotnykh v plastike Kukuten'-Tripol'ia* (Moskva 1998) // В.И. Балабина, *Фигурки животных в пластике Кукутень-Триполья* (Москва 1998).
- Lesure 2002:** R.G. Lesure, *The Goddess Diffracted. Thinking about the Figurines of Early Villages*. *Current Anthropology* 43, 2002, 587-610.
- Monah 1997:** D. Monah, *Plastica antropomorfă a culturii Cucuteni-Tripolie*. BMA III (Piatra Neamț 1997).
- Palaguta 1994:** I.V. Palaguta, *Tripol'skoe poselenie Drutsy I v Severnoi Moldove (planigrafia keramicheskikh nakhodok)*. In: (otv. red. E.V. Iarovoi) *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia V tys. do n.e. – V v. n.e. Materialy Mezhdunarodnoi arkheologicheskoi konferentsii. Tiraspol', 10-14 oktiabria 1994* (Tiraspol' 1994), 51-52 // И.В. Палагута, *Трипольское поселение Друцы I в Северной Молдове (планиграфия керамических находок)*. В: (отв. ред. Е.В. Яровой) *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. Материалы Международной археологической конференции. Тирасполь, 10-14 октября 1994* (Тирасполь 1994), 51-52.
- Palaguta 2007:** I. Palaguta, *Tripolye Culture during the Beginning of the Middle Period (BI). The relative chronology and local grouping of sites*. BAR International Series 1666 (Oxford 2007).
- Palaguta 2012:** I.V. Palaguta, *Mir iskusstva drevnikh zemledel'tsev Evropy. Kul'tury balkano-karpatskogo kruga v VII–III tys. do n.e.* (Sankt-Peterburg 2012) // И.В. Палагута, *Мир искусства древних земледельцев Европы. Культуры балкано-карпатского круга в VII–III тыс. до н.э.* (Санкт-Петербург 2012).
- Palaguta 2018:** I.V. Palaguta, "Group Portrait" of the Early Agricultural Era: A Set of Figurines of Vinča Culture from Stubline (Serbia) in the Context of the European Neolithic and Copper Age Societies. *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts* 8(4), 2018, 626-645.
- Palaguta, Mitina 2014:** I.V. Palaguta, M.N. Mitina, On the problem of interpretation of the Neolithic anthropomorphic clay sculpture: figurine sets — their structure, functions and analogies. In: (ed. C.-E. Ursu, S. Țerna) *Anthropomorphism and symbolic behaviour in the Neolithic and Copper Age communities of South-Eastern Europe. Studies into South-East European Prehistory, I* (Suceava 2014), 275-301.
- Pogozheva 1983:** A.P. Pogozheva, *Antropomorfniaia plastika Tripol'ia* (Novosibirsk 1983) // А.П. Погожева, *Антропоморфная пластика Триполья* (Новосибирск 1983).
- Popova 2003:** T.A. Popova, *Mnogosloinoe poselenie Polivanov Iar. K evoliutsii tripol'skoi kul'tury v Srednem Podnestrov'e* (Saint-Petersburg 2003) // Т.А. Попова, *Многослойное поселение Поливанов Яр. К эволюции трипольской культуры в Среднем Поднестровье* (Санкт-Петербург 2003).
- Ryndina 1984:** N.V. Ryndina, *Raskopki poseleniia razvitogo Tripol'ia Drutsy I*. In: (red. B.A. Rybakov) *Arkheologicheskie otkrytiia 1982 goda* (Moskva 1984), 415-416 // Н.В. Рындина, *Раскопки поселения развитого Триполья Друцы I*. В: (отв. ред. Б.А. Рыбаков) *Археологические открытия 1982 года* (Москва 1984), 415-416.
- Ryndina 1985:** N.V. Ryndina, *Raboty Tripol'skoi ekspeditsii*. sb.: (red. V.P. Shilov) *Arkheologicheskie otkrytiia 1983 goda* (Moskva 1985), 459-460 // Н.В. Рындина, *Работы Трипольской экспедиции*. В: (ред. В.П. Шилов) *Археологические открытия 1983 года* (Москва 1985), 459-460.
- Ryndina 1986:** N.V. Ryndina, *Tripol'skoe poselenie Drutsy I*. In: (red. V.P. Shilov) *Arkheologicheskie otkrytiia 1984 goda* (Moskva 1986), 385-386 // Н.В. Рындина, *Трипольское поселение Друцы I*. В: (ред. В.П. Шилов) *Археологические открытия 1984 года* (Москва 1986), 385-386.
- Sorochin 2002:** V. Sorochin, *Aspectul regional cucutenian Drăgușeni-Jura*. BMA XI (Piatra-Neamț 2002).
- Țerna, Vasilache 2015:** S. Țerna, M. Vasilache 2015. *Plastica antropomorfă din așezarea Cucuteni A de la Duruitoarea Veche I (raionul Râșcani, Republica Moldova)*. *Tyragetia, s.n., vol. IX [XXIV], nr. 1*, 57-78.
- Țerna, Vasilache 2019:** S. Țerna, M. Vasilache, *Figurinele antropomorfe din etapa Cucuteni A din interfluviul pruto-nistrean: (în baza colecțiilor Muzeului Național de Istorie a Moldovei)*. *Biblioteca Tyragetia*, 31 (Chișinău 2019).
- Tringham, Conkey 1998:** R. Tringham, M. Conkey, *Rethinking Figurines: A Critical View from Archaeology of Gimbutas, the 'Goddess' and Popular Culture*. In: (ed. L. Goodison, C. Morris) *Ancient Goddesses: The Myths and the Evidence* (London 1998), 22-45.
- Tserna 2017:** S.V. Tserna, *K voprosu o rasprostranenii melkoi antropomorfnoi plastiki na poseleniiakh kul'tury Kukuten'-Tripol'e*. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* 247, 2017, 223-244 // С.В. Церна *К вопросу о распространении мелкой антропоморфной пластики на поселениях культуры Кукутень-Триполье*. *Краткие сообщения Института археологии*, 247, 2017, 223-244.

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVII _ nr. 1

Revistă indexată în bazele de date
SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2021

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Responsabil de volum/responsible for volume: dr. **Ghenadie Sîrbu**

Secretar de redacție/editorial secretary: **Livia Sîrbu**

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Ștefan cel Mare si Sfânt bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul double blind peer-review
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели double blind peer-review
All the papers to be published will be reviewed by experts according the double blind peer-review model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Виталий Окатенко (<i>Харьков</i>), Сергей Скорый (<i>Киев</i>). Бронзовое блюдо с позолотой из Второго Караванского кургана раннескифской поры (Украинская Левобережная Лесостепь)	5
Татьяна Кузнецова (<i>Москва</i>). Античные традиции в генезисе зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка	17
Natalia Mateevici (<i>Chişinău</i>), Mihaela Iacob (<i>Bucureşti</i>), Dorel Paraschiv (<i>Tulcea</i>). Colecţia de ştampile de amfore greceşti din câteva situri getice din nord-estul Dobrogei	34
Nikolai Jefremow (<i>Greifswald</i>), Andrei Kolesnikov (<i>Moskau</i>), Elena Bolonkina (<i>Krim</i>). Neue Namen in den Keramikstempeln von Knidos in der Sammlung des Historisch-archäologischen Museums in Kerč (Krim)	41

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Сергей Рыжов , Валентина Шумова , Александр Дяченко (<i>Киев</i>). Исследования на поселении западнотрипольской культуры Колодистое II	46
Александр Могилов (<i>Киев</i>), Юрий Ляшко (<i>Каменка</i>), Сергей Руденко (<i>Чигирин</i>). Скифское всадническое погребение в бассейне р. Тясмин	59
Сергей Агульников , Виталий Железный (<i>Кишинев</i>). Могилиник ногайской культуры у с. Казаклия	81
Vasile Paul Scrobotă (<i>Aiud</i>), Elena Gherman (<i>Iaşi</i>). Cercetări de supraveghere arheologică la obiectivul colegiul „Bethlen Gabor” din municipiul Aiud, jud. Alba. Campania 2012	99

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Mariana Gugeanu , Maria Geba (<i>Iaşi</i>). Investigaţii non-invazive aplicate textilelor arheologice de la Mănăstirea Căpriană	113
--	-----

RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Stanislav Țerna , Mariana Vasilache , <i>Figurinele antropomorfe din etapa Cucuteni A din interfluviul pruto-nistean: (în baza colecţiilor Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei)</i> Biblioteca Tyragetia, 31. Chişinău 2019, 264 pagini şi 63 planşe. ISBN 978-9975-87-562-2 (Илья Палагута, <i>Санкт-Петербург</i>)	120
---	-----

IN HONOREM

К юбилею археолога Анатолия Федоровича Гуцала (Александр Могилов, Виталий Гуцал, <i>Киев</i>)	125
--	-----

Doctorul habilitat EUGEN SAVA la 65 ani (Mariana Sîrbu, <i>Chişinău</i>)	128
---	-----

IN MEMORIAM

In memoriam colegului şi prietenului Oleg Leviţki (Alexandru Furtună, <i>Chişinău</i>)	133
---	-----

In memoriam Olga Larina (15.11.1952 – 01.2021) (Sergiu Bodean, <i>Chişinău</i>)	134
--	-----

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION	137
---	-----

INFORMAȚII ŞI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE	138
--	-----

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE	139
--	-----

IN HONOREM

К юбилею археолога Анатолия Федоровича Гуцала

В этом году свое 75-летие отмечает известный исследователь памятников эпохи раннего железа в Западной Украине, доцент Каменец-Подольского национального университета Анатолий Федорович Гуцал.

Родился будущий ученый 9 августа 1946 года в с. Липовка Городоцкого района Хмельницкой области УРСР в семье крестьян – Екатерины Григорьевны и Федора Иосифовича Гуцалов. Уже во время обучения в школах сел Липовка и Куровка ученик заинтересовался историей своего края. Это в дальнейшем определило весь его жизненный путь. В 1964 г. он поступает на исторический факультет Каменец-Подольского государственного педагогического института. С этим учебным заведением судьба связала его на всю жизнь. Во время обучения студент увлекается древней историей и археологией, начиная работать под руководством известного археолога И.С. Винокура. Первая археологическая практика проходила на раскопках могильника черняховской культуры у с. Ружичанка. В дальнейшем здесь исследуется и синхронное поселение. Подготовлены первые статьи в газеты, сделаны доклады на студенческих конференциях в Москве и Ужгороде. А.Ф. Гуцал не только активный участник Археологического кружка, но и занят камеральной обработкой материалов факультетских экспедиций. Следом были работы на славянском селище в Городке с О.М. Приходнюком, и палеолитическая стоянка Атаки, под руководством Н.К. Анисюткина. С тех пор, на протяжении более полувека, ученый неизменно и практически без перерывов участвует в археологических экспедициях. Там он прошел путь от простого практиканта, до начальника раскопа, отряда, экспедиции, коим он работает уже несколько десятилетий.

Во время учебы в ВУЗе вырисовывается круг интересов археолога. Все больше внимания он уделяет древностям раннего железного века. По окончании института в 1968 г., молодой учитель некоторое время по распределению

работает в Городковской школе Крыжопольского района Винницкой области. Но неизведанные научные горизонты продолжали его манить. В 1969 г. он возвращается в Каменец-Подольский, трудясь ответственным секретарем городского отделения Общества охраны памятников истории и культуры. В том же году он переходит на Кафедру истории СССР и УССР Каменец-Подольского государственного педагогического института, где трудится до сих пор вот уже более полувека лаборантом, ассистентом, старшим преподавателем, доцентом. В 1975 г. исследователь поступает в аспирантуру Института археологии АН УРСР, работая под руководством мэтров скифоведения В.А. Ильинской и А.И. Тереножкина.

Анатолий Федорович Гуцал принимал участие в исследовании памятников разных хронологических эпох, от палеолита, до позднего средневековья и нового времени. Однако, в цен-

На раскопках с профессором И.С. Винокуром.

тре его внимания неизменно были древности раннего железного века, расположенные в Среднем Поднестровье. Важная роль отводилась раскопкам и поселенческим памятникам той эпохи, и погребальным комплексам. Одним из эталонных и хорошо исследованных среди предскифских могильников Украинской Лесостепи стал Бернашовский некрополь. Раскопанные под руководством юбиляра более полусотни курганов скифской эпохи, составляют более трети всей источниковой базы для изучения погребального обряда Западноподольской группы памятников.

Полевые исследования памятников эпохи раннего железа ученый начал еще в 1970 г. возле с. Бакота. Масштабные работы проведены 1972-1976, 1979-1981, 2016 гг. на Рудковецком городище предскифской эпохи. Вскрыто до 4000 м² площади, что делает этот памятник одним из наиболее хорошо изученных среди предскифских древностей в Правобережной Лесостепи.

Раскопками 1987, 1989-1995 г. на Бернашевском могильнике в Виницкой области вскрыты

более 40 погребений, являющихся ценным источником для характеристики заупокойной обрядности населения Восточноевропейской Лесостепи. Памятник интересен соседством в нем как подкурганых, так и грунтовых захоронений с преобладанием последних.

Масштабными стали исследования А.Ф. Гуцалом курганов скифского времени на Среднем Днестре. Раскопки 58 насыпей с более чем шестью десятками погребений – важная часть источниковедческой базы для реконструкции истории населения региона той поры. Они проводились у Редвинцев (1973 г.), Тарасовки (1988 г.), Шутновцев (1996-1999 гг.), Чабановки (2000-2001 гг.), Текливы (2002 г.), Малиновцев (2003 г.), Колодиевки (2004-2006 гг.), Спасовки и Иванковцев (2007-2011 гг.), Купина (2018 г.). Полученные материалы позволили во многом по новому взглянуть на заупокойную обрядность населения региона той поры.

Среди исследований нового XXI в. – раскопки поселения финальной бронзы – предскифского времени у Иванковцев, курганов эпохи бронзы на Гусиковой Горе у Спасовки, работы в г. Каменец-Подольский, позволившие открыть древнерусские укрепления в Старом городе, а на территории крепости – наслоения чернолесского периода.

Ученый не ограничивался стационарными раскопками, и на протяжении всей своей карьеры вел активные разведки. Важное место в них всегда уделялось изучению городищ и фортификационных систем эпохи раннего железа на Подолье и Буковине. Обследовались цитадели в Ломозове, Нижнем Ольчедаеве, Григоровке, Немирове, Мациорске, Малиевцах, Княгинине, Белоусовке и др. А вместе с ними – многие десятки селищ той эпохи. Активные разведки продолжались и на памятниках других периодов. Результаты этих работ легли в основу коллективных трудов-сводов памятников древности в регионе, вышедших в 1984 и 2011 гг.

Лекторий во время археологической экспедиции.

В своей издательской деятельности автор всегда совмещал как введение в научный оборот новых материалов, так и аналитическую работу, исследования поселенческой структуры и погребальных обрядов древнего населения, их материальную и духовную культуру, хозяйство.

Важной частью жизни А.Ф. Гуцала всегда была университетская преподавательская и образовательная работа, к которой специалист всегда подходил творчески. Она никогда не ограничивалась лишь подготовкой и чтением различных курсов и дисциплин, изданием учеб-

ников и пособий. Ученый – активный руководитель археологического кружка, организатор студенческих конференций, популяризатор и защитник культурного наследия. На археологических практиках под его руководством азы полевых исследований познавали тысячи студентов. Многие из них впоследствии связали свою жизнь с археологией. Среди них, и авторы данной работы.

Коллеги, ученики, друзья желают юбилару творческого вдохновения и осуществления всех научных планов!

**Александр Могилов
Виталий Гуцал**

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVII _ nr. 1

Revistă indexată în bazele de date
SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2021

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Responsabil de volum/responsible for volume: dr. **Ghenadie Sîrbu**

Secretar de redacție/editorial secretary: **Livia Sîrbu**

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Ștefan cel Mare si Sfânt bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul double blind peer-review
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели double blind peer-review
All the papers to be published will be reviewed by experts according the double blind peer-review model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Виталий Окатенко (<i>Харьков</i>), Сергей Скорый (<i>Киев</i>). Бронзовое блюдо с позолотой из Второго Караванского кургана раннескифской поры (Украинская Левобережная Лесостепь)	5
Татьяна Кузнецова (<i>Москва</i>). Античные традиции в генезисе зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка	17
Natalia Mateevici (<i>Chişinău</i>), Mihaela Iacob (<i>Bucureşti</i>), Dorel Paraschiv (<i>Tulcea</i>). Colecţia de ştampile de amfore greceşti din câteva situri getice din nord-estul Dobrogei	34
Nikolai Jefremow (<i>Greifswald</i>), Andrei Kolesnikov (<i>Moskau</i>), Elena Bolonkina (<i>Krim</i>). Neue Namen in den Keramikstempeln von Knidos in der Sammlung des Historisch-archäologischen Museums in Kerč (Krim)	41

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Сергей Рыжов , Валентина Шумова , Александр Дяченко (<i>Киев</i>). Исследования на поселении западнотрипольской культуры Колодистое II	46
Александр Могилов (<i>Киев</i>), Юрий Ляшко (<i>Каменка</i>), Сергей Руденко (<i>Чигирин</i>). Скифское всадническое погребение в бассейне р. Тясмин	59
Сергей Агульников , Виталий Железный (<i>Кишинев</i>). Могилиник ногайской культуры у с. Казаклия	81
Vasile Paul Scrobotă (<i>Aiud</i>), Elena Gherman (<i>Iaşi</i>). Cercetări de supraveghere arheologică la obiectivul colegiul „Bethlen Gabor” din municipiul Aiud, jud. Alba. Campania 2012	99

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Mariana Gugeanu , Maria Geba (<i>Iaşi</i>). Investigaţii non-invazive aplicate textilelor arheologice de la Mănăstirea Căpriană	113
--	-----

RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Stanislav Țerna , Mariana Vasilache , <i>Figurinele antropomorfe din etapa Cucuteni A din interfluviul pruto-nistean: (în baza colecţiilor Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei)</i> Biblioteca Tyragetia, 31. Chişinău 2019, 264 pagini şi 63 planşe. ISBN 978-9975-87-562-2 (Илья Палагута, Санкт-Петербург)	120
---	-----

IN HONOREM

К юбилею археолога Анатолия Федоровича Гуцала (Александр Могилов, Виталий Гуцал, Киев)	125
--	-----

Doctorul habilitat EUGEN SAVA la 65 ani (Mariana Sîrbu, <i>Chişinău</i>)	128
---	-----

IN MEMORIAM

In memoriam colegului şi prietenului Oleg Leviţki (Alexandru Furtună, <i>Chişinău</i>)	133
---	-----

In memoriam Olga Larina (15.11.1952 – 01.2021) (Sergiu Bodean, <i>Chişinău</i>)	134
--	-----

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION	137
---	-----

INFORMAȚII ŞI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE	138
--	-----

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE	139
--	-----

Doctorul habilitat EUGEN SAVA la 65 ani

Eugen Sava s-a născut la data de 4 august 1956 în satul Mereni, raionul Anenii-Noi. După absolvirea școlii din satul natal, în anul 1973 devine student al facultății de Istorie a Universității de Stat. În realitățile regimului sovietic de atunci, s-a remarcat ca student cu abilități intelectuale și analitice aparținând în analiza proceselor istorice. S-a specializat în arheologie din pasiune pentru aceasta, dar și pentru a fi cât mai departe de teoriile și evenimentele istorice propagate de ideologia comunistă. În anul 1983 absolveste cu brio facultatea, iar în 1984-1985 urmează studii post-universitare ca stagiar la Institutul de Istorie a Culturii Materiale a Academiei de Științe din Leningrad, unde își face și studiile de doctorat. În 1989, Eugen Sava susține teza de doctor cu tema „Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья (культурно-историческая характеристика, хронология и периодизация) sub conducerea dr., membru-corespondent al AȘ URSS, V.M. Masson. În anul 1991, devine bursier la Archaeological School at Sutton Hoo, Anglia iar ulterior, în anii 1996-1998, la Fundația științifică Alexander von Humboldt, Berlin (Germania). În anul 2003, obține titlul de doctor habilitat la Universitatea de Stat din Moldova cu teza intitulată „Interferențe cultural-cronologice în epoca bronzului târziu din spațiul carpato-nistean (complexul cultural Noua-Sabatinovka)” avându-l drept coordonator pe profesorul universitar, doctor habilitat, Ion Niculiță. Pe parcursul formării profesionale Eugen Sava a obținut titlul de cercetător științific superior (1999), conferențiar universitar (2000), cât și titlurile onorifice de membru-corespondent a Institutului German de Arheologie (Deutsches Archaologisches Institut), Berlin (2009) și a Institutului de Arheologie al Academiei Române, Iași (2010).

Activitatea didactică

Personalitatea domnului Eugen Sava s-a remarcat și în sfera pedagogică, de-a lungul timpului fiind conferențiar universitar și profesor invitat la mai multe universități din țară și de peste hotare. În anii 1989-1994 activează în funcție de lector universitar, titular al cursului de Arheologie în cadrul Facultății de Istorie a Universității Pedagogice

ce de Stat „Ion Creangă”. În 1998 obține funcția de conferențiar universitar la Catedra Istoria Românilor, Departamentul Istorie și Relații Internaționale a Universității Libere Internaționale din Moldova. Aici a predat cursurile de „Arheologie”, „Indo-europenii”, „Istoria Greciei și Romei antice”, „Izvoarele și Istoriografia Romei și Greciei antice” ș.a. Între anii 1994-1996 și 2002-2008, Eugen Sava a profesat și la *Alma Mater* – Universitatea de Stat din Moldova, ținând cursurile: „Epoca bronzului mijlociu și târziu în spațiul Carpato-Nistean. Schiță cultural-istorică”, „Indo-europenii”, „Istoria Greciei și Romei antice”, „Arheologia Preistorică în Europa”, contribuind la formarea mai multor specialiști calificați în arheologie. A fost profesor invitat la Freie Universität Berlin (1998, 2002) și Martin Luther Universität, Halle (2001). În anul 2010, Eugen Sava este abilitat cu dreptul de conducător de doctorate și îndrumă în calitate de conducător științific, elaborarea a patru teze de doctor.

Activitatea științifică

Omul de știință Eugen Sava se evidențiază printr-un stil aparte de abordare, interpretare și prezentare a diverselor fenomene și aspecte ale vieții din preistorie, mai exact din epoca bronzului – perioadă cronologică care l-a interesat în mod deosebit. A știut să combine armonios metodele școlii rusești și ale celei germane în organizarea și desfășurarea lucrărilor șantierelor arheologice pe care le-a condus. Merită remarcat faptul că, Eugen Sava a scanat geomagnetic pentru prima dată o așezare cu „cenușare” (epoca bronzului, cultura Noua, așezarea Odaia-Miciurin). Tot aici menționăm, că din 2003 până în prezent, Eugen Sava pe toate săpăturile utilizează de rând metodele arheologice clasice și un spectru larg de metode interdisciplinare. Primul post științific a fost cel de laborant, ulterior activând ca cercetător științific inferior și apoi ca cercetător științific în Sectorul de Arheologie a Secției de Etnografie și Studierea Artelor al Academiei de Științe din Republica Moldova (1980-1990). Între anii 1990-1995 deține funcția de director al Muzeului de Arheologie a Institutului de Arheologie și Etnografie al Academiei de Științe din Republica Moldova. În perioada 2002-2006 este angajat ca cercetător științific principal în Secția de Preistorie și Tracologie a Institutului de Arheologie și Etnografie al Academiei de Științe din Republica Moldova. Din anul 2006 până în prezent deține funcția de director general a Muzeului Național de Istorie a Moldovei din or. Chișinău. Începând din anul 1974 și până în prezent a participat la lucrările a peste 50 de șantiere pe diverse situri din Republica Moldova, Rusia, Ucraina, România și Germania. E. Sava a condus personal cca 20 șantiere arheologice în Republica Moldova: 1982, 1984 - Taraclia; Balabanu; 1989 – Uiutnoe, Frunze; 1989 – Tîrnauca; 1991 – Petrușeni; 1993-1996 – Rudi; 2003, 2005, 2006-2008 – Odaia-Miciurin; 2011-2013, 2015 – Sofia; 2016-2019 – Taraclia. În perioada anilor 1980-2020, s-a prezentat cu comunicări și rapoarte științifice, la circa 90 de manifestări științifico-didactice organizate în Austria, Bulgaria, Croația, Germania, Italia, Kenya, Polonia, Republica Moldova, România, Rusia, Slovenia și Ucraina, dintre care se evidențiază: Научная конференция посвященная 90-летию

со дня рождения Б.А. Латынина. Ленинград, 1990; Първи международен симпозиум „Севтополис”. „Надгробните могили Югоизточна Европа” Казанлък, България, 1993; Urban origins in Eastern Africa. The Development of Urbanism in Africa from a Global Perspective. WAC Intercongress. Kenya, Mombasa, 25-29 January 1993; Inaugural Meeting. European Association of Archaeologists. Ljubljana, Slovenia, 22-25 September 1994; Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000-500 v.Chr.). Kraków, 5-10 November 1995; XIII International Congress of Prehistoric and Protohistoric Science. The Sections of the International Congress of prehistoric and protohistoric sciences. Forlì, Italia, 8-14 September 1996; Mensch und Umwelt in der Bronzezeit Europas. Berlin, 17-19. März 1997; Jahrestagung des West- und Süddeutschen Verbandes für Altertumsforschung und der Österreichischen Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte. Wien, Österreich, 19-24 Mai 1997; Чтения, посвященные 100-летию В.А. Городцова в Государственном Историческом музее. Москва, 14-19 апреля 2003; III (XIX) Всероссийский археологический съезд. Великий Новгород-Старая Русса» (Новгородская обл.), Россия, 24-29 октября 2011 г.; Symposium When Sweden was ruled from the Ottoman Empire. Army Museum of Sweden. 27-28 October 2014, Stockholm, Sweden; International conference „Space not only for the living: Human remains at Bronze Age settlements in Eurasia”. Freie Universität Berlin, from the 8th to the 10th of April 2019, Berlin; Конференция «Связи, кон-

такты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.) к юбилею Вадима Сергеевича Бочкарева, 27-29 ноября, Санкт-Петербург 2019.

Societăți științifice/profesionale

Pe parcursul anilor devine membru a mai multor societăți științifice profesionale: președintele Fundației științifico-publice „Rudi-Maetionium”, Chișinău (1991-1996), președintele Comitetului Național a Muzeografilor din Republica Moldova, atașat la *International Conseil des Musees (ICOM, Paris)* (1993-1996), membru a Consiliului Internațional a Muzeografilor (ICOM), Paris (1993-1994), membru a Congresului Mondial a Arheologilor (WAC-World Archaeological Congress) (1993-1995), membru al Asociației Europene a Arheologilor (EAA-European Archaeological Association) (1994-2003), președintele Centrului de Protecție Cercetare a Monumentelor Istorico-Arheologice din Republica Moldova (2003-2007), președintele Consiliului Specializat de susținere a tezelor de doctor (2003-2013), membru al Comitetului Național a Monumentelor și Siturilor din Republica Moldova, atașat la *Conseil International des Monuments et des Sites (ICOMOS, Paris)* (2005-2015), membru a Comitetului Național a Muzeelor din Republica Moldova, atașat la *International Conseil des Musees (ICOM, Paris)* (2009-prezent). Paralel, activează în componența colegiilor de redacție ale unor reviste de specialitate: Tyragetia (revista Muzeului Național de Istorie a Moldovei); Revista Arheologică (revista Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM); Studia Antiqua et Archaeologica, (revista Universității „Al.I. Cuza” din Iași); Revista de cercetări Arheologice și Numismatice, (revista Muzeul municipiului București) și ca editor al seriilor de monografii Biblioteca „Tyragetia” și „Tyragetia International”.

Proiecte

Cunoștințele acumulate în procesul activității de cercetare și calitățile manageriale i-au permis participarea și dirijarea mai multor proiecte de cercetare naționale și internaționale. E. Sava participă în proiectul arheologic internațional „Construcțiile megalitice din Caucazul de Nord”, Institutul de

Istorie a Culturii Materiale (Federația Rusă) și Field Research (USA) (1999-2000, 2002-2004). A condus proiectele: „Investigații istorico-arheologice efectuate în microzona istorico-naturală Rudi-Tătărauca Nouă-Arionești (raionul Dondușeni, R. Moldova)” (1993-1995); „Patrimoniul arheologic al Republicii Moldova în contextul cultural-istoric european”, Consiliul Suprem pentru Știință și Dezvoltare Tehnologică Centrul de Protecție și Cercetare a Monumentelor Istorico-Arheologice din Republica Moldova (2004); „Cercetarea, colectarea, conservarea și valorificarea patrimoniului cultural-istoric al țării” (2006-2008), „Paleoeconomia comunităților din perioada târzie a epocii bronzului în spațiul carpato-balcanic”. Centrul de Protecție și Cercetare a Monumentelor Istorico-Arheologice din Republica Moldova (Chișinău), Freie Universität (Berlin) (2003-2008), „Die Siedlungen mobiler Viehzüchter Die mikroregionale Erschließung einer spätbronzezeitlichen Kulturlandschaft im Süden der Republik Moldova”, Muzeul Național de Istorie a Moldovei (Chișinău); Freie Universität (Berlin) (2016-2019). Ca coordonator de proiect: Proiect instituțional. Republica Moldova (2006-2012) „Valorificarea științifică și publică a tezaurului muzeal în context național/internațional”; Proiect instituțional, Republica Moldova (2009-2010) „Valorificarea științifică și promovarea diverselor categorii de patrimoniu muzeal”; Proiect instituțional, Republica Moldova (2013-2014) „Identificarea, documentarea, cercetarea și punerea în valoare a colecțiilor de patrimoniu muzeal”; Proiect instituțional, Republica Moldova (2013-2014) „Rolul patrimoniului muzeal în dezvoltarea societății contemporane. Cercetare aplicativă”; Proiect instituțional, Republica Moldova (2015-

2019) „Rolul Patrimoniului muzeal în dezvoltarea societății contemporane”; Proiectului Internațional „Situl istoric Tabăra regelui suedez Carol XII de la Varnița – valorificare și promovare”. Republica Moldova. (2016-2017); Proiect instituțional, Republica Moldova (2021-2023) „Patrimoniul muzeal și memoria istorică: cercetare, interpretare, prezentare”.

Publicații

Rezultatele activității sale fructuase în vederea cercetării, sistematizării, interpretării și valorificării patrimoniului arheologic sunt prezentate în peste 100 de studii și articole publicate în țară și de peste hotare, multe din ele în reviste cu prestigiu științific, cotate internațional și opt monografii. Printre acestea menționăm:

Studii și articole

E. Sava, *Die Rolle der „östlichen” und „westlichen” Elemente bei der Genese des Kulturkomplexes Noua-Sabatinovka*. In: (Hrsg. B. Hänsel, J. Machnik) *Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeit (4000-500 v. Chr.)* (München-Rahden/Westf. 1998), 267-312.

E. Sava, *Die spätbronzezeitlichen Aschehügel („Zol’niki”) – ein Erklärungsmodell und einige historisch-wirtschaftliche Aspekte*. In: *Praehistorische Zeitschrift*, 80, 1, Berlin, 2005, 65-109.

E. Sava, *Viehzucht und Akerbau in der Noua-Sabatinovka Kultur. Interpretationsraum Bronzezeit*. In: (Hrsg. B. Horejs, R. Jung, E. Kaiser, B. Terzan) *Bernhard Hänsel von seinen Schülern gewidmet*. In *UPA*, Band 121, Berlin, 2005, 143-159.

E. Sava, *Neue Gussformenfunde der späten Bronzezeit aus dem Gebiet zwischen Prut und Dnestr*. In: *Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000-500 v. Chr.)* (Verlag Marie Leidorf GmbH 2011), 178-187.

E. Сава, Э. Кайзер, М. Сырбу, Е. Мистрян, *Новые исследования поселений с «зольниками» эпохи поздней бронзы в Пруто-Днестровском междуречье*. В: *Ex Ungue Leonem* Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна, Издат. Нестор-История, Санкт-Петербург 2017, 151-179

Monografii

И.В. Манзура, Е.О. Клочко, Е.Н. Савва. *Каменские курганы* (Кишинев: Штиинца 1992).

Е.Н. Савва, *Культура многоваликовой ке-*

рамики Днестровско-Прутского междуречья (по материалам погребального обряда) (Кишинев: Штиинца 1992).

E. Sava, *Die Bestattungen der Noua-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestattungsriten zwischen Dnestr und Westkarpaten. Mit Katalogbeiträgen von N. Boroffka, L. Dascălu, Gh. Dumitroaia, E.V. Jarovoj, T. Soroceanu. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Bd 19. Oetker Voges Verlag (Kiel 2002).*

С.М. Агульников, Е.Н. Сава, *Исследование курганов на левобережье Днестра* (Кишинев: Ed. CEP USM, 2004).

V. Stăvilă, E. Baci, V. Bujac, A. Caraman, V. Malanetchi, V. Oglină, I. Postică, Gh. Postică, E. Sava, Mereni. *Monografia unui sat răzeșesc* (Chișinău, Ed. Atelier 2004).

E. Сава, Э. Кайзер, *Поселение с «зольниками» у села Одая-Мичурин, Республика Молдова* (Археологические и естественнонаучные исследования). // E. Sava, E. Kaiser, *Die Siedlung mit „Aschehügeln” beim Dorf Odaia-Miciurin, Republik Moldova. Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen. Biblioteca Tyragetia XIX* (Chișinău 2011).

E. Sava (cu contribuția M. Sirbu, E. Mistrea-nu), *Așezări din perioada târzie a epocii bronzului* (culturile Noua-Sabatinovka) din spațiul pruto-nistean. *Biblioteca Tyragetia XXVI* (Chișinău 2014).

E. Сава, С. Агульников, И. Манзура, *Исследования курганов в Буджакской степи (1980-1985)*. *Biblioteca Tyragetia* (Chișinău 2019).

T. Soroceanu, E. Sava, *Die Metallgefäße zwischen Karpaten und Westaltai während der Bronze- und Früheisenzeit // Металлические сосуды в эпоху бронзы и раннего железного века, Band I-II, Biblioteca Tyragetia International II* (Chișinău 2020).

Expoziții

A coordonat și organizat un șir de expoziții internaționale cu participarea Muzeului Național de Istorie a Moldovei, printre care: 1. „Attila und die Hunnen”. *Austellung in Historischen Museum der Pfalz Speyer. Deutschland* (2007); 2. Expoziția internațională „Cucuteni-Trypillia, Una Grande Civiltà dell' Antica Europa, V-III millenni a.C.” *Palazzo della Cancelleria, Vatican, Rome, Italy* (2008); 3. *Cucuteni Magia Ceramicii. Complexul Muzeal*

Național MOLDOVA, Iași, (Muzeul Național de Arheologie și Istorie a Moldovei, Chișinău; Muzeul Județean "Stefan cel Mare" Vaslui); 4. Antichitatea târzie în bazinul Prutului. Muzeul "Vasile Pârvan", Bârlad (Muzeul Național de Arheologie și Istorie a Moldovei, Chișinău; Institutul de Arheologie, Iași; Muzeul Județean de Istorie, Botoșani; Muzeul Mixt Tecuci (2009); 5. Expoziția internațională "The Lost World of Old Europe. The Danube Valley, 5000-3500 BC" ținută la New York, USA, cu participarea The Institute for the Study of the Ancient World din New York, în colaborare cu Muzeul Național de Istorie a României, Muzeului Național de Istorie a Moldovei și Muzeul regional de Istorie din Varna (Bulgaria). Mai târziu, expoziție gazduită de Ashmolean Museum in Oxford (Marea Britanie) și Cycladic Art Museum din Atena (Grecia) (2009-2010); 6. „KRIEG – Eine Archaeologische Spurensuche”, expoziție tematică organizată de către Landesamt für Archaeologie und Landesmuseum für Denkmalpflege Vorgeschichte, Halle (Saale), Germania (2015-2016); 7. „Wisigoths, rois de Toulouse”, Musée Saint-Raymond, Musée d’Archeologie de Toulouse, France.

Distincții.

Recunoștință a activității prodigioase a domnului Eugen Sava sunt și diplomele care i-au fost acordate de înalți demnitari de stat: Diploma de gradul întâi a Guvernului RM (2006); Diploma de Onoare a Ministerului Culturii (2006); Diploma de Onoare a Ministerului Culturii (2011); Ordinul Gloria Muncii (2012); Diploma de gradul întâi a Guvernului RM (2016); Diploma de Onoare

re a Ministerului Culturii (2016); Diploma de merit – Academia de Științe a Moldovei (2016); Insigna onorifică „Meritul pentru cultura poloneză”/„Zasłużony dla Kultury Polskiej” – Guvernul Republicii Polonia (2020).

Eugen Sava. Directorul Muzeului Național de Istorie a Moldovei

Din anul 2006 până în prezent, Eugen Sava ocupă funcția de director general al Muzeului Național de Istorie a Moldovei. Pe parcursul acestor ani a luptat continuu pentru interesele instituției pe care o con-

duce și ale angajaților acesteia. A știut să combine armonios activitatea administrativă, științifică și muzeală, obținând rezultate frumoase în aceste domenii. În această perioadă a sporit esențial imaginea muzeului în țară și peste hotare prin expozițiile prezentate la nivel înalt, acordurile de colaborare încheiate cu alte instituții, prin mai multe proiecte științifice și culturale elaborate la scară națională și internațională. Calitățile manageriale a domnului Eugen Sava, insistența în soluționarea dificultăților de orice gen apărute în instituție, înțelegerea și răbdarea cu care tratează de cele mai multe ori situațiile de criză apărute în colectiv au contribuit pe parcursul acestor ani la activitate armonioasă și productivă în cadrul instituției. Au fost îmbunătățite esențial condițiile de muncă ale angajaților, renovarea acoperișului muzeului, depozitelor și ale sălilor de expoziție. În acest timp, Eugen Sava, nu a încetat să cerceteze și să valorifice patrimoniul arheologic al Republicii Moldova, fiind conducător a mai multor șantiere arheologice (Odaia-Miciurin, 2006, 2008; Sofia 2011-2013, 2015; Taraclia, 2016-2019) și publicând în această perioadă patru monografii (2011, 2014, 2019, 2020) și zeci de articole și studii. Eugen Sava pune suflet și sârguință în tot ce ține de imaginea și dezvoltarea Muzeului Național de Istorie a Moldovei și bunei funcționări a tuturor mecanismelor inter muzeale, păstrând o poziție fermă și nepărtinitoare.

Să ne trăiți și să ne bucurați cu prezența mulți ani înainte, domnule Director!

Mariana Sirbu

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVII _ nr. 1

Revistă indexată în bazele de date
SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2021

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Responsabil de volum/responsible for volume: dr. **Ghenadie Sîrbu**

Secretar de redacție/editorial secretary: **Livia Sîrbu**

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Ștefan cel Mare si Sfânt bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul double blind peer-review
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели double blind peer-review
All the papers to be published will be reviewed by experts according the double blind peer-review model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Виталий Окатенко (<i>Харьков</i>), Сергей Скорый (<i>Киев</i>). Бронзовое блюдо с позолотой из Второго Караванского кургана раннескифской поры (Украинская Левобережная Лесостепь)	5
Татьяна Кузнецова (<i>Москва</i>). Античные традиции в генезисе зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка	17
Natalia Mateevici (<i>Chişinău</i>), Mihaela Iacob (<i>Bucureşti</i>), Dorel Paraschiv (<i>Tulcea</i>). Colecţia de ştampile de amfore greceşti din câteva situri getice din nord-estul Dobrogei	34
Nikolai Jefremow (<i>Greifswald</i>), Andrei Kolesnikov (<i>Moskau</i>), Elena Bolonkina (<i>Krim</i>). Neue Namen in den Keramikstempeln von Knidos in der Sammlung des Historisch-archäologischen Museums in Kerč (Krim)	41

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Сергей Рыжов , Валентина Шумова , Александр Дяченко (<i>Киев</i>). Исследования на поселении западнотрипольской культуры Колодистое II	46
Александр Могилов (<i>Киев</i>), Юрий Ляшко (<i>Каменка</i>), Сергей Руденко (<i>Чигирин</i>). Скифское всадническое погребение в бассейне р. Тясмин	59
Сергей Агульников , Виталий Железный (<i>Кишинев</i>). Могильник ногайской культуры у с. Казаклия	81
Vasile Paul Scrobotă (<i>Aiud</i>), Elena Gherman (<i>Iaşi</i>). Cercetări de supraveghere arheologică la obiectivul colegiul „Bethlen Gabor” din municipiul Aiud, jud. Alba. Campania 2012	99

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Mariana Gugeanu , Maria Geba (<i>Iaşi</i>). Investigaţii non-invazive aplicate textilelor arheologice de la Mănăstirea Căpriană	113
--	-----

RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Stanislav Țerna , Mariana Vasilache , <i>Figurinele antropomorfe din etapa Cucuteni A din interfluviul pruto-nistean: (în baza colecţiilor Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei)</i> Biblioteca Tyragetia, 31. Chişinău 2019, 264 pagini şi 63 planşe. ISBN 978-9975-87-562-2 (Илья Палагута, <i>Санкт-Петербург</i>)	120
---	-----

IN HONOREM

К юбилею археолога Анатолия Федоровича Гуцала (Александр Могилов, Виталий Гуцал, <i>Киев</i>)	125
--	-----

Doctorul habilitat EUGEN SAVA la 65 ani (Mariana Sîrbu, <i>Chişinău</i>)	128
---	-----

IN MEMORIAM

In memoriam colegului şi prietenului Oleg Leviţki (Alexandru Furtună, <i>Chişinău</i>)	133
---	-----

In memoriam Olga Larina (15.11.1952 – 01.2021) (Sergiu Bodean, <i>Chişinău</i>)	134
--	-----

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION	137
---	-----

INFORMAȚII ŞI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE	138
--	-----

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE	139
--	-----

IN MEMORIAM

In memoriam colegului și prietenului Oleg Levițki

În unul din cântecele populare se spune:

„Nici o moarte nui amară,
Ca moartea de primăvară
Pe cântecul cucului,
Pe pornitul plugului,”

Amar a fost și multă amărăciune și tristețe nea adus în suflet plecarea, în lumea celor drepti, a colegului și prietenului Oleg Levițki. A plecat, pe un drum „înainte mergător și înapoi neîntorcător”, asemenea uni falnic și viguros stejar cu rădăcinile adânc slobozite în vechii și veșnic tinerii Codri orheieni. A plecat când nu împlinise nici 64 de ani, când rămăsese încă multe lucruri de studiat și publicat, când urma să joace la nunta dragii sale fiice Olguța, să aibă nepoței și să se bucure de ei. S-a reîntor, pentru a-și găsi liniștea și a-și dormi somnul de veci, în huma satului unde a prins viață și de unde și-a luat zborul în lume. S-a reîntors ca să fie mai aproape de casa părintească și de draga lui soră Liliana.

Ne-a lăsat pe toți cu inima frântă de durere, dar cu amintiri frumoase și luminoase. Ne-am cunoscut în îndepărtatul an 1973, dar atât de aproape sufletului nostru mult prea zbuciumat, când am susținut examenele de admitere la Institutul Pedagogic de Stat „Ion Creangă”, Facultatea Istorie și Pedagogie. Am împărțit, pe parcursul anilor de studenție, aceeași cameră de cămin. Eram tineri și frumoși... În toamna anului 1978, după absolvirea facultății, am fost luați la cătănie. Am fost, din nou împreună, timp de o jumătate de an. În primăvara anului 1979, drumurile noastre s-au despărțit, pentru a ne reîntâlni, ulterior, și lucra împreună, o viață de om, în cadrul Academiei de Științe a Moldovei. A fost unicul, dintre colegii noștri, care a susținut teza de Doctor Habilitat. A deținut, pe parcursul mai multor ani, funcția de director al Centrului de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural. A deținut și funcția de director interimar al institutului. A publicat numeroase lucrări științifice, recunoscute și apreciate de către comunitatea din lumea arheologiei.

Scriu aceste rânduri și mă podidesc lacrmile.

Inima parcă nu mă lasă să aștern pe hârtie sintagma „a fost”. Căci, pe drept cuvânt, colegul și prietenul Oleg Levițki, rămâne viu în amintirile noastre, rămâne și prin cărțile și articolele publicate. O viață de om dedicată cercetării, atât pe teren, cât și în selilele de lectură și la birou. De aceea, când bunul Dumnezeu ne chiamp la dânsul, când urmează ca sufletele noastre să se înalțe la Cer, cuvântul meu către ceu rămași îndurerați și înlăcrimați, este unul:

Nu ne căutați prin cumitire,

Căutați-ne în sălile de citire.

Nu ne căutați printre morminte,

Căutați-ne printre cuvinte.

Somn lin și odihnitor, dragă coleg și prieten,
în Lumea celor fără durere. Dormi în pace!

Alexandru Furtună

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XVII _ nr. 1

Revistă indexată în bazele de date
SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2021

ISSN 1857-016X
E-ISSN 2537-6144

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Responsabil de volum/responsible for volume: dr. **Ghenadie Sîrbu**

Secretar de redacție/editorial secretary: **Livia Sîrbu**

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Ștefan cel Mare si Sfânt bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul double blind peer-review
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели double blind peer-review
All the papers to be published will be reviewed by experts according the double blind peer-review model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Виталий Окатенко (<i>Харьков</i>), Сергей Скорый (<i>Киев</i>). Бронзовое блюдо с позолотой из Второго Караванского кургана раннескифской поры (Украинская Левобережная Лесостепь)	5
Татьяна Кузнецова (<i>Москва</i>). Античные традиции в генезисе зеркала из кургана № 447 у с. Журовка/Журавка	17
Natalia Mateevici (<i>Chişinău</i>), Mihaela Iacob (<i>Bucureşti</i>), Dorel Paraschiv (<i>Tulcea</i>). Colecţia de ştampile de amfore greceşti din câteva situri getice din nord-estul Dobrogei	34
Nikolai Jefremow (<i>Greifswald</i>), Andrei Kolesnikov (<i>Moskau</i>), Elena Bolonkina (<i>Krim</i>). Neue Namen in den Keramikstempeln von Knidos in der Sammlung des Historisch-archäologischen Museums in Kerč (Krim)	41

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Сергей Рыжов , Валентина Шумова , Александр Дяченко (<i>Киев</i>). Исследования на поселении западнотрипольской культуры Колодистое II	46
Александр Могилов (<i>Киев</i>), Юрий Ляшко (<i>Каменка</i>), Сергей Руденко (<i>Чигирин</i>). Скифское всадническое погребение в бассейне р. Тясмин	59
Сергей Агульников , Виталий Железный (<i>Кишинев</i>). Могилиник ногайской культуры у с. Казаклия	81
Vasile Paul Scrobotă (<i>Aiud</i>), Elena Gherman (<i>Iaşi</i>). Cercetări de supraveghere arheologică la obiectivul colegiul „Bethlen Gabor” din municipiul Aiud, jud. Alba. Campania 2012	99

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Mariana Gugeanu , Maria Geba (<i>Iaşi</i>). Investigaţii non-invazive aplicate textilelor arheologice de la Mănăstirea Căpriană	113
--	-----

RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Stanislav Țerna , Mariana Vasilache , <i>Figurinele antropomorfe din etapa Cucuteni A din interfluviul pruto-nistean: (în baza colecţiilor Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei)</i> Biblioteca Tyragetia, 31. Chişinău 2019, 264 pagini şi 63 planşe. ISBN 978-9975-87-562-2 (Илья Палагута, Санкт-Петербург)	120
---	-----

IN HONOREM

К юбилею археолога Анатолия Федоровича Гуцала (Александр Могилов, Виталий Гуцал, Киев)	125
--	-----

Doctorul habilitat EUGEN SAVA la 65 ani (Mariana Sîrbu, <i>Chişinău</i>)	128
---	-----

IN MEMORIAM

In memoriam colegului şi prietenului Oleg Leviţki (Alexandru Furtună, <i>Chişinău</i>)	133
---	-----

In memoriam Olga Larina (15.11.1952 – 01.2021) (Sergiu Bodean, <i>Chişinău</i>)	134
--	-----

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION	137
---	-----

INFORMAȚII ŞI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE	138
--	-----

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE	139
--	-----

In memoriam Olga Larina (15.11.1952 – 28.01.2021)

Începutul anului curent a fost marcat de o veste tristă pentru comunitatea arheologică din Republica Moldova. La 28 ianuarie 2021, după o luptă inegală cu o maladie necruțătoare, a plecat la cele veșnice Olga Larina, arheolog, doctor în istorie, specialist în arheologia neoliticului din spațiul sud-est european.

Olga Larina se naște la 15 noiembrie 1952 în orașul Ivano-Frankovsk, RSS Ucraineană. După absolvirea școlii medii de cultură generală urmează un stagiu de muncă la o întreprindere din or. Tula, Federația Rusă. În anul 1972 este admisă la Facultatea de Istorie și Filologie, secția Istorie, a Universității Pedagogice de Stat L.N. Tolstoi din or. Tula. Pe parcursul anilor de studenție Olga Larina participă la săpături arheologice organizate de către Institutul de Arheologie al Academiei de Științe a URSS și Institutul de Istorie al Academiei de Științe a RSSM. În această perioadă domeniul ei de interes științific îl constituiau culturile din prima epocă a fierului de pe teritoriul Moldovei și Ucrainei. Absolveste facultatea cu mențiune în anul 1976, activând o scurtă perioadă în calitate de pedagog la o școală din regiunea Tula.

Din luna aprilie 1977 Olga Larina este angajată la Institutul de Istorie al Academiei de Științe a RSSM în calitate de laborant superior. Ulterior este promovată în funcția de cercetător științific inferior în cadrul Secției de etnografie și studiul artelor al Academiei de Științe a RSSM. În anii 1983-1984 activează în calitate de inspector la Societatea moldovenească de protecție a monumentelor de istorie și cultură.

Între anii 1978 și 1983 își face studiul de doctorat, cu frecvență redusă, la Secția din Leningrad a Institutului de Arheologie al Academiei de Științe a URSS, având ca temă de cercetare cultura ceramicii liniare din sud-vestul URSS. Teza de doctorat *Культура линейно-ленточной керамики Юго-Запада СССР (молдавская группа)*, o susține cu brio la 11 ianuarie 1989. În formă monografică, cu titlul *Культура линейно-ленточной керамики Пруто-Днестровского региона*, lucrarea vede lumi-

na tiparului în anul 1999. Analizând materialele acumulate pe parcursul a circa patru decenii de cercetare, Olga Larina abordează sistemic aspec-

Cu părinții Vasile Larin și Lilia Larina (Generalova) precum și frații Boris și Alexandru (de la stânga la dreapta).

tele ce țin de habitat, cultura materială, activitățile economice, cronologia și specificul vestigiilor culturii ceramicii liniare din spațiul interfluviului Prut-Nistru.

După susținerea tezei de doctorat este promovată în funcția de cercetător științific superior și cercetător științific coordonator, funcții pe care le-a deținut pe parcursul timpului în cadrul Institutului de Arheologie și Istorie Veche, Institutului de Arheologie și Etnografie și Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM. Din cauza stării precare de sănătate, în luna august 2018 ea este nevoită să își dea demisia din funcția deținută.

Subiectele abordate în zecile de lucrări științifice semnate de Olga Larina țin de diverse aspecte ale neoliticului din spațiul est-carpatic sau de valorificarea rezultatelor cercetărilor arheologice. Cercetările de anvergură realizate în siturile neolitice de la Dănceni (1978, 1980) și de la Sacarovca (1989-1991, 1995-1998) ghidate de dumneaei, s-au soldat cu descoperirea unor cantități impresionante și valoroase de vestigii neolitice aparținând culturii ceramicii liniare și culturii Criș.

Noile investigații sistematice și de suprafață au fost ulterior valorificate în cele două monogra-

Pe șantierul arheologic de la Brăviceni (anul 1985/1986?).

fii semnate în colaborare cu soțul său, dr. hab. Valentin Dergaciov. Prima monografie, *Памятники культуры Криш Молдовы (с каталогом)*, apărută în anul 2015, are drept subiect vestigiile culturii Criș cunoscute până în prezent pe teritoriul Republicii Moldova. O atenție sporită este acordată materialelor din așezarea Sacarovca, cercetată timp de opt campanii de săpături arheologice. Ultima apariție editorială având-o ca semnatară pe regretata Olga Larina – *Памятники культуры линейно-ленточной керамики Республики Молдова (свод источников)*, vede lumina tiparului în anul 2017. Un pas important în cunoașterea vestigiilor

neolitice din spațiul prutonistrean a fost realizat în a doua jumătate a anilor '90 ai secolului trecut, când colectivul de cercetare ghidat de domnia sa a efectuat cercetări arheologice în așezările deja cunoscute ale culturii Bugo-Nistrene din bazinul r. Nistru (Soroca I, Soroca III) și în altele noi identificate (Tătărauca Nouă XIV, Tătărauca Nouă XV). Cultura Bugo-Nistreană reprezenta o nouă temă de cercetare care urma să fie abordată

Cu participanții congresului științific din Berlin (anul 1994).

în timp de către regretata Olga Larina.

Valentin Dergacev și Olga Larina în curtea Institutului de Arheologie și Etnografie (anul 2000).

Pe parcursul activității sale a efectuat și investigații arheologice preventive și de salvare în mai multe necropole tumulare și așezări din diferite zone ale Republicii Moldova (Parcani, Brăviceni, Ternovca, Fetești, bazinul mijlociu al r. Prut ș.a.). Rezultatele obținute au fost valorificate în articole aparte sau sub formă monografică (Ларина О.В.,

Манзура И.В., Хахей В.П. Брэвиченские курганы, Chișinău 2008). Ca cercetător versat în problemele neoliticului din spațiul pruto-nistrean, dumneaei a participat la mai multe manifestări științifice naționale și internaționale cu comunicări care au suscitat interesul specialiștilor din domeniu. Dovadă a competențelor de care a dat dovadă distinsa cercetătoare sunt numeroasele stagieri și proiecte de cercetare internaționale realizate în comun cu instituții de profil din Belgia, Germania, România și Federația Rusă.

Olga Larina va rămâne în memoria noastră ca un veritabil arheolog profesionist, bun coleg și îndrumător care împărtășea tinerei generații de arheologi din experiența sa, cercetător exigent și responsabil față de vestigiile trecutului. Lucrările științifice realizate cu acuratețea de care da dovadă, având la bază abordarea sistemică a materialelor, reprezintă contribuții esențiale la cunoașterea epocii neolitice din spațiul sud-est european.

Sit tibi terra levis!

Sergiu Bodean